

МОН

Ь Раифский Богородицкий монастырь Раифский
ежегодное православное издание

Я раифский журнал

2016

**Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ТУ 16-00596 от 1.08.2011**

Выдано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций по Республике Татарстан
(Татарстан)

O+

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви.
Свидетельство N 167
от 6 октября 2011 г.

По благословению
митрополита
Казанского и Татарстанского
ФЕОФАНА
(Ашуркова)

Раифский АЛЬМАНАХ

Учредитель и издатель:

православная религиозная организация
Епархиальный Раифский
Богородицкий мужской монастырь

Главный редактор:
Ольга Крестинина

Рисунки:
Галина Расческова

Адрес редакции и издателя:
422537, Раифский монастырь,
п. Раифа, Зеленодольский р-он, РТ

E-mail: raifa@raifa.ru

**Издательский отдел
Раифского Богородицкого монастыря,
2016. — 158 с.**

Раифский АЛЬМАНАХ

Цель сборника «Раифский Альманах» — христианское и духовно-нравственное просвещение, знакомство читателей с православными традициями и жизнью Православной Церкви...

На страницах «Раифского Альманаха» — церковно-исторические труды, мемуары, уникальные архивные материалы, литературные произведения, оригинальные, ранее не публикованные или незаслуженно забытые святоотеческие труды...

«Раифский Альманах» представляет читателям наших современников — православных авторов художественных произведений, музыкантов, фотомастеров, художников...

1

Изгнаник

«Се, что
добро, или что
красно,
но еже жити
братии вкупе»

Пророк
Давид,
пс. 132,
ст. 1

2

исследование

3

эксперт

5

музыка

«Стоят
над ложем
образа,
Их ризы
блещут...»

4

архив

ЧЕТЫРЕ
СТОЛЕТИЯ

Рязанский Богородицкий
Лужской монастырь

Иифский Богородицкий мужской монастырь Раифский монастырь Богородицкий монастырь Раифский монастырь

ИЕКРОЛОГ –
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО
НА ВЕКА

стр. 10-13

РОЖИТЕ ДНИ СВЯЩЕННО- АРХИМАНДРИТА ВЕНИАМИНА (АВЕРКИЕВА)

стр. 14-27

1

настарь

II
некролог
Последнее
слово
НЯ ВСКА

архимандрит
Всеволод (Захаров),
1959-2016

фото Эдуарда Закириева

20 августа 2016 года на 58-м году жизни скоропостижно скончался наместник Раифского Богородицкого мужского монастыря **АРХИМАНДРИТ ВСЕВОЛОД** (Захаров), чья жизнь была частью жизни Церкви.

Архимандрит Всеволод (Вячеслав Александрович Захаров) родился 23 января 1959 года в Казани в многодетной семье. Его мать одна воспитывала шестерых детей.

Однажды в юном возрасте, возгорев любовью к Богу, он оставил всё, что привязывает к миру. То были времена, когда было не просто «не модно» — осуждалось идти по пути служения Церкви. Но с присущим ему оптимизмом, твёрдостью воли, неунывающим веселым характером он, имея данный Богом талант, не побоялся стать на церковную тропу. Нёс послушания алтарника в Никольском соборе города Казани и иподиакона епископа Казанского и Марийского Пантелеимона.

После окончания Казанской средней школы №1, в 1977 году поступил в Московскую духовную семинарию, где не только получил богословское образование, но и прививку монашеской жизни.

Затем — служение после принятия сана на благословенной Курской земле, родине великих угодников Божиих. Он не счёл зазорным пойти служить в глухую деревеньку, в запущенный храм... За очень короткое время сумел создать настоящую общину, живущую единым сердцем и единой душой со своим пастырем. Благодаря усердным трудам и захолустная деревенька воскресла, и храм ожила.

Но Господь призвал вновь молодого священника на землю Казанскую. Сначала было служение приходское. Очевидно, в сердце будущего архимандрита горел огонёк, зажжённый у раки преподобного Сергия. Посетив поруганную обитель Раифскую, он дерзновенно пришел к иерарху со словами: «Пошлите меня в Раифу возрождать её». Многие этому удивлялись, и по сей день удивляются. Какое надо было иметь дерзновение, какую любовь к Церкви, какую глубокую веру, чтобы вот так твёрдо пойти восстанавливать эти руины!

Царица Небесная Своим чудотворным образом «Грузинским», а также мученики преподобные сей обители были рядом: наместник сумел найти нужные слова к прихожанам, постепенно собрать братию, сумел через своё служение посеять веру в благие намерения сильных мира сего и руководства республики. За годы его управления Раифская обитель стала одним из важнейших духовных центров Татарстанской митрополии, привлекающим к себе множество паломников и всех желающих познакомиться с православным монашеством.

Отец-наместник сподобился безболезненной, непостыдной и мирной кончины в первый день попразднства Преображения Господня, в своем рабочем кабинете в Раифском монастыре, которым он управлял в течение четверти века.

С кончиной архимандрита Всеволода осиротели не только наельники обители и его многочисленные духовные чада, но и воспитанники приюта для мальчиков, который он создал и окормлял в течение многих лет.

Вместе с православными верующими скорбят и наши мусульманские братья, ибо велика заслуга почившего в укреплении межконфессионального мира в Татарстане, в установлении добрых и конструктивных отношений с мусульманской общиной республики.

Архимандрит Всеволод навсегда останется в наших сердцах как пастырь добрый, полагающий душу свою за овец, вверенного его попечению словесного стада Христова.

Человеколюбец Господь да упокоит душу усопшего раба Своего в селениях праведных!

*Из Слова митрополита Казанского
и Татарстанского ФЕОФАНА,
священноархимандрита
Раифского Богородицкого монастыря,
на погребении наместника
и из соболезнования братии обители*

СВЯТОГО ВЫСОКОПРЕПОДОБИЕ священноархимандрит Всеволод – на-
местник Раифского Богородицкого мужского монастыря. Архимандрит
Всеволод (в миру – Вячеслав Александрович Захаров) родился
23 января 1959 года в городе Казань.

После окончания Казанской средней школы №1, в 1977 году поступил в Московскую Духовную семинарию.

В 1981 году рукоположен во иереи.

Пастырское служение начинал в Курской епархии настоятелем Кресто-воздвиженского храма в селе Черкасское-Поречное Суджанского района. В 1985 году переведен в Казанскую и Марийскую епархию, назначен настоятелем храма свв. Петра и Павла города Зеленодольска, ТАССР. Активно начал восстанавливать духовную жизнь, создал одну из первых детских Воскресных школ в СССР.

В 1989 году принял монашеский постриг с именем Всеволод и возведен в сан игумена.

В 1991 году начал восстановление обители в 1992 году.

В 1993 году возведен в сан архимандрита.

Является Почетным Академиком международной академии Азия-Европа

Имеет звание почетного члена Академии Гуманитарных Наук (академика)

Член ученого совета Волжско-Камского Государственного природного

заповедника.

Кавалер ордена Дружбы.
За укрепление дружбы между народами награжден дипломами междуна-

Одной из наград, врученных в честь юбилея, стала медаль «В память 1000-летия

Награжден дипломом республиканского конкурса «Благотворитель года»,
Казани» за значительный вклад в развитие города. 2005 г.

Является почетным гражданином Зеленодольского муниципального

За выдающиеся заслуги в укреплении православных и духовных традиций и за личный вклад в возрождение Православия в России награжден Орденом Святого Князя Александра Невского II степени.

Во внимание к усердным пастырским трудам и в связи с 50-летием со дня рождения награжден орденом Русской Православной Церкви Преподобного Сергия Радонежского II степени.

В связи с 55-летием со дня рождения удостоен государственной медали «За доблестный труд»

Во внимание к трудам на благо святой Церкви 24 декабря 2015 года наместнику Раифского монастыря была вручена юбилейная медаль Русской Православной Церкви «В память 1000-летия преставления равноапостольного великого князя Владимира».

Михаилъ Мельниковъ.

Можайскій Авва

ВЕНІАМИНЪ

(Аврекіевъ).

ЕГО ПЯТИДЕСЯТИЛЪТНЕЕ СЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ БОЖІЙ.

„Се, что добро, или что красно,
но еже жити братіи вкупъ“.

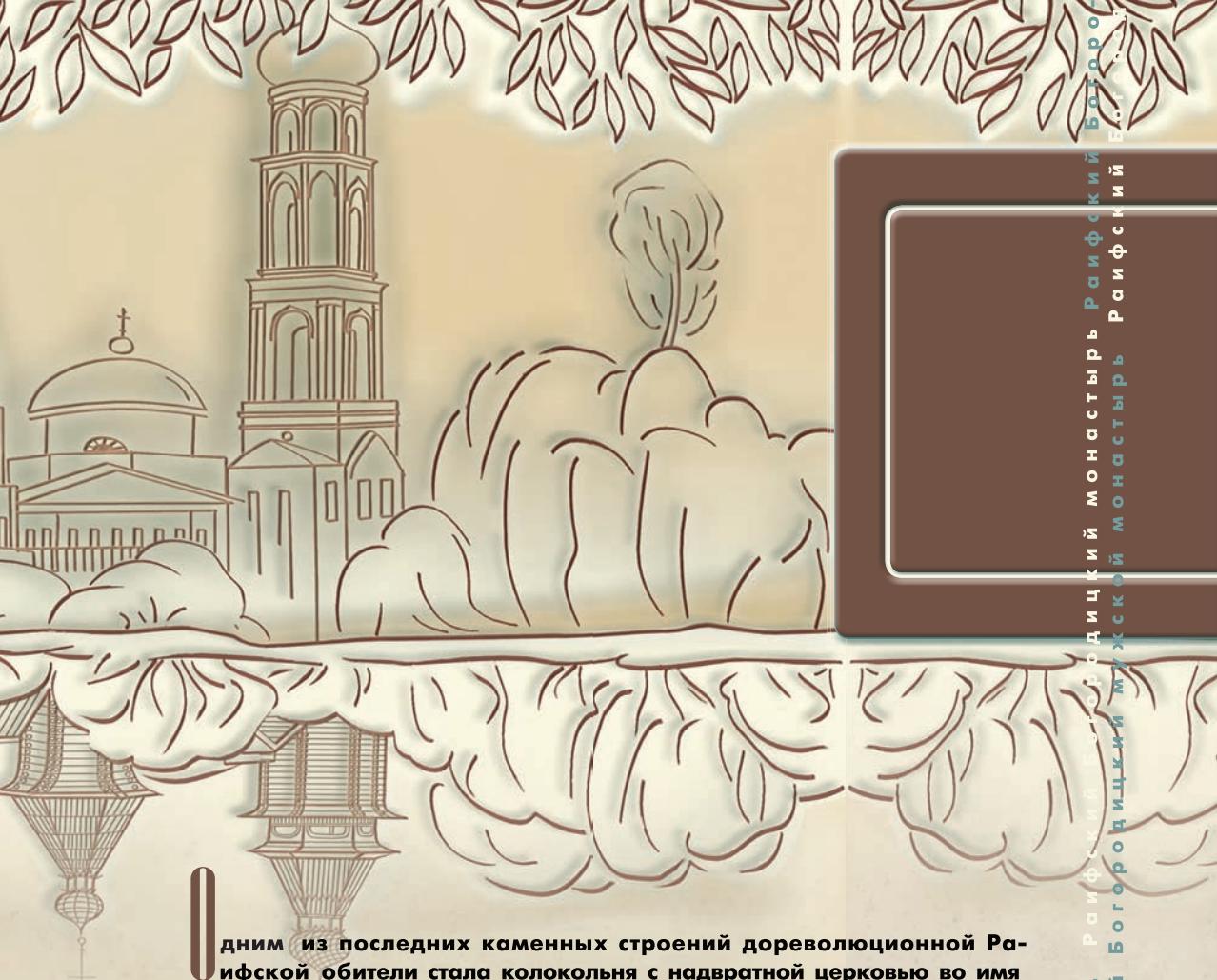
(Прор. Давидъ, псал. 132, ст. 1).

ВЫПУСКЪ I-й.

МОСКВА.

1916.

Обложка
сборника

Днём из последних каменных строений дореволюционной Раифской обители стала колокольня с надвратной церковью во имя Архистратига Божия Архангела Михаила. В то время настоятелем монастыря являлся игумен Вениамин (Аверкиев), сведения о котором в монастырской летописи почти не сохранились...

Когда материалы альманаха готовились к публикации, в редакционный отдел обители из Йошкар-Олинской епархии была передана в дар небольшая книжица 1916 года «Прожитые дни настоятеля Лужецко-Ферапонтовой обители священноархимандрита Вениамина (Аверкиева)». Таким образом стали известны подробности деятельности пастыря отца Вениамина. Дела его церковного устроения оказались созвучны и промыслительно похожи с направлением жизненного пути другого архимандрита, недавно почившего наместника Раифского монастыря отца Всеволода (Захарова):

...міръ его понять и оцѣнить, изъ простота онъ сдѣлался руководителемъ паствы Христовой, такъ какъ тайна и сила вѣры заключается въ простотѣ, а не въ учености...

Предлагаем вниманию отрывок о времени, когда молодой настоятель иеромонах Вениамин принял практически разоренную Раифскую пустынь...

Прожитые дни...

священноархимандрита
Вениамина (Аверкиева),
1845 - после 1919

отрывок
сохранена
орфография
оригинала

ГОСПОДЬ нашъ Іисусъ Христосъ и Его святые Апостолы, привѣтствуя и прощаюсь, говорили: «миръ вамъ», т.-е. желали христіанского драгоцѣнного мира, безъ котораго мы не можемъ обращаться къ Богу. Поэтому слѣдуетъ обратить особое вниманіе на побужденія и средства для стяжанія этого великаго дара христіанского мира. Для этого нужно, чтобы почаще въ нась умолкало человѣческое мудрованіе и разумъ, а, вознесенное въ горняя, сердце наше отринуло бы отъ себя всякое земное помышленіе. Сколько бы мы нашли побужденій любить и хранить сей миръ! Тотъ, чье имя чудно и непостижимо для самихъ Ангеловъ, называетъ себя въ Словѣ Божиемъ Богомъ мира (Филип. IV. 9), и пребываетъ, какъ сказалъ пророкъ Давидъ въ псалмѣ LXXY, мѣсто Его въ мире, который витаетъ въ небесномъ Сионѣ, где, по слову пророка Давида въ псалмѣ LXXV, ст. 3, Самъ Господь имѣть жилище и пребываніе.

Въ царствѣ мира окружаютъ Господа мирные хранители душъ нашихъ, бдительные попечители царствѣ и городовъ и весей, строгіе исполнители святѣйшей Его воли, вѣрные посланники Его хотящимъ наслѣдовать спасеніе, щедродаровитые раздатели свѣта благодатнаго, сильные защитники наши въ скорбяхъ и напастяхъ.

Тамъ въ градѣ Бога живаго, среди темъ ангеловъ и архангеловъ, среди торжества церкви первородныхъ и духовъ праведныхъ, обитаетъ вѣчный неизглаголанный миръ, и оттолѣ, какъ отъ неисчерпаемаго источника, обильною струею изливается въ страны міра сего, къ нашему назиданію и побужденію, миръ и любовь.

...Сколь прекрасное зрѣлище, когда различные воли, различные умы соединяются воедино; когда множество усть и сердецъ устремляется къ единой цѣли возвышать и совершенствовать общее благо, утверждать миръ и любовь и прославлять Бога, такимъ образомъ приближаться къ спасенію своему, Царствію небесному, какъ христіанскому идеалу. Руководствуясь такимъ идеаломъ и будучи прсданъ ему всѣмъ своимъ существомъ, отецъ Веніаминъ направилъ свой жизненный путь по этой стезѣ; міръ его понялъ и оцѣнилъ, изъ простеца онъ сдѣлался руководителемъ паства Христовой, такъ какъ тайна и сила вѣры заключается въ простотѣ, а не въ учености. Стоить только оглянуться въ дни древніе, чтобы поучиться у святыхъ простецовъ въ великихъ дѣлахъ церковнаго устроенія. Эти простецы, создавшіе нашу древнюю церковную исторію, горѣли на свѣщницацѣ церковной ярко, освѣтили немерцающимъ свѣтомъ, пламенной вѣрой, истовой церковностью и глубокимъ разумѣніемъ знаменія времени.

Они-то, родимые, воспитали, создали и сохранили святую Русь до сего дня, подражал святымъ Апостоламъ Христовымъ; по благодати Божіей они-то, эти простецы, продолжаютъ и до сего дня обслуживать наши св. обители, сохраняя ихъ до нашего времени. Архіепископъ Антоній Харьковскій выразился «не будетъ простецовъ не станетъ и обителей».

Будучи увѣренными, что источникъ мира и любви скрывается въ собственномъ сердцѣ каждого, въ особенности тогда, когда мы во всѣхъ

заповѣдяхъ и оправданіяхъ Господнихъ ходить будемъ непорочно, т.е. не будемъ возмущать мира души нашей расположениемъ сердца нашего грѣху, завистью ко благу ближняго, гордостью, желаніемъ суетной чести, жаждою богатства, желаніемъ жить роскошно, какъ живутъ другіе, уныніемъ, малодушіемъ въ скорбяхъ и трудностяхъ въ земной жизни, а будемъ имѣть свидѣтелемъ дѣяній и помышленій своихъ Господа нающаго Иисуса Христа, Испытующаго сердца и утробы, сохраняя совѣсть непорочно предъ Богомъ и людьми, то обрящемъ, наконецъ, миръ, утверждающій внутри насъ Царствіе Божіе (Лук. XVII, 21), обрящемъ миръ Божій, превосходящій всякое разумѣніе человѣческое (Филип. IV, 7). Это блаженное и мирное состояніе на землѣ не есть произведеніе или плодъ усилий подвиговъ человѣческаго разума, но преимущественно даръ благодати Господа нашего Иисуса Христа.

Это стремленіе къ миру проходитъ золотой ниткой во всей монашеской практике.

Д. ч. Общества ревнителей русскаго исторического
Просвѣщенія Имени Императора Александра III.
Михаилъ Мельниковъ

26 сентября 1915 г.
Крымъ, Кизильташская обитель

... Въ 1876 году о. Веніаминъ перемѣщенъ въ Раифскую пустынъ казначеемъ и въ 1877 году назначенъ исполняющимъ должность настоятеля той же пустыни, въ каковой должности утвержденъ въ томъ же году 19 ноября. Молодой настоятель іеромонахъ отецъ Веніаминъ принялъ Раифскую пустынъ очень разстроенную, какъ въ религіозно-нравственномъ, такъ и, въ особенности, материальномъ отношеніи и до того раззоренной, что его предшественникъ архимандр. Варлаамъ предположилъ казанскому архіепископу Антонію (Амфитеатрову) или закрыть пустынъ или приписать ее къ Семіозерной, болѣе обезпеченной въ материальномъ отношеніи, или преобразовать въ женскій монастырь. Но къ счастью, преосвященный Антоній съ мнѣніемъ архимандрита Варлаама не согласился и назначилъ, по его мнѣнію, дѣятельного, знающаго, энергичнаго человѣка — казначея Семіозерной пустыни іеромонаха Веніамина, который, какъ мы увидимъ, вполнѣ оправдалъ его выборъ и надежды.

Первымъ дѣломъ о. настоятель Веніаминъ взялъ отпускъ болѣе продолжительный, пригласивъ съ собой назначенаго казначея Раифской пустыни, іеромонаха Дмитрія, (въ 1913 умершаго въ Раифской пустыни въ санѣ архимандрита) и отправился путешествовать по св. мѣстамъ Востока и Запада. Въ Палестинѣ пробылъ онъ болѣе месяца, гдѣ наблюдалъ порядки и обычаи греческихъ монастырей Киновьи и изучалъ ихъ уставы и порядки и постигъ духъ жизни греческихъ монаховъ въ совершенствѣ.

Затѣмъ посѣтилъ св. гору Аѳонъ, гдѣ при его рѣдкой наблюдательности, многое онъ принялъ къ свѣдѣнію и руководству. Быль, конечно, въ Царьградѣ, а затѣмъ на западѣ въ городѣ Барѣ-градѣ, Неаполѣ, Римѣ и пр. городахъ.

Въ Римѣ кардиналь въ Базиликѣ св. Петра подарилъ о. Веніамина желѣзныя вереги точную копію съ веригъ св. апостола Петра и копію желѣзного гвоздя Господня).

По возвращеніи своемъ въ обитель, онъ ревностно занялся приведенiemъ въ истовый строй монастырской жизни ввѣренной ему Раифской обители.

1. Эти святыни нынѣ пожертвованы о. архимандритомъ Веніаминомъ въ Покровский соборъ Василія Блаженнаго, а камень отъ Гроба Господня въ общину Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Феодоровны Марео-Маріинской обители

И началъ строить колокольню. Видя такіе образцовые порядки Раифской обители, богомольцы ринулись толпами въ Раифскую пустынь. Многие казанские богачи пріѣзжали въ пустынь провести день своего Ангела, конечно, при томъ много жертвуя на св. обитель.

Изъ нихъ въ особенности замѣчательны: Прибытковы, Атлашкины, Сусловы, Щетинкины, Ивановы и прочие.

Благодаря этимъ жертвователямъ о. Веніаминъ построилъ грандіозную колокольню съ часами, прекрасной архитектуры, надъ новыми святыми воротами. Тогда былъ пожертвованъ Сусловымъ колоколь въ 500 пудовъ. Надъ воротами и колокольнею о. Вніаминъ построилъ храмъ во имя св. Архистратига Божія Михаила и проч. Безплотныхъ силъ. Трапезная церковь была вся развалившись, своды обрушились, и изъ нея убраны были уже и св. иконы, словомъ были однѣ только стѣны. О. Веніаминъ отремонтировалъ, разобравъ, вновь сложилъ трапезную церковь, а при ней устроилъ новую трапезу для братіи, а въ въ верхнемъ этажѣ помѣстилъ библіотеку и архивъ. На монастырской землѣ возле самаго монастыря была деревушка, состоявшая изъ 8 хатъ, которую о. Веніаминъ, во избѣженіе соблазна, перенесъ въ болѣе отдаленное мѣсто, а на мѣстѣ этой деревни о. Веніаминъ построилъ нѣсколько благоустроенныхъ дачъ, которыя были населены людьми богатыми, приносившими св. обители значительный доходъ.

Но за эти дѣйствія о. Веніамина такъ были озлоблены крестьяне, что одинъ служитель хотѣлъ о. настоятеля «бросить въ озеро или пулькой изъ ружья угостить», но Господь его сохранилъ отъ всего. Затѣмъ всѣ монастырскія стѣны были приведены въ надлежащиій видъ, крыши покрыты были желѣзомъ вмѣсто дерева и окрашены; устроены были оранжереи, теплицы и прочее. Казанские жители помнятъ о. архимандрита Веніамина и сейчасъ говорятъ, что онъ изъ Раифской пустыни устроилъ лавру. Въ числѣ богомольцевъ, пріѣзжавшихъ помочиться въ эту святую обитель, были лица свѣтскія и духовныя, высокаго положенія. Въ числѣ послѣднихъ былъ священникъ г. Казани Викторъ Александровичъ Охотинъ (нынѣ архимандритъ Покровскаго харьковскаго монастыря), находившійся съ о. архимандритомъ Веніаминомъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

2.

Во время пребывания отца Венiamина въ Раифской пустыни съ нимъ былъ случай, который показываетъ, что любовь къ матери у него велика и продолжается и постъ ея смерти, что онъ находился подъ духовнымъ ея влияниемъ.

Люди говорятъ, хороший сынъ—добрый человѣкъ.

Это было въ 1886 году, когда въ

Бозѣ почивающій

Кievskій митрополитъ Платонъ, особенно благоволившій къ отцу Венiamину, предложилъ ему перейти на службу къ себѣ, въ Kievъ. Согласно желанію владыки онъ подалъ даже прошеніе

о приемѣ въ его Lavру и въ моментъ окончательного решения этого перевода отцу Венiamину является во снѣ умершая въ 1879

г. его мать въ келю но и, стуча по столу пальцемъ, строго на строго запрещая ему это дѣлать, сказала: «куда ты переходишь, говорю тебѣ не смѣй переходить». Когда на это предложеніе матери о.

Венiamинъ отъ прямого отвѣта уклонился, тогда мать вторично ударила рукой по столу и сказала: «Тебѣ говорю не смѣй переходить» поклонилась и ушла.

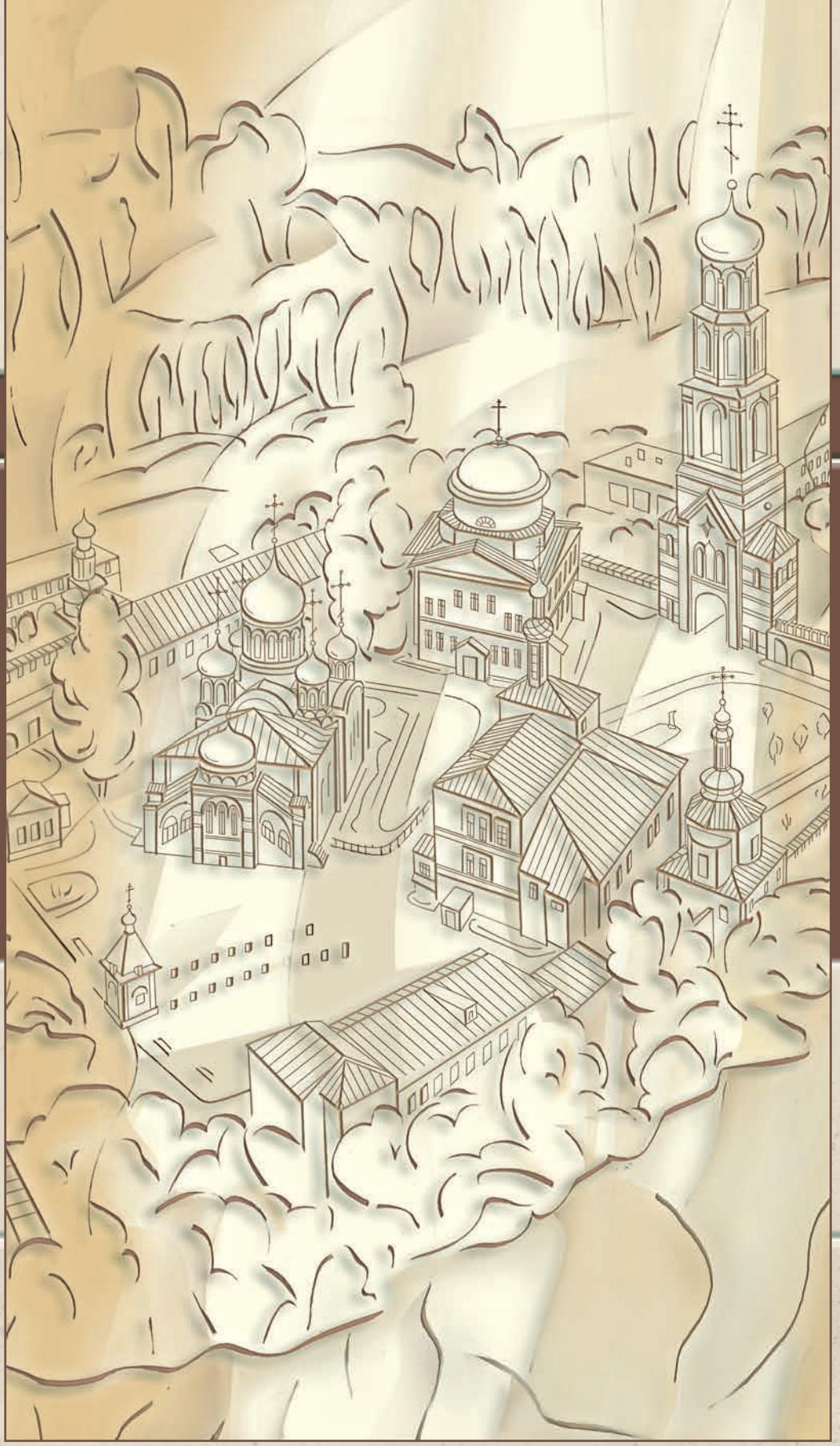
Однажды, обозрѣвая монастырь съ о. Венiamиномъ, означенный священникъ обратилъ вниманіе на развалины какого-то храма и спросилъ: «что это за развалины?» На это о. архимандритъ отвѣтилъ: «что это былъ первый храмъ во имя въ Синаѣ и Раифѣ избѣнныхъ преподобныхъ, коихъ праздникъ въ январтѣ 14 числа, св. Мардарія и Ореста и прочихъ святыхъ, частицы мощей коихъ находятся у нихъ въ храмѣ».

Тогда священникъ Викторъ Охотинъ сказалъ ему, «что на основаніи сообщенія отца настоятеля слѣдуетъ этотъ храмъ возстановить.

Отецъ Венiamинъ отвѣтилъ, что средствъ не имѣется, на что о. іерей возразилъ, что у него есть пріятель Делярю, человѣкъ онъ богатый и добрый и вѣроятно не откажеть въ пособіи для возстановленія св. храма. Послѣ чего о. Венiamинъ взялся за дѣло со свойственной ему энергіей, приступивъ къ возновленію разрушенной святыни. И съ Божіей помощью окончилъ постройку храма на свои собственные средства. Помощникъ же Делярю не оказалъ ему помощи, такъ какъ въ это время построилъ каменную церковь въ деревнѣ Ташкирменской, гдѣ храмъ необходимъ былъ, ибо крещенные татары уже начали за отсутствіемъ храма отпадать въ магометанство. Итакъ, создались сразу два храма, ибо не было случая, чтобы благое дѣло о постройкахъ храмовъ пріостановилось²⁾.

Отецъ Архимандритъ Венiamинъ въ 1882 году возведенъ въ санъ игумена въ Петроградѣ на Ярославскомъ подворы казанскимъ архіепископомъ. Въ томъ же году награжденъ знакомъ Краснаго Креста за дѣятельность въ пользу Краснаго Креста.

Въ 1883 г. назначенъ благочиннымъ монастыреи Казанской Епархіи. Кромѣ того, будучи благочиннымъ монастыреи Казанской епархіи и пользуясь влияниемъ о. Венiamинъ устроилъ монастыри въ г. Царево-Кокшайскѣ и Космо-Демьянскѣ и въ г. Лайшовѣ и въ г. Соликамскѣ при его участіи. Въ г. Соликамскѣ, Пермской губернії, Александръ Васильевичъ Рязанцевъ, желаяувѣковѣчить память своихъ родителей, по соѣтству о. Венiamина, какъ своего духовника, устроилъ при

Послѣ тако-
го явленія и
предостереженія
матери о.
Веніаминъ

послалъ
телеграмму
своему пріятелю
іеромонаху
Михайловскаго
монастыря о.
Антонію въ
Кievъ, который
нынѣ благо-
получно под-
визается въ
Свіязьскомъ
монастырѣ, что-
бы тогдѣ взяль
его прощеніе и
уничтожить. И
дѣйствительно,
какъ послѣ ока-
залось, мѣстный

намѣстникъ
Лавры имъ же
самимъ реко-
мендованный
оказался сильно
недоброжела-
тельный къ
о. Веніамину и
даже старался
оттиратъ о.

Веніамина отъ
митрополита.
Этотъ фактъ,
взятый изъ
автобиографіи
о. Веніамина,
весьма поучите-
ленъ во многихъ
отношеніяхъ
въ нашейъ жиз-
ни, какъ люди
платить зломъ
за добро.

обновленной за городомъ церкви женскую обитель, была выстроена его сыновьями около 1890 года и обошлась 100,000 руб. и по нынѣ процвѣтаетъ. Характерно то, что отецъ строителей Александръ Рязанцевъ, выхлопотавъ посредствомъ о. Веніамина разрѣшеніе и получивъ отъ него обѣ этомъ увѣдомленіе, отъ радости заболѣлъ. Онъ вмѣстѣ съ о. Веніаминомъ щѣздила на Аeonъ и Старый Іерусалимъ.

Въ Царево-Кокшайскѣ съ цѣлью усилить средства религіозно-нравственнаго просвѣщенія среди инородскаго черемисскаго населенія съ благословенія Архіепископа Палладія начато было о. Веніаминомъ строительство обители. Прежде онъ открылъ въ видѣ богодѣльни на землѣ церкви Рождества Христова, женскую общину. Монашествующія въ числѣ нѣсколькихъ сестеръ съ настоятельницей монахиней Маргаѳритой и монахиней Назаретой были приглашены изъ г. Чистополя Успенскаго дѣвичьяго монастыря. Мать Маргарита была назначена игуменіей. Вотъ эту-то общину имъ устроенную пришлося о. Веніамину преобразовывать въ монастырь, по приказанію Владыки, безъ предоставленія средствъ и какой-нибудь материальной помощи. Въ виду такихъ трудностей переустройства монастыря и постройки храма о. Веніаминъ впалъ въ уныніе. И вотъ въ февралѣ 1886 г. о. Веніаминъ, предаваясь этимъ размышеніямъ въ своей келіи въ Раифской обители, впалъ въ легкій сонъ, во время котораго явился къ нему Пр. Сергій Радонежскій чудотворецъ и сказалъ: «Тебя благословиль Владыка строить общину, а ты не рѣшаешься и Я тебя благословляю на чать это дѣло» и благословивъ его большими крестомъ три раза, Преподобный удалился. Воодушевленный этимъ чуднымъ явленіемъ Пр. Сергія, съ искреннимъ жаромъ и особой энергией о. Веніаминъ взялся устраивать эту обитель. Первѣе всего о. Веніаминъ приобрѣль покупкою 600 десятинъ земли, на эту покупку пожертвовалъ деньгами 3000 р. Елабужскій купецъ Дмитрій Ивановичъ Стакіевъ. Въ ознаменованіе чуднаго явленія Пр. Сергія по указанію Веніамина была написана въ Сергіевой лаврѣ св. икона, названная «Богородицей, Сергіевой», во имя которой 26 октября 1888 г. были освя-

щены обитель и храмъ выстроенный отцомъ Веніаминомъ. Церковь чудная св. иконы по заказу о. Веніамина писаны на старомъ Аeonъ искусствими художниками въ греческомъ стилѣ. При этомъ для пользы монастыря о. Архимандритъ пріобрѣлъ домъ со дворомъ на берегу р. Кокшаѣ, гдѣ устроилъ баню, прачечную и все необходимое для хозяйства. О. Веніаминомъ были выстроены два корпуса: въ одномъ изъ нихъ помѣстилась —домовую церковь во имя Богородицы-Сергіевой, въ которой и по сейчасъ служатъ каждый день. Въ этомъ монастырѣ нынѣ подвизается 220 сестеръ, которыя содержать себя собственными трудами.

Въ Космо-Демьянскѣ о. Веніаминомъ былъ построенъ монастырь съ цѣлью укрепленія чувашъ и черемисовъ, пріобщенныхъ къ православію. Началось съ того, что благочестивый купецъ Зубковъ въ собственномъ домѣ устроилъ женскую общину, гдѣ и собралось монахинь до 40 человѣкъ. Затѣмъ при по-мощи купца Зубкова былъ выстроенъ домъ, въ которомъ помѣстилась домовая церковь, во имя Св. Троицы, освященная, въ 1877 г., трапезная и въ немъ были устроены кельи, такимъ образомъ началась духовная жизнь въ общинѣ. Далѣе распространить общину невозможно было за недостаткомъ мѣста. Тогда о. Веніаминъ вздумалъ увеличить эту общину, для чего нужно было пріобрѣсти усадьбы, которыя и были пріобрѣтены купцомъ Зубковымъ. Мѣстное духовенство было противъ устройства этой общины вслѣдствіе чего архіепископомъ Антоніемъ было поручено о. Веніамину отправиться въ г. Космо-Демьянскѣ и быть въ этомъ городѣ до полнаго устраненія всѣхъ недоразумѣній. По пріобрѣтенію этихъ усадебъ и за свои просвѣтительные труды община въ 1887 году была преобразована въ Троицкій Черемисскій женскій монастырь, къ какому времени при содѣйствіи о. Веніамина въ монастырѣ былъ построенъ соборъ во имя Св. Троицы гдѣ была игуменіей Маргаритта, которая впослѣдствіи была переведена въ Казанскій дѣвичій монастырь, при которой въ обители случилось огромное несчастіе — укралі въ 1904 г. Чудотворную икону Казанской Божіей Матери, копія св. Иконы находится въ Петроградскомъ Казанскомъ Соборѣ. Теперь монастырь разросся, въ немъ подвизается свыше 270 сестеръ и благодаря своему высокому мѣстоположенію издали видать и представлять красивый видъ.

Въ 1881 году въ гор. Лайшевъ при содѣйствіи о. Архим. Веніамина была устроена община при помоціи жены коллежскаго совѣтника Татіаны Максимовны Мелтовой, пожертвовавшей свой домъ и устроенъ храмъ во имя Св. Троицы. Три десятины земли пожертвовалъ городъ, на которой о. Веніаминомъ былъ построенъ двухъэтажный большій домъ, въ верхнемъ этажѣ коего устроена церковь во имя Св. Троицы и община эта въ 1888 году была преобразована въ монастырь. Затѣмъ была выстроена въ 30 саж. колокольня, которая сейчасъ видна всѣмъ Ѱдущимъ по Камъ. Вначалѣ сестеръ было только 20 человѣкъ, нынѣ же болѣе 100 человѣкъ.

Въ 1885 году на миссіонерскомъ съѣздѣ въ г. Казани, на которомъ присутствовалъ и о. Веніаминъ, какъ одинъ изъ выдающихся духовныхъ дѣятелей и какъ лицо, выдающееся монашеской жизнью и мастерству монашествующихъ, рѣшилъ обратить вниманіе докладомъ своимъ присутствующей тамъ оберъ прокурорской власти о возникшемъ недоумѣніи по поводу новаго закона о воинской повинности при принятіи въ монастыри и постриженіи въ монашество лицъ, состоящихъ въ ополченіи и зачисленныхъ въ запасъ. По этому поводу отъ имени оберъ-прокурорской власти В. К. Саблеромъ была тутъ же въ собраніи объявлена благодарность о. Веніамину съ прибавленіемъ, что все-таки на востокѣ Россіи онъ первый на упомянутое обстоятельство обратилъ вниманіе Св. Синода, а въ центрѣ ея такимъ лицомъ былъ намѣстникъ Троицкой Сергіевской Лавры о. Архимандрита Леонидъ, умершій въ 1891 году 22 октября, и при этомъ В.К. Саблеръ прибавилъ по адресу Веніамина, что только истинные монахи интересуются бытомъ и распоряженіями правительства, относящимися къ жизни монастырей, каковыхъ, къ сожалѣнію, очень мало. Въ разъясненіе этого недоумѣнія и вслѣдствіе указанія о. Веніамина 11 июля 1886 года послѣдовала циркуляръ Св. Синода за № 16, о постриженіи въ монашество и принятіи въ монастыри лицъ, состоящихъ въ ополченіи и зачисленныхъ въ запасъ.

- Въ 1886 г. 9 мая за отлично усердную службу награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ въ Петроградѣ.
- Въ 1888 г. за особые труды по устройству Царево-Кокшайской женской общинѣ, обитательницы ея поднесли ему благодарственный адресъ съ архипастырского благословенія.
- Въ томъ же году, за безвозмездное содержаніе въ монастырѣ крещеныхъ инородцевъ, избранъ въ число членовъ миссионерскаго Братства Святителя Гурія.
- Въ 1891 г. за устройство церкви въ селѣ Зеленый Долъ обществомъ прихожанъ съ архипастырского благословенія поднесенъ ему крестъ, украшенный драгоценными камнями. Въ томъ же году за отлично усердную службу награжденъ орденомъ св. Анны 3-ей степени.
- Въ 1893 г. за благочестивую жизнь преподано ему благословение Святѣйшаго Синода, съ выдачей о томъ грамоты. 1894 года принялъ участіе въ построеніи церкви и образованіи прихода въ селѣ Маркіалы Царево-Кокшайскаго уѣзда на средства 6000 рублей, пожертвованныхъ по его стараніямъ какимъ-то лютераниномъ. По ходатайству о. Веніамина отъ казны былъ отпущенъ материаль и церковная утварь. За усердіе и труды по постройкѣ храма прихожане поднесли благодарственный адресъ.
- Въ 1895 г. ему было преподано благословеніе св. Синода за особые труды по благоустроенію во ввѣренной ему Раифской обители и образованіе прихода въ с. Маркіалахъ съ выдачей о семъ грамоты.
- Въ 1896 г. выдана ему, какъ присутствовавшему на священномъ короновані, медаль на Андреевской лентѣ въ память коронованія Императора Николая II. Въ томъ же коронаціонномъ году, за выдающіеся и особые труды возведенъ въ санъ архимандрита.
- Въ 899 г. за устройство Раифской пустыни Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Анны 2-ой степени.
- Въ 1900 г. 26 апрѣля переведенъ изъ Раифской пустыни въ Самару настоятелемъ Самарскаго Николаевскаго монастыря.

**АНАГИЯ –
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ИЗ НЕБЫТИЯ**

М.А. Маханько

стр. 28 - 43

настырь Раифский Богоородицкий мужской монастырь
Богоородицкий мужской монастырь Раифский Богоородицкий мужской монастырь

2

исследование

фото Эдуарда Закирова

Пековое наследие

Андрополит Лаврентий

**Мария
Александровна
МАХАНЬКО,**

кандидат
искусствоведения,
сотрудник
Церковно-научного
центра
«Православная
энциклопедия».

Общая фотография предметов

Рождество из небытия

ВА МЕСЯЦ до кончины отца-настоятеля Раифы, архимандрита Всеволода, в июле 2016 года группе авторов, работающих для «Раифского альманаха», выпала честь. Именно так можно оценить знакомство ученых с неизвестной доселе святыней, имеющей отношение к ризнице казанских архиепископов и митрополитов.

Из небытия вернулись сбереженные сокровища — серебряная ложка казанского митрополита Лаврентия II, ревностно заботившегося о благолепии архиерейских храмов и много сделавшего для появления в Казанском крае чудотворной иконы Грузинской Божией Матери, избравшей своим местом пребывания Раифский монастырь. Ложка отличается чрезвычайной простотой, но ценна как исторический источник, поскольку была изготовлена, судя по выгравированной на ней надписи, в августе 1670 года — за несколько лет до кончины архиерея.

Другой предмет, сохранившийся вместе с ложкой митрополита Лаврентия, пока представляет собой набор фрагментов. Однако даже в разрозненном, буквально разорванном состоянии, при утрате многих элементов крепления и цельного облика перед нами оказывается створчатая панагия – деталь облачения высокого статуса и, как правило, архиерейского сана. Уцелели: правая (нижняя) створка с композицией Живо-

начальной Троицы внутри и орнаментальной полосой по краю снаружи. Образ Святой Троицы по борту обрамлен текстом, над которым частично сохранились титлы и вынесенные вверх буквы («ять») «Б[и]Г[о]С/[и]В[и]Н[и] Е[с]Н[и] Х/[ри]ст[и]Б[и] Б[и]ож[и]Б[и] Наш[и] И[и]Х[и] пре/[и]мудр[и]л(верхние части литер повреждены) **Л[и]О[и]В[и]Ц[и]А[и] Л[и]В[и]Л[и]Е[и] П[и]С[и]Л[и]** Н[и]И[и] Д[и]Х[и] С[и]Т[и]Н[и] Т[и]М[и] У[и]ЛО[и] (разрыв)... [человек] **К[и]Л[и]Ю[и]Б[и]У[и]С[и] С[и]Л[и]Л[и]С[и]** Т[е]Б[и] тропарь 8 гласа праздника Пятидесятницы/Св. Троицы.

Створка со Святой Троицей

Над головой среднего ангела сохранилась надпись скорописью ТРЦЛ, по сторонам нимба среднего ангела помещены сокращения имени Спасителя ГС ХС.

Средний ангел. Фрагмент композиции Святая Троица

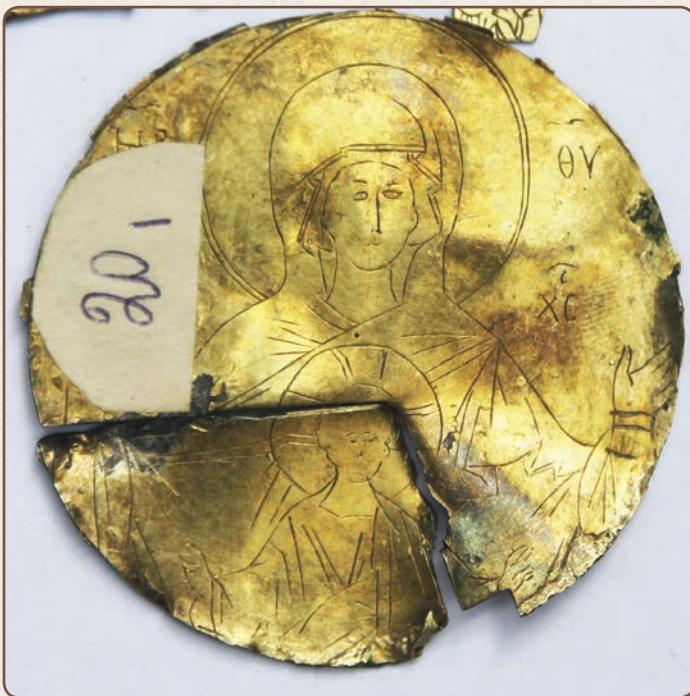
Левая створка сохранилась в разделенном состоянии. Борт ее внешней части со следами накладных частей и креплений несет также орнамент. На внутренней стороне – текст, прославляющий Матерь Божию: «**YT(c)
НЪШУ ХЪРУВНИЛЬ И СЛАВНЪНШЮ
ВО ИСТИНѢ СЕРУФНИЛЬ БЕЗъ ИСТ[а]
ТЬНИЖ БГИ СЛОВА РОЖЕШИ СУЩЮ**

БЩЮ ТЛ ВЕЛИЧАЕМЬ» (заключительные фразы молитвы «Достойно есть»). Средник створки представляет собой двустороннюю пластину, на внутренней стороне которой находилось вписанное в круг изображение Богоматери «Воплощение» с Младенцем Христом на лоне.

Левая створа, внешняя сторона

Внешняя сторона интересна тем, что очень напоминает иконную композицию с многофигурным изображением в два ряда.

Левая створка, внутренняя сторона, Богоматерь «Воплощение»

В верхней части центральным является поясной образ св. Симеона Богоприимца с Христом Младенцем на руках. Его крупная и кудрявая голова с пышными усами и бородой склоняется прямо к лицу Еммануила, Которого он бережно поднимает перед собой на покровенных руках. По сторонам иерусалимского первосвященника и свидетеля Сретения Господня изображены по пояс святители – Амвросий Медиоланский и Николай Чудотворец. В нижней части на-

ходятся поясные образы Трех вселенских святителей: Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова. В нижней части средник поврежден: из него вырезан или вырублена фрагмент треугольной формы, приходящийся на фигурку Младенца с внутренней стороны и лик св. Иоанна Златоуста с внешней. Он может быть присоединен в ходе реставрации. Внешняя сторона круглой пластины бывшего средника снабжена рядом подписей, именующих святителей, а также

обрамлена по кругу еще одной молитвенной подписью: «Б[ож]Е
ОТСЕЦЬ НАШЫХ НЕШТАВЫ МАТИ
ТВОЕВ О НАСЪ НО МА (олитвами?
— утрата) ЛИИ НХЪ С МИРСЕМ
ХСЫТРОЙ ЖИВ(о)ТЬ НАШЬ» (Тропарь
преподобным).

Кроме того уцелели крошечные фрагменты накладных креплений и отдельных пластин-

накладок с образами апостолов Филиппа, Иакова, Варфоломея, Павла, несколько узких пластин с прочеканенным растительным орнаментом, чеканная с фестонами окантовка и накладка с гравированным изображением Спаса Нерукотворного в окружении растительного просечного орнамента-плетенки — некогда часть оглавия.

Внешняя сторона средника левой створки.
Симеон Богоприимец с Младенцем и вселенскими святителями

**Апостол Филипп,
деталь крепления**

Апостолы Варфоломей и Иаков, деталь крепления

Фрагменты створчатой панагии

Створчатые панагии принадлежат к числу наиболее драгоценных предметов богослужения. Их использовали в чине Панагии; так назывался обряд возношения литургического хлеба, как хлеба Богородицы. Он совершался в монастырях, мог быть проведен и в моленых или домовых храмах знати и правящей семьи. В конце XIV века с утверждением в русской церкви Иерусалимского устава по инициативе митрополита Киприана (1389-1406) чин Панагии получил широкое распространение в Древней Руси. Створчатые панагии можно считать частью высокого священнического сана и знаком личного благочестия. Они служили для хранения не только Богородичного хлеба, Святых даров в пути, но и других святынь, например, частиц мощей.

В облике неизвестной панагии привлекает отточенность исполнения, красота графики, изящество линий в сочетании с графическим минимализмом. Она небольшого размера — диаметр каждой створки около 91 мм, в ней обильно использована позолота; древнее золото имеет теплый, солнечный тон. Сложностью отличается иконографический замысел.

Центральные фигуры составляют краткую композицию Сретения Господня — святой Симеон Богоприимец с Младенцем Христом на руках. Образы апостолов на деталях крепления и святителей, епископов вселенских церквей Запада и Востока соединяются в образ земной Церкви, наследницы небесной Иерархии. Образ Еммануила на руках первосвященника Иерусалимского храма символизирует также Святые Дары, Таинство причастия, соединяющее как святых, так и каждого христианина с источником Благодати, самим Источником жизни вечной, к которой направлено Спасение. Дважды повторенный облик Христа, как Младенца, схож с лицами молодых апостолов, ангелов. Даже в старческих лицах святителей, бородатых апостолов-средовеков сквозит энергия молодости, силы и полноты.

Из числа опубликованных и известных произведений этого типа драгоценных предметов личного благочестия наиболее близкими по функции, форме, стилю изображений и палеографии надписей оказываются ряд произведений новгородского и московского ювелирного дела рубежа XIV-XV и первой трети XV вв. Это золотая круглая икона-мощевик с фигурными композициями на обеих сторонах. На

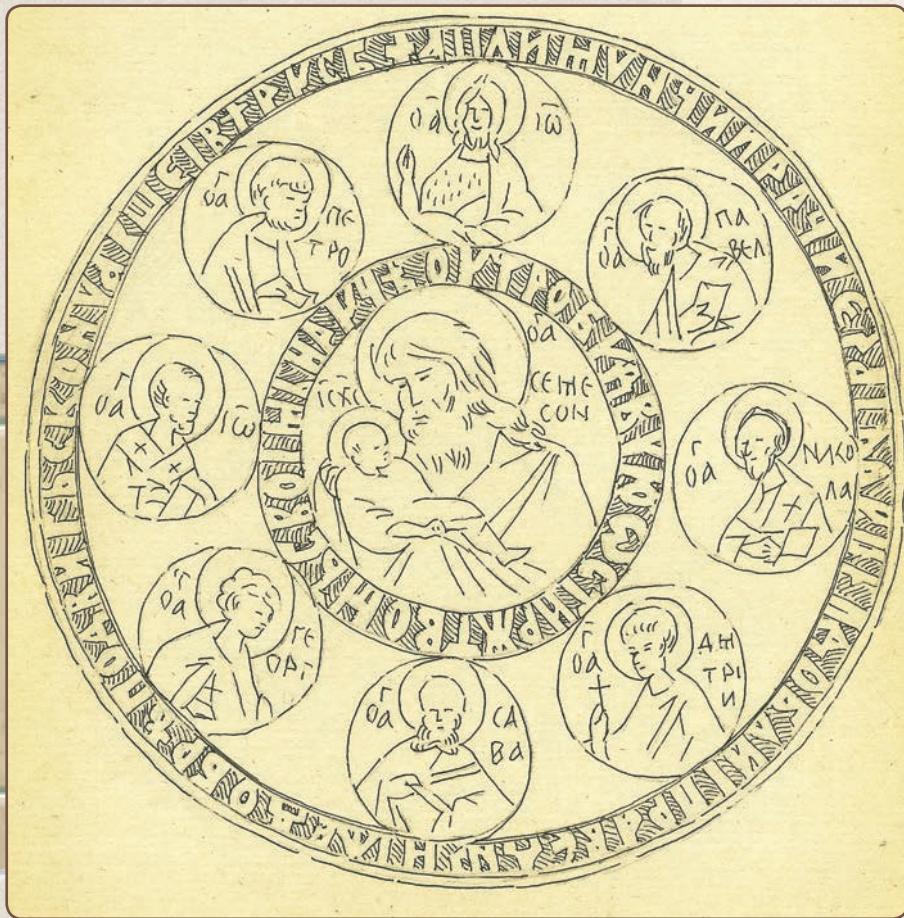
одной стороне, в центре — медальон с образом св. Симеона Богоприимца и Младенца, в окружении литургической надписи и круглых медальонов с избранными святыми. На другой стороне — многофигурная и многоплановая сцена Рождества Христова, с пастухами и ангелами. Эта икона представляется нам ближайшей аналогией как в плане иконографической программы — образ св. Симеона Богоприимца, окруженный апостолами, святытелями, великомуучениками, так и в плане палеографии — выбора комментирующих надписей и начертание букв, опоясывающий характер текстов. Два произведения сближают и рисунок, художественный настрой — каждый образ выполнен быстрой короткой линией. Глаза, черты лица могут быть переданы лишь точками или короткими штрихами, однако мастер добивается эффекта ракурса, легкого движения, живой постановки фигуры или лика.

Для датировки панагии может быть важен и тот факт, что образ Святой Троицы повторяет извод известной иконы письма Андрея Рублева (ныне в Третьяковской галерее). Это может служить указанием на повторение известного образца, который был написан не позднее 1425 года (по общепризнанному мнению — для собора, построенного в

1408 году). Однако, это может указывать и на некий неизвестный ныне образец, к которому могла восходить и Троица самого Рублева. Ангельские образы отличает тонкость и хрупкость, профиль левого (от центра) ангела представляется прямой аналогией юношеским лицам апостолов или великомуучеников в новгородской живописи рубежа XIV-XV веков.

Что касается орнаментальной отделки — прежде всего, узора на внешней стороне левой створки, орнаментальных накладок, оглавия с образом Спаса Нерукотворного, чеканной каймы с лепестками-фестонами — эти детали близки панагии, происходящей из Кириллова Белозерского монастыря и считающейся московским произведением первой трети XV в. (ныне в Музей Московского Кремля). В свою очередь ее орнаментальное исполнение подражает створчатым панагиям, выполненным для балканских монастырей, например, из афонского скита Крумица.

Как сложилась судьба неизвестной панагии на казанской земле и откуда она происходит? Учитывая тот факт, что в Казанском крае христианская миссия осуществлялась лишь после 1552 г. и что созданная в Казани епархия была одной из крупнейших,

Лицевая сторона золотой иконы-мощевика.
Великий Новгород. Рубеж XIV-XV вв.
Музеи Московского Кремля.

Рисунок М. К. Нефедова

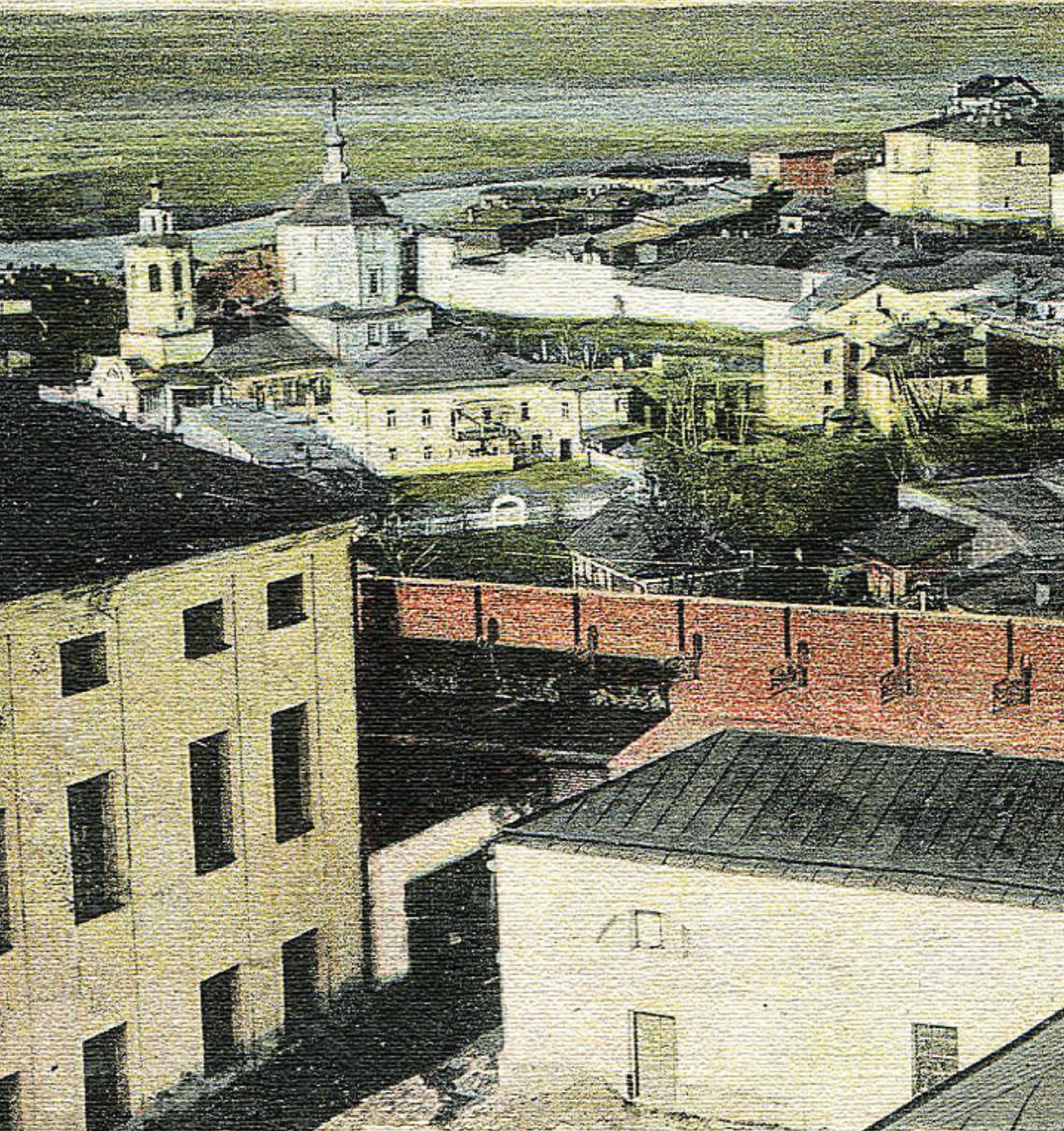
мы думаем, что панагия происходит из ризницы казанских архиереев. Местом ее хранения был кафедральный Благовещенский собор в Казани. Судьба этого собрания на рубеже 1918-1919 годов сложилась гораздо трагичнее, нежели судьбы других епархиальных сокровищниц, например, ризницы новгородской Софии или ярославской кафедры. Хотя многие предметы, происходящие из богослужебной утвари и облачений Благовещенского собора, удалось сохранить в Городском музее Казани (ныне в Национальном музее Республики Татарстан), какая-то часть была оставлена в соборе и подверглась расхищению. Документы, связанные с драматическими страницами изъятия кафедральной ризницы, лишь в последнее время привлекли внимание исследователей и были частично опубликованы. Согласно той информации, которую можно из них извлечь, в ризнице Казанского Благовещенского собора сохранялось более 30 (тридцати) панагий, вероятно, некогда принадлежавших казанским архиереям. О трагических событиях может свидетельствовать и облик самой панагии — разрубленная средняя часть левой (двусторонней) створки, грубое разделение середины от всей створки, после которого остались рваные края. Исчезли основные детали оглавия, всех креплений, цепь, орнаментальная обкладка

внешних поверхностей обеих створок. Можно удивляться, как удалось этому замечательному памятнику русского ювелирного искусства пережить страшные времена. Не исключено, что дальнейшее изучение документов, связанных с историей ризницы кафедрального Благовещенского собора в Казани, прольет дополнительный свет на историю этого незаурядного памятника.

ЖЕ СЕЙЧАС можно ощущать особую значимость того факта, что предмет подобного ранга сохранился вопреки всем историческим обстоятельствам и в его истории наступает новый этап – возращения к верующим, их почитанию и любви, бережному возрождению и интенсивному изучению, которое должно показать с новой силой значение казанской кафедры для всего древнерусского государства.

Князь съ птичьего полета

Шида на Богородицкій Люніастъръ

III ЕЧАЛЬНАЯ
ГОДОВЩИНА...

И. М. Покровский

стр. 48-91

настырь Раифский Богородицкий мужской монастырь

Богородицкий мужской монастырь Раифский мужской монастырь

Экскурс

3

Ивление Пресвятой Богородицы и обретение чудотворной иконы в Казани

Д. И. Хафизов

стр. 92-113

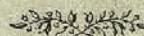

OLDGRAVURA
СТАРИНА И ТРАДИЦИЯ В МАРКИ

И. Покровский.

ПЕЧАЛЬНАЯ ГОДОВЩИНА
СО ДНЯ ПОХИЩЕНИЯ
ЯВЛЕННОЙ ЧУДОТВОРНОЙ КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ
Божией Матери
въ Казани.

(Отвѣтъ на статью московскаго свящ. Н. Романскаго: „Гдѣ находилась подлинная (явленная) Казанская икона Божией Матери до злополучной ночи на 29 июня 1904 года.”)

КАЗАНЬ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ.

1906.

Обложка
сборника

|| ечальная вѣсть о похищениі изъ Казанского женскаго монастыря явленной чудотворной Казанской иконы Божіей Матери на 29-ое іюня 1904 г. быстро облетѣла всю Россію, вызвавъ миллионы искреннихъ и тяжелыхъ вздоховъ. Въ народномъ голосѣ и въ печати появились отклики на казанское горе. Особенной сочувственной искренностью дышить голосъ профессора Кіевской дух. академіи А. А. Дмитріевскаго, напечатавшаго серьезную статью: «Въ честь какой иконы Казанской Божіей Матери установленъ праздникъ 22 октября? (Утѣшеніе и ободреніе скорбящимъ объ утратѣ святыни)». Эта статья начинается словами: «Страшное и возмутительное святотатство совершено въ городѣ Казани въ злополучную ночь съ 28 на 29 іюня¹). Чудотворная икона Казанскія Божія Матери, явившаяся на пожарищѣ дома казанскаго стрѣльца Даніила Опучина въ 1579 году и озnamеновавшая себя цѣлымъ рядомъ благодатныхъ исцѣленій отъ самыхъ разнообразныхъ недуговъ для всѣхъ съ вѣрою къ ней притекавшихъ въ теченіе слишкомъ трѣхсотъ лѣтъ, была похищена изъ женскаго монастыря, созданного на мѣстѣ ея чудеснаго явленія....

И.М. Покровский,
профессор истории Русской
Православной Церкви
(1865 - 1941)

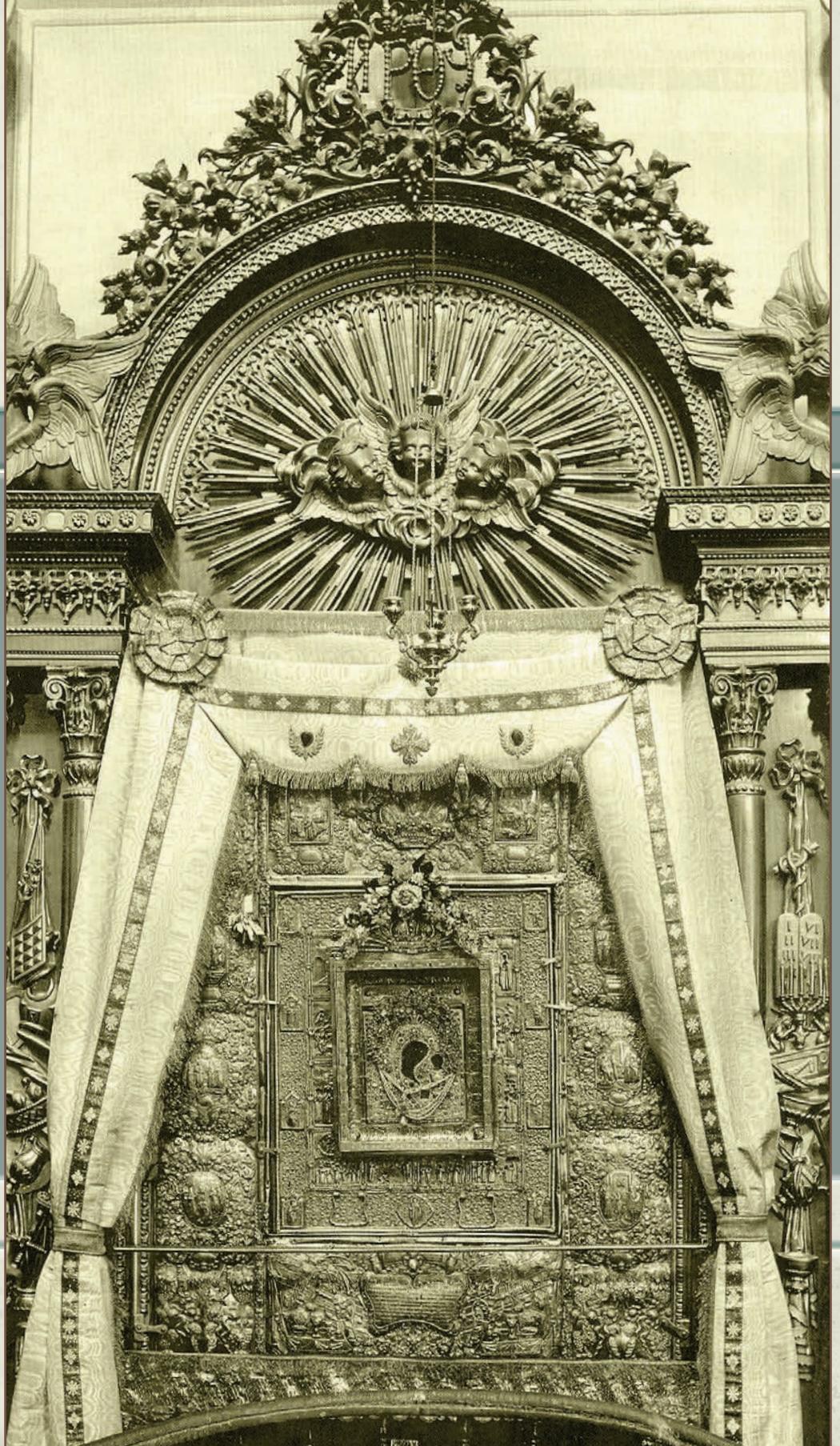
Печальная годовщина со дня похищения явленной чудотворной Казанской иконы Божией Матери в Казани

Если предположение, что дикий извергъ человѣчества, похитившій святыню и ограбившій драгоценныя укашенія, скжегъ самую икону, вѣрно, то русская церковь, русскій народъ, свято чтившій эту икону, потеряетъ навсегда это безцѣнное сокровище, и тогда глубоко прискорбный фактъ станетъ поистинѣ невѣроятно-гнустнымъ и неслыханно-тяжелымъ святотатственнымъ преступлениемъ»²⁾)

Насколько искренне написана статья профессора Дмитріевскаго, хотя и признающаго всероссійской исторической святыней Московскую икону, настолько вызывающе и неприлично написана критическая статья нѣкоего священника Н. Романскаго, помѣщенная въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» (1904 г. № 50, стр. 585—589; № № 51—52, стр. 598—602; 1905 г. № 4, стр. 41—46. № 5, стр. 51—53) и озаглавленная: «Гдѣ находится подлинная чудотворная явленная икона Казанской Богоматери» (По поводу статьи И. Покровскаго).

сохранена
орфография
оригинала

Икона Божией Матери «Казанская».
Альбом Казанской Духовной Академии 1902 года.
Фото: «Православный собеседник» N2, 2016

1.
У про-
фесора
Дмитрієвського
не точно напе-
чатано «съ 29
на 30 іюня».

2.
Труды Киев.
Дух. Акад.
1905 г. фев-
раль, стр.
188—219.

3.
Новости
1904 г., № 187,
9 июля. раль,
стр. 188—219

4.
Прав. Соб.
1904 г. іюль—
август, стр.
254—285
и отдъл.
броншоря.
Казань 1904
г. стр. 1—34.
Въ настоящей
статьѣ будуть
указываться
страницы по
отдѣльной
броншорѣ.

Въ своеї статьѣ свящ. Романскій пытается доказать, что явленная чудотворная икона Казанской Богоматери не похищена, а хранилась и хранится въ Московскомъ Казанскомъ соборѣ, будучи принесена въ Москву изъ Казани въ смутное время. Судя по тону и несеръезности статьи московского критика, можно думать, что она написана не съ цѣлью возстановленія истины о мѣстѣ нахожденія подлинной явленной Казанской иконы Божіей Матери и утѣшеннія казанцевъ, а съ цѣлью поглумиться надъ всѣми, не безъ основанія утверждающими, что въ Казани хранилась явленная икона, которая, къ тяжелому горю казанцевъ, нынѣ святотѣсно похищена.

Какъ только по Россіи разнеслась вѣсть о похищеніи въ Казани чудотворной явленной иконы Божіей Матери, въ печати начали появляться письма съ запросомъ: какая же икона сохраняется въ С. Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ — явленная или только чудотворная копія³⁾? Одинъ изъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ данъ въ №3467 Казанскаго Телеграфа (22 іюля 1904 г.) г. Юшковымъ на основаніи статьи «Казанская чудотворная икона Божіей Маєтери», помѣщенной въ жур. «Православный Собесѣдникъ» за 1858 г., ч. III, стр. 391—412, въ которой весьма основательно доказано, что явленная Казанская икона Божіей Матери всегда хранилась въ Казани, въ женскомъ монастырѣ. Эту статью г. Юшковъ почему-то приписалъ извѣстному несчастному русскому историку профессору А.П. Щапову, тогда какъ она принадлежитъ перу его учителя — первого Казанскаго академического историка, извѣстнаго впослѣдствии русскаго литератора и публициста Г.З. Елисѣева.

Исправляя ошибку г. Юшкова въ своей статьѣ «Явленная Чудотворная Казанская икона Божіей Матери»⁴⁾, мы съ своей стороны опубликовали въ печати весьма цѣнную подлинную переписку проф. Елисѣева съ протоіереемъ московскаго Казанскаго собора А.И. Невоструевымъ, сохранившуюся въ библіотекѣ Казанской Дух. Академіи и напечатанную въ формѣ статьи-анонима въ Правосл. Собесѣднике за 1858 г. Протоіерей Невоструевъ, приводя нѣсколько соображеній въ пользу того мнѣнія, что въ Москвѣ хранится явленная Казанская икона Божіей Матери, еще въ 1851 г. просилъ проф.

Елисъева высказать по этому вопросу свое компетентное мнѣніе. Покойный Елисъевъ, рассматривая доводы прот. Невоструева, положительно доказывалъ, что явленная икона хранилась въ Казани, а въ Москвѣ былъ списокъ съ нея, прославившійся въ 1611 — 1612 гг. при изгнаніи поляковъ изъ Москвы.

Издавъ переписку проф. Елисъева съ прот. Невоструевымъ съ краткими поясненіями (стр. 9—23), мы, на основаніи специальной статьи А.А. Завьялова: «Чудотворная Икона Казанскія Божія Матери въ Петербургѣ»⁵), повторили выводъ г. Завьялова, что и Петербургская икона Казанской Божіей Матери не явленная, а позднѣйшій (XVIII в.) и далеко неточный списокъ съ Казанского подлинника (стр. 26—31). Въ концѣ нашей статьи приведены новыя доказательства и высказаны нѣкоторыя личныя соображенія въ пользу того, что въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ впредь до злополучной ночи на 29 іюня 1904 г. хранилась явленная Казанская икона Божіей Матери. Будучи увѣрены въ этомъ, мы <на стр. 25> сочли нужнымъ замѣтить, что «священникъ одной изъ Московскихъ церквей Н. Романский въ своемъ словѣ, 8 іюля (1904 г.) въ день праздника явленія Казанской иконы Богоматери, ни словомъ не обмолвившись о великомъ казанскомъ и всероссийскомъ горѣ — святотатственномъ похищениіи явленной иконы, продолжаетъ вводить въ заблужденіе слушателей и читателей его слова, говоря, что икона Божіей Матери, явившаяся въ Казани, населенной магометанами и язычниками, въ началѣ XVII в. была перенесена въ Москву, а отсюда по повелѣнію Петра I въ Петербургъ, гдѣ пребываетъ и нынѣ»⁶).

Такая наша замѣтка по поводу совершенно неисторического сообщенія и показалась обидной свящ. Романскому, и онъ поднялъ по поводу ея цѣлую полемику. Въ своей вышеуказанной специальной статьѣ, написанной слишкомъ несдержанно, критикъ, облекшись въ тогу ученаго изслѣдователя-историка, старается обвинить во всѣхъ смертныхъ учено-литературныхъ грѣхахъ всѣхъ, держащихся нежелательного ему взгляда, что явленная чудотворная икона Божіей Матери всегда оставалась въ Казани. Насъ лично о. Романскій обвинилъ въ самоувѣренности, въ незнамствѣ съ литературой предмета, въ неумѣніи пользоваться источниками, въ наивности взглядовъ, въ обманѣ читающей публики подборомъ себѣ единомышленниковъ, не заслуживающихъ ученаго довѣрія, какъ

5. С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ 1895 г. №№ 16, 18, 19, 20, 22, 24, 25.

6. Слово помѣщено съ 29 № Москов. Церк. Вѣдомостей 1904 г.

лицъ неученыхъ и неавторитетныхъ въ церковно-исторической литературѣ и т.п. Наговоривъ множество такихъ комплиментовъ по нашему адресу и выставивши себя знатокомъ первоисточниковъ, свящ. Романскій однако нисколько не разубѣдилъ насъ въ собственномъ мнѣніи, — въ томъ, что въ Казани до злополучной ночи на 29 іюня 1904 г. хранилась явленная Казанская икона, а въ Московскомъ Казанскомъ соборѣ остается чудотворный списокъ съ нея.

Прочитавъ критику свящ. Романскаго на нашу статью, мы поразились беззастѣнчивостью писателя-священника, осмѣливающагося публично выступать съ такимъ рефератомъ⁷),

7. Критическая статья свящ. Романского прочитана 18 ноября 1904г. въ качествѣ реферата въ собраніи церковно-археологическаго отдѣла при Московск. обществѣ любителей Духовнаго Просвѣщенія.

Въ которомъ онъ ни за кѣмъ не признаетъ ученаго авторитета и не щѣнить ученыхъ заслугъ проф. Елисѣева, — этого знатока казанской церковной старины и исторіи, впервые научно доказавшаго, что Явленная Казанская икона Божіей Матери всегда находилась въ Казани, оставилшаго богатое собраніе рукописей по мѣстной казанской исторіи, работавшаго въ провинціальныхъ и столичныхъ архивахъ. Бумагами проф. Елисѣева, какъ извѣстно, впослѣдствіи пользовались въ своихъ трудахъ по мѣстной казанской исторіи проф. А.П. Щаповъ, П.В. Знаменскій, Е.А. Маловъ и др. О. Романскій положительно удивляется, почему мы покойнаго протоіерея московскаго Казанскаго собора Д.И. Кастальскаго, лучшаго магистра Московской Академіи и бывшаго баккалавра казанской академіи, называемъ ученымъ протоіереемъ (М.Ц.В., стр. 588), и задаетъ намъ такой вопросъ: какіе ученые труды протоіерея Кастальскаго мы знаемъ? Вопросъ — совершенно неумѣстный, и въ московскомъ священникѣ, воображающемъ себя ученымъ, обнаруживается лишь высокомѣріе и неуваженіе къ покойному пастырю. Священникъ Романескій всѣми мѣрами старается унизить протоіерея Кастальскаго, вѣроятно, за то, что онъ въ изданномъ имъ «Сказаніи о Чудотворной Казанской иконѣ Божіей Матери» (Москва 1892 г.) въ примѣчаніи <на стр. 17> не отрицає совершенно лѣтописнаго сказанія, что изъ Казани въ Москву перенесень былъ списокъ съ явленной иконы⁸).

8. Кстати замѣтить, мы лично знали покойнаго протоіерея Московск. Зачатьевской ц. М. С. Боголюбскаго. Онъ слишкомъ мало извѣстенъ въ церковно-исторической литературѣ. Между тѣмъ, что былъ глубокой и ученымъ знатокомъ истории вообще, а русской церковной въ особенности. По отзывамъ москвичей, зналъшихъ покойнаго протоіерея Кастальскаго и уважающихъ непоказанную только ученость, и это протоіерей вполнѣ заслуживаетъ название «ученаго протоіерея».

Между тѣмъ, что былъ глубокой и ученымъ знатокомъ истории вообще, а русской церковной въ особенности. По отзывамъ москвичей, зналъшихъ покойнаго протоіерея Кастальскаго и уважающихъ непоказанную только ученость, и это протоіерей вполнѣ заслуживаетъ название «ученаго протоіерея».

А.А. Завьяловъ заслуживаетъ нашего довѣрія не по своей только статьѣ «Чудотворная Икона Казанскія Божія Матери

въ С.-Петербургъ», но и по капитальному труду «Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при императрицѣ Екатеринѣ II, доставившему автору степень магистра богословія и макарьевскую премію. Нѣкоторое время онъ былъ начальникомъ архива Св. Синода. Ученому формуляру прот. В.И. Жмакина, настоящаго знатока петербургской церковной старины и одного изъ видныхъ историковъ русской церкви, могъ бы позавидовать самъ свящ. Романский, если бы онъ серьезнѣе былъ знакомъ съ новѣйшей литературой по исторіи Русской церкви⁹⁾.

Да что священнику Романскому протоіереи Кастальсій, Жмакинъ и г. Завьяловъ! Для него не авторитеты — даже извѣстный археографъ и архивистъ П. Строевъ, высказавшійся еще въ 1844 г. въ своемъ Указателѣ къ «Выходамъ Царей» (изд. Археографической Комиссіи), что Явленная чудотворная Казанская икона Божіей Матери находилась въ казанскомъ женскомъ монастырѣ (Вых. Царей Моск. 1844 г., стр. 35), ни патріархъ русской гражданской исторіи С.М. Соловьевъ, ни патріархъ русской церковной исторіи митроп. Макарій, ни знаменитый агіографъ покойный архіепископъ владимірскій Серій, ни покойный профессоръ Москов. Дух. Акад. П. Казанскій, а также протоіереи К. Фоменко и К. Никольскій, державшіеся того мнѣнія, что въ Казани всегда хранилась именно Явленная Казанская икона Божіей Матери (М.Ц.В., №50, стр. 587). Къ нимъ теперь нужно прибавить еще почтенѣое имя проф. А.А. Дмитріевскаго, не попавшаго подъ критическое перо свящ. Романскаго, у которого въ качеоствѣ пособія для историко критическихъ изслѣдований главную цѣнность имѣютъ проповѣди. Священники Сиземскій, Сабининъ, Якимовъ, протоіереи Войтовскій, Грамматинъ, Дебольскій, архимандритъ Владиміръ съ ихъ проповѣдями являются единственными единомышленниками свящ. Романскаго, такими единомышленниками, которые не раздѣляютъ взгляда о нахожденіи подлинной явленной иконы казанской Божіей Матери въ Казани, и съ своей стороны, переносятъ явленную икону изъ Москвы въ Петербургъ. Правда, такого же ошибочнаго мнѣнія держался архіеписк. казанскій Павель въ своемъ словѣ, сказанномъ въ Казани 22 октября 1890 г. Но иного мнѣнія архіепископъ Павель и не могъ держаться уже по одному тому, что оно было высказано въ Истор.-Статист. Свѣдѣніяхъ о С.-Петербургской Епархіи (1, отд. 11, стр. 132—133), изд. въ 1869 г. ученымъ

9. Перечень литературныхъ трудовъ прот. В.И. Жмакина, по поводу исполнившейся двадцатипятилѣтней его литературной дѣятельности, см. Исторический Вѣстник 1904 г., ноябрь, стр. 822-824.

комитетомъ подъ его председательствомъ въ бытность его епископомъ ладожскимъ, викаріемъ С.-Петербургской епархіи. Причислять къ своимъ единомышленникамъ московского археолога Н. Снегирева, прот. Левшина и Невоструева у свящ. Романского положительно нѣть никакихъ оснований, хотя онъ называетъ ихъ своими сторонниками <стр. 587>. Такимъ образомъ, если исключить вышеназванныхъ проповѣдниковъ, нашъ критикъ, можно сказать, остается совершенно одинокимъ, и опирается всецѣло на свой личный авторитетъ.

Свящ. Романскій постоянно твердить о самоуверѣнности нашего тона и приписываетъ нашей краткой журнальной статьѣ какое-то особенное значеніе. Между тѣмъ основная мысль ея всецѣло зиждется на авторитетѣ проф. Елисѣева и г. Завьялова. Послѣдній своей специальной статьей, десять лѣтъ тому назадъ, рѣшилъ вторую половину вопроса, что Явленной Казанской иконы никогда не было въ Петербургѣ, хотя и въ перепискѣ проф. Елисѣева съ прот. Невоструевымъ самъ собой точно также отрицательно рѣшался этотъ вопросъ о петербургской иконѣ, какъ замѣчено у насъ <на стр. 26>.

Имѣя въ виду все сказанное, кажется, намъ можно было сдѣлать обобщеніе, что «вопросъ о томъ, что Казанская явленная икона хранилась именно въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, а не въ Москвѣ или въ Петербургѣ, нужно считать давно решеннымъ» <стр. 7>, а «не решень уже давно и безповоротно, 50 лѣтъ тому назадъ, проф. каз. дух. академіи Г.З. Елисѣевымъ», какъ искаженно передаетъ нашу мысль свящ. Романскій <стр. 585>. Впрочемъ, даже и въ такой формѣ наше положеніе нельзя считать самоувѣреннымъ, разъ взглянуть проф. Елисѣева остается неопровергнутымъ. Подрывать довѣріе къ статьѣ г. Завьялова ссылкой на брошюру «Чудотворная Казанская икона Божіей Матери, находящаяся въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ, — брошюру, вышедшую въ Петербургѣ пятымъ изданіемъ въ 1896 г., слѣдовательно послѣ статьи г. Завьялова <стр. 588>, совершенно невозможно. Петербургская брошюра въ 5-мъ изданіи является, вѣроятно, перепечаткой первого изданія, вышедшаго несомнѣнно раньше статьи г. Завьялова. Еще меныше наше-

му критику можно указывать въ свою пользу и на то, что въ петербургской брошюре положительно утверждается, что ополчение Пожарского и Минина имело при себѣ явленную казанскую икону. Иначе вѣдь и въ Петербургѣ (ошибочное мнѣніе) неоткуда было взяться явленной иконѣ. Впрочемъ, самъ свящ. Романскій отказался отъ мысли, что Казанская икона, принесенная въ Москву въ 1612 году, при Петрѣ I перенесена въ Петербургѣ. Мы положительно не понимаемъ ссылки критика на петербургскую брошюру.

Ревниво охраняя свой авторитетъ, московскій критикъ всѣми мѣрами старается подорвать значеніе не только нашихъ единомышленниковъ, во главе съ м. Макаріемъ, архіеписк. Сергіемъ, С. М. Соловьевымъ и проф. Елисѣевымъ, но и достоинство самыхъ документовъ, которые мы сочли нужнымъ издать буквально. Свящ. Романскій пишетъ: «въ доказательство своихъ словъ г. Покровскій приводить въ копіяхъ изъ архива Казан. Дух. Академіи переписку междуprotoiereemъ Новоструевымъ и проф. Елисѣевымъ, бывшую между ними въ 1851 г., по вопросу, гдѣ находится подлинная явленная икона Казанской Богоматери» (тамъ же). Смѣемъ увѣрить читателей критическихъ статей свящ. Романскаго, что нами издано подлинное, собственноручное письмо прот. Невоструева, а не копія, и отвѣтное письмо проф. Елисѣева сохранилось не въ простой, а въ собственноручной копіи; оно также не должно возбуждать сомнѣнія даже въ самомъ недовѣрчивомъ критикѣ...

Прежде чѣмъ разбирать и опровергать доводы, приведенные въ нашей статьѣ, свящ. Романскій «для ясности и облегченія дѣла» предлагаетъ исторію явленной казанской иконы со времени ея обрѣтенія <стр. 586 и сл.>. Исторія эта до 1611—1612 г., не возбуждающая никакихъ сомнѣній, рассказана кратко, но не безъ тенденціи, направленной къ подтвержденію неопределенныхъ свидѣтельствъ хронографовъ Лобковскаго и Ельпинскаго, на которыхъ, главнымъ образомъ, основывается ошибочное мнѣніе, что въ Москву, по совѣту патр. Гермогена, перенесена икона Каѳаанской Божіей Матери, которую Гермогенъ, въ бытность священникомъ казанской церкви Николы Гостины, принялъ изъ нѣдръ земли на свои руки. Тутъ же

тенденциозный авторъ спѣшить заявить, что Явленная Казанская икона была спискомъ съ чудотворной иконы Богоматери, извѣстной подъ именемъ Одигитрии <стр. 568>. Между тѣмъ мнѣніе, считающее казанскую икону спискомъ съ Одигитрии, какъ увидимъ, очень неосновательное. Ктому же казанская явленная икона никогда и ни у кого, кромѣ свящ. Романского, не называется спискомъ, а если называется, то «Образомъ Пречистыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, Честнаго и Славнаго Ея Одигитрія» (Сказаніе м. Гермогена).

Того факта, что «Явленная икона поставлена была въ но-
вооткрытый, по повѣлѣнію царя Иоанна Грознаго, казанскій Богородицкій монастырь и обложена золотомъ и драгоценными камнями изъ царскихъ сокровищъ» (стр. 586), авторъ-кри-
тикъ почему-то не замолчалъ, хотя этотъ фактъ говорить не въ
его пользу. Дальнѣйшая исторія явленной иконы для ясности
не дѣла, а предвзятой мысли, изложена еще тенденциознѣе.
Свящ. Романскій, приглашающій другихъ «принести на ал-
тарь истины и правды свои труды и изысканія» по вопросу о
томъ, где до 29 іюня 1904 г. хранилась Явленная Казанская икона Божіей Матери <стр. 586>, при изложеніи исторіи,
на время, намѣренно замалчиваетъ ясныя свидѣтельства рус-
скихъ лѣтописей о перенесеніи изъ Казани въ Москву Спи-
ска съ явленной иконы, довѣряя больше неопредѣленнымъ
свидѣтельствамъ хронографовъ Лобковскаго и Ельни-
скаго и своимъ ошибкамъ, при чмъ постоянно вставляеть
тенденциозная поясненія <стр. 586>.

Совершенно иначе поступаетъ настоящій любитель исто-
рической правды и серьезный ученый проф. Дмитріевскій.
Чтобы устранить отъ себя всякую мысль въ преднамѣренной
подтасовкѣ фактovъ, онъ передаетъ существенную часть исторіи
принесенія подъ Москву изъ Казани *копії¹⁰* съ Чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери языкомъ нашей лѣтописи и
сказаний современниковъ.

Припомнivъ слова знаменитаго витіи, архіеп. херсонска-
го Инноентія, о томъ, какъ инокъ Палицынъ, гражданинъ
Козьма Мининъ, бояринъ Пожарскій возстали противъ по-
ляковъ, собрали ополченіе и пошли освобождать изъ рукъ
враговъ сердце отечества — Москву, проф. Дмитріевскій про-
должаетъ: сославшись съ Казанью, упомянутые ратоборцы

10.
Курсивъ у проф.
Дмитріевскаго

русской земли — князь Дмитрий Михайлович Пожарский и гражданин Минин, пригласили себя въ помошь для похода на освобождение Москвы и казанское ополченіе, которое изъ глубокаго почтенія къ мѣстной святынѣ, прославившейся уже многими чудесами въ Казани, и, съ цѣлью поставить самое ополченіе подъ покровительствомъ Божіей Матери, взяло съ собой подъ Ярославлемъ въ походъ *копію*¹⁰⁾ съ Чудотворной иконы Казанской Божіей Матери.

10.
Курсивъ у проф.
Дмитріевскаго

«Принесоша же изъ Казани, — читаемъ въ Никоновской лѣтописи и въ лѣтописи о многихъ мятежахъ, — образъ Пречистыя Богородицы, списокъ съ Казанскіе иконы¹¹⁾ всъ же служивые люди (вмѣстѣ съ княземъ Трубецкимъ) поидаша пѣніе, той же Заруцкой съ казаками встрѣтиль на конехъ, казаки же служивыхъ людей лаяху и поносяху; они же въ великой ужаси быша отъ нихъ, чаяху такова же убоиства на себя, какъ на Прокофія (т.е. Ляпунова). На утріи же по приходе Пречистыя Богородицы поидаша вси подъ Новой монастырь. Въ та же время прииде понизовая сила подъ Москву и Новой дѣвичѣ монастырь взяша, и инокинь изъ монастыря выведоша въ таборы, и монастырь разориша и выжгоша весь, старицы же послаша въ монастырь въ Владимиръ «....» И быль тотъ образъ подъ Москвой до зимы. Той же образъ съ протопопомъ Казанскимъ отпустиша назадъ, протопопъ же пріиде въ Ярославль. Въ то время придоша изъ Нижняго князь Дмитрий (Пожарский) и Кузьма (Минин) со всею ратью и видя ту икону Пречистыя Богородицы казанская, что ея помошью подъ Москвою взяли Новой девичѣ монастырь у литовскихъ людей и тотъ образъ поставиша въ Ярославле, и съ того образа списаша списокъ и украся отпустиша въ Казань съ протопопомъ. Ратные же люди велю вѣру начаша держати къ образу Пречистыя Богородицы и многія чудеса отъ того образа быша, въ етманской же бои і въ московское взятіе многа жъ чудеса быша»¹²⁾.

12.
Русск. Лѣтопись
по Никонову
списку. Спб.
1792 г. VIII,
167-168. 209.
Лѣтопись о
многихъ мяте-
жахъ. Изд. 2,
стр. 225-226.
281. Изд. I-е,
1771 г. стр. 236-
237. 296-297.

Послѣднія заключительныя слова лѣтописца, по словамъ проф. Дмитріевскаго, не оставляютъ ни малѣйшаго сомненія въ томъ, что прославившейся чудесами при взятіи Московска-

го Новодѣвичьяго монастыря войсками Пожарскаго (Трубецкаго?) и Заруцкаго, списокъ съ явленной иконы Казанской Божіей Матери не былъ оставленъ въ Ярославль, потому что случайная встрѣча съ нимъ, принятая нижегородскимъ ополченiemъ за счастливое предзнаменованіе, побудила его взять икону снова въ походъ подъ Москву для освобожденія отъ поляковъ. «Къ этому, продолжаетъ проф. Дмитріевскій, по сказанію хронографовъ Лобковскаго и Ельнинскаго, побуждалъ ихъ и великий ратоборецъ русской земли и страдалецъ—патріотъ, томившійся въ заключеніи, патріархъ Московскій Гермогенъ, «благословившій изъ заточенія нижегородцевъ на святой подвигъ возстанія и велѣвшій взять въ полки свои, принятую имъ на свои руки, икону Казанской Богородицы во время Ея явленія». Какъ видно, свидетельство хронографовъ Лобковскаго и Ельнинскаго нисколько не мѣшаетъ проф. Дмитріевскому считать Московскую икону чудотворной копіей или спискомъ съ иконы Казанскія Божіей Матери. Исторія установленія празднества 22 октября въ честь Казанской иконы Божіей Матери 1612 г. въ Москве, а затѣмъ, въ 1649 году, по всей Россіи, у проф. Дмитріевскаго, какъ и вообще у всѣхъ серьезныхъ изслѣдователей, изложена на основаніи первоисточниковъ и представлена такъ ясно, что не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ Москвѣ хранится чудотворный списокъ съ явленной Казанской Иконы Божіей Матери, бывшій снаачала въ полкахъ Трубецкого и Заруцкаго, а затѣмъ въ полкахъ Пожарскаго¹³⁾.

Свящ. Романскій настойчиво утверждаетъ, что патріархъ Гермогенъ, благословляя нижегородцевъ на возстаніе противъ Литвы, велѣль имъ взять въ свои полки чудотворную икону Казанской Богоматери, принятую имъ изъ земли на свои руки во время Ея явленія, т.е. подлинную явленную икону. Но не смотря на всѣ старанія критика, доводы проф. Елисѣева, что завѣщаніе Гермогена можно понимать въ переносномъ смыслѣ или же оно могло быть не выполненнымъ въ отношеніи явленной иконы, вмѣсто которой отпущенъ былъ изъ Казани въ Москву, кстати замѣтить, задолго до похода нижегородского ополченія, списокъ, въ виду того, что казанцы, во главѣ съ дьякомъ Никаноромъ Шульгинымъ, непріязненно относились къ Москвѣ, остаются въ силе.

13.
Труды Кіев. Дух. Акад. 1905 г., февр., стр. 194—212.

Какъ извѣстно главнымъ агитаторомъ противъ Москвы былъ дьякъ Никаноръ Шульгинъ, радовавшійся, что Москва за Литвой, питая свои властительскіе замыслы въ Казани. Онъ и тогдашнія долгія казанскія смуты могли препятствовать принесенію подлинной явленной казанской иконы подъ Москву. Но на это свящ. Романскій возражаетъ, что Шульгинъ «замыслилъ не благъ совѣтъ» и радовался, что «Москва за Литвой» послѣ факта отправленія иконы изъ Казани <стр. 598>. Очевидно нашъ критикъ не знаетъ, что казанскія смуты во времена самозванціи и лихолѣтія на Руси наступили въ самомъ началѣ 1611 года, т.е. задолго до отправки иконы и не прекращались до самаго избранія царя Михаила Феодоровича и все время тѣсно связаны съ личностью Шульгина, открыто выступившаго недоброжелателемъ Москвы.

Возраженіе священника Романского, не знакомаго съ исторіей казанской смуты, заставляетъ насъ нѣсколько остановиться на ней. По смерти В.И. Шуйского (1610 г.), когда въ Казани узнали о занятіи Москвы поляками и протестъ патріарха Гермогена противъ поляковъ, въ Казани открыто начались смуты и междоусобія. Казанцы раздѣлились на двѣ партіи: одна съ дьякомъ казанскаго воеводскаго управленія Шульгинымъ стояла за царя Димитрія Ивановича (Тушинскаго вора, о смерти котораго 11 декабря 1610 г., въ Казани еще не знали), другая, во главѣ съ казанскимъ воеводой Богданомъ Яковлевичемъ Бѣльскимъ, убѣждала не цѣловать «вору» креста, а целовать тому, кто будетъ избранъ царемъ на Московскіе государство. Шульгинъ побѣдилъ. 7 января 1611 г. начался приводъ казанцевъ къ присягѣ Лжедимитрю и въ то же время шла расправа съ единомышленниками Бѣльского, который былъ сброшенъ съ башни. Оказалось, что дьякъ Шульгинъ замышлялъ отдѣлиться отъ Москвы, и при содѣйствіи персидскаго шаха, казаковъ и татаръ образовать понизовое государство, подъ главенствомъ Лжедимитря..., или, со смертью Тушинскаго вора, подъ главенствомъ «царевича Ивана» — «Маринкина сынка».

Воевода Бѣльскій, повидимому, былъ не единственной жертвой январскихъ событий 1611 г. въ Казани. Здѣсь, оче-

видно, произошла ожесточенная и кровавая распя, победа въ которой все время оставалась за партией Шульгина. Одновременно съ Бѣльскимъ быль убить въ Казани, сброшенный «съ раската», одинъ изъ мѣстныхъ ратныхъ начальныхъ людей Феодоръ Захарьевичъ Люткинъ, сынъ котораго Андрей, по своему обѣщанію, быть можетъ, въ память мученической смерти своего отца, выстроилъ въ Казани нынѣшнюю Вознесенскую церковь. Дьякъ Никаноръ Шульгинъ съ своими приверженцами, въ числѣ которыхъ мы впослѣдствіи видимъ нижегородского стряпчаго Ивана Биркина, являясь виновникомъ январскихъ смутъ 1611 года, вель себя въ казанскомъ краѣ положительно диктаторски. Казанскіе «воровскіе заводчики» Шульгинъ и Биркинъ положительно терроризовали казанцевъ. Даже до безурядной Москвы дошли слухи о сепаратическихъ стремленіяхъ въ Казани. Самому Сигизмунду доносили, что Казань, говорившись съ Астраханью и съ другими городами, хочетъ отложиться за персидскаго шаха и креста сыну его, королевичу Владиславу, не цѣлуясь. Опасенія казанского сепаратизма тревожили и приверженцевъ общеземскаго дѣла, во главе съ патріархомъ Гермогеномъ, когда подъ Москвою въ августѣ 1611 г., стояли уже земскія ополченія, среди которыхъ однако еще не было казанскаго. Патр. Гермогенъ, понимая настроеніе умовъ въ Казани, считалъ неудобнымъ непосредственно обращаться къ казанцамъ; онъ просилъ нижегородцевъ отписать въ Казань къ митрополиту Ефрему, чтобы этотъ іерархъ убѣдилъ казанцевъ «кроѣко стоять за вѣру, прислать ополченіе и не звать на царство проклятаго Маринны паны сынка».

Мысль объ основаніи самостоятельного низового государства пережила даже эпоху междуцарствія. Въ 1613 г. ее лелѧль Заруцкій, приставшій къ Маринкѣ и Маринкину сыну и засѣвшій въ Астрахани. Заискивая у ногайцевъ, онъ, съ наступленіемъ весны, намѣревался идти съ ними на Самару и Казань. Одновременно съ такими же замыслами носился противникъ Заруцкаго дьякъ Никаноръ Шульгинъ и даже думалъ удержать казанцевъ отъ присяги вновь избранному царю Михаилу Феодоровичу. Извѣстіе объ избраніи Михаила Феодоровича Шульгинъ получилъ въ Арзамасѣ, гдѣ находился съ казанскими ратными людьми, съ которыми, по порученію земскаго собора, долженъ быль изгнать изъ г. Михайлова

измѣнника Заруднаго. Рѣшивъ далѣе не идти, онъ сталъ уго-варивать своихъ людей не цѣловать креста новому царю, такъ

14.

С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, VIII, стр. 967—968, 1053—1054.
(Изд. Народ. Польза): проф. Н. П. Загоскинъ, «Спутникъ по Казани» 1895 г., стр. 440—444; 448—451. Лѣт. о мятежахъ, стр. 211—212; Ник. Лѣт. VIII, 176—177, 182—204.

какъ онъ «избранъ де на царство безъ вѣдома государства каѳозанскаго». Вѣроятно уговоры Шульгина на этотъ разъ успѣха не имѣли, такъ какъ, оставивъ рать свою въ Арзамасѣ, онъ спѣшилъ въ Казань, чтобы удержать казанцевъ отъ присяги новому царю, но его предупредили изъ Москвы. Казань до прибытія Шульгина успѣла присягнуть. Самъ Шульгинъ былъ схваченъ въ Свияжскѣ, отправленъ въ Москву, отсюда въ Сибирь, гдѣ и окончилъ свои дни¹⁴⁾.

Кратко разсказанной исторіи смуты въ Казани въ продолженіе

1611—1612 гг. достаточно, чтобы понять: во-первыхъ, что въ мятежной Казани голосъ патр. Гермогена могъ быть не авторитетнымъ; самъ Гермогенъ не разсчитывалъ на успѣхъ личнаго воздействиа на казанцевъ и не довѣрялъ представителямъ казанской гражданской власти, обращаясь къ м. Ефрему черезъ посредничество Нижняго-Новгорода; слѣдовательно и завѣщаніе и. Гермогена — взять въ полки, подъ Москву, чудотворную икону Казанской Богоматери, принятую имъ изъ земли на свои руки во время ея явленія, — для казанцевъ не имѣло силы обязательности; при томъ оно, вопреки увѣреніямъ свящ. Романского <стр. 602>, выражено очень неопределенно и даже м. Ефремомъ могло быть понято въ томъ смыслѣ, какъ толкуетъ проф. Елисѣевъ¹⁵⁾); во-вторыхъ, для Никанора Шульгина, мечтавшаго объ основаніи особаго государства изъ низовыхъ городовъ, съ центромъ въ Казани, мѣстная казанская святыня — явленная Казанская икона Божіей Матери имѣла весьма важное значеніе для объединенія низовыхъ городовъ. Казанскіе мятежники-сепаратисты особенно должны были дорожить ею. Къ партіи Шульгина принадлежали и духовныя лица, каковъ свать его строитель Амфилохій (Рыбушкинъ), не слушавшійся троицкихъ грамотъ¹⁶⁾. Эта разнословная противомосковская партія, нѣсомнѣнно, понимала, что перенесеніе и сосредоточеніе мѣстной святыни въ Москвѣ много способствовали объединенію Московскаго государства, съ возвышеніемъ Москвы и ослабленіемъ окраинъ. Поэтому приводимые свящ. Романскимъ примѣры, что въ 1395 г., по случаю нашествія Тамерлана, изъ Владимира была принесена

15.

«По моему мнѣнію, писаль проф. Елисѣевъ, завѣщаніе п. Гермогена можетъ имѣть не толькъ смыслъ, который Вы (прот. Невоструевъ) ему присыпываете.

Если п. Гермогенъ воспринялъ отъ земли казансскую явленную икону Божіей Матери, то по этому самому въ переносномъ смыслѣ и спасокъ съ этой иконы можетъ быть названъ воспринятымъ имъ же, точно также, какъ смотря на портретъ Вашего крестника. Вы можете сказать:

«вотъ тогъ, котораго воспринялъ я отъ купели», хотя это будетъ не онъ самъ, а только портретъ его.

16.

С.М. Соловьевъ. Исторія Россіи, II, VIII, стр.1013-1014

въ Москву, гдѣ и осталась, подлинная икона Владімірской Божіей Матери, а не копія, что также принесена была Донская икона Дмитрію Іоанновичу во время браны съ Мамаемъ <стр. 599>, могли только удержать казанскія власти отъ посылки подъ Москву именно явленной иконы; въ третьихъ, Шульгинъ еще задолго до отправленія подъ Москву, въ помощь русской рати, для освобожденія отъ поляковъ списка съ явленной Казанской иконы Божіей Матери (осенью 1611 г.), задумаль «не благъ совѣтъ» и не оставляль его даже послѣ избранія на царство Михаила Феодоровича, а не только послѣ факта отправленія св. иконы изъ Казани, какъ пишетъ свящ. Романскій <стр. 598>. Къ этому вопреки свящ. Романскому <стр. 599>, нужно прибавить, что въ сильной партіи Шульгина никогда не было раскаянія въ измѣнѣ. Присылку казанского земскаго ополченія проф. Н.П. Загоскинъ называетъ простою комедіей, подстроеною предусмотрильными казанскими диктаторами для простого очищенія своей совѣсти. Одно то, что во главѣ ополченія отъ «великаго царства казанскаго» стоялъ сообщникъ Шульгина Иванъ Биркинъ, не обѣщало ничего хорошаго. Дѣйствительно, казанское ополченіе разсорилось, и Биркинъ съ большою частью ополченія возвратился обратно въ Казань изъ подъ Ярославля, по приказанію остававшагося въ Казани дьяка Шульгина¹⁷⁾.

Такимъ образомъ казанское ополченіе, снаряженное, быть можетъ, по настоянію м. Ефрема, не оставалось безъ вліянія Шульгина. Любопытно, что князь Пожарскій, освободившій Москву отъ поляковъ, не могъ приказывать Казани. Тотъ самый м. Ефремъ, на котораго особенно надѣялся патр. Геременъ, отказалъ ему въ просьбѣ поставить сторожевскаго игумена Исаія на Крутицкую митрополію, чтобы Исаія временено завѣдывалъ дѣлами Московскаго патріархата. Вѣроятно, и м. Ефремъ, управлявшій «всей землей царства Казанскаго» вмѣстѣ съ дьякомъ Шульгинымъ и Дичневымъ, во время диктаторства Шульгина, могъ согласиться на отправку подъ Москву только «списка» съ явленной иконы, а не подлинника, слишкомъ дорогого для Казани. Поэтому русскія лѣтописи говорятъ сущую правду, повѣствуя, хотя кратко, но положительно и ясно о томъ, что подъ Москву былъ принесенъ «списокъ» съ казанскія иконы Божіей Матери, или «списанной съ казанскія».

17.
Проф. Н. П. Загоскинъ. Спутникъ по Казани, стр. 449—450.

18.

Желая блеснуть
предь читате-
лями знанием
лѣтописей,
свящ.

Романский,
упомянувъ, что
Никоновская
лѣтопись (VIII
т.) и Лѣтопись
о мятежахъ
дѣйствительно
говорят о томъ,
что изъ Казани
былъ принесенъ
образъ Пречистыя Богоро-
дицы, списокъ
съ казанскія
иконы... или
списанной
съ казанскія,
прибавляется

- мало того:
образъ (этотъ)
казанскія Бого-
родицы имену-
ется «спискомъ»

съ казанскія
иконы еще въ
книгѣ, глаго-
лемой новый

Лѣтописецъ
Степень» <стр.
600>. Какая наи-
вность, если не
сказать больша-
го! Вѣдь «книга
глаголемая новой
Лѣтописецъ Степень» и есть
VIII т. Никонової Лѣтописи
или Русской
Лѣтописи по
Никонову Спис-
ку, изд. 1792!

Но эти положительные свидѣтельства лѣтописей (Никонов. VIII, 167–168; Лѣтоп. о мятежахъ... стр. 225–226, изданіе второе, стр. 236–237, изд. 1-е, 1771 года), видимо, не служать камнемъ преткновенія для свящ. Романского¹⁸).

Онъ считаетъ ихъ слишкомъ краткими, а потому не имѣющими никакого значенія безъ связи съ другими историческими документами <стр. 600>. Ниже мы увидимъ, что это за документы, которыми свящ. Романский думаетъ опровергнуть лѣтописныя сказанія. Нашему критику хочется, чтобы въ лѣтописяхъ и историческихъ документахъ всюду, гдѣ заходить рѣчь о казанской иконѣ, непремѣнно были прибавки: «явленная», «подлинная», «копія» или «списокъ». Онъ, какъ будто, не знаетъ, что русскія лѣтописи всюду очень кратки. Если въ лѣтописи разъ сказано, что въ Москву изъ Казани былъ принесенъ списокъ, то постоянно напоминать, когда заходила рѣчь объ этой иконѣ Казанской Богоматери, что она «списокъ», для лѣтописцевъ представлялось совершенно излишнимъ. Поэтому въ другихъ мѣстахъ они называютъ ее просто образомъ Пречистыя Богородицы, или образомъ чудотворнымъ, послѣ того, какъ эта икона, бывшая въ полкахъ Трубецкого, Заруцкаго и Пожарскаго, прославилась чудесами въ гетманскомъ бою и при освобожденіи Москвы отъ поляковъ. Такъ мы находимъ въ Никоновой Лѣтописи и Лѣтописи о многихъ мятежахъ, когда читаемъ о многихъ чудесахъ отъ Московской иконы, установленіи празднованія въ честь ея 22 октября 1612 г. и опоставленіи ея кн. Пожарскимъ въ храмѣ, въ своемъ Введенскомъ приходѣ, на Устретенской улицѣ (Ник. VIII, 209–210, Лѣт. о мятежахъ – 296–297, изд. 2-е). Поэтому нѣть ничего удивительного, что въ этомъ, сравнительно подробномъ, повѣствованіи Московская казанская икона Божіей Матери не называется «спискомъ», а только «Образомъ Пречистыя Богородицы Казанскія», отъ которого многія чудеса быша.

Знаменитый архивистъ и археографъ Пав. Мих. Строевъ (Выходы царей. М. 1844 г., стр. 35), историки: гражданскій С.М. Соловьевъ (Исторія Россіи II, VIII, стр. 997), церковный митр. Макарій (Х, стр. 162, изд. 1881 г.), зна-

менитый агиографъ архіепископъ Владимирскій Сергій (Поли, мѣсяцесловъ Востока. Изд. II, стр. 437, замѣтка 22 октября), архіепископъ тверской, ныне Казанскій Димитрій (Мѣсяцесловъ святыхъ всей русской церковью или мѣстно чтимыхъ, вып. II, 1893 г. стр. 130), конечно, хорошо знали, чѣмъ можно пользоваться въ лѣтописяхъ. Всѣ они, безъ оговорокъ, говорять, что въ Москву въ смутное время изъ Казани былъ принесенъ списокъ съ Казанской иконы Божіей Матери, а не подлинная явленная икона. Никто изъ нихъ не рѣшился не повѣрить краткому сказанію Никоновой Лѣтописи, которую справедливо упрекаютъ въ тенденціозности въ пользу Москвы; но въ данномъ случаѣ и она оставляетъ тенденцію, повѣствую согласно съ свидѣтельствомъ Лѣтописи о многихъ мятежахъ, составленной на основаніи сказаний современниковъ.

Попытки свящ. Романского подорвать достовѣрность лѣтописныхъ сказаний черезчуръ переполнены всякою рода предположеніями и не вполнѣ основательными догадками въ родѣ того, что лѣтописцы знали, что явленная икона Казанской Божіей Матери была спискомъ съ Одигитріи, что послѣднюю (т.е. Одигитрію?) они могли назвать также казанской <стр. 600>, а явленную — спискомъ съ нея. Совершенно непонятно, почему могли назвать Одигитрію казанской, когда всѣ тогдашніе грамотеи, въ томъ числѣ и лѣтописцы, хорошо знали, что Одигитріей называется Смоленская икона, принесенная на Русь еще въ 1046 г. (списокъ съ Константинопольского подлинника) и хранившаяся въ Смоленскѣ¹⁹.

Правда, казанская явленная икона въ «Сказаніи» Гермогена, а отсюда и въ прологѣ, называется Одигитріей, но не спискомъ съ Одигитріи. Въ объясненіе такого названія казанской иконы осмѣвливаемся предположить, что составитель сказанія, написанного черезъ 15 лѣтъ после явленія иконы, назвалъ казанскую икону Пречистыя Владычицы нашей Богородицы честнаго и славнаго Ея Одигитрія, по личному соображенію. М. Гермогенъ въ своемъ сказаніи и первый каменный монастырский храмъ, основанный въ 1594 году, называется также храмомъ Пречистыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго Ея Одигитрія Чудотворнаго образа явленія. Первую деревянную церковь онъ называетъ просто: во имя Пресвятыя Богородицы честнаго

19.
Архіепископ
Сергій. Поли,
мѣсяцесловъ...
изд. 2-е, II,
Замѣтки, стр.
289—290. С.
Снессорева.
Земная жизнь
Пресв. Богоро-
дицы. Спб 1891
г. стр. 346—353.

Ея Одигитрія. Но и тутъ сказался чисто личный взглядъ на явленную икону. Впослѣдствіи казанскій монастырскій храмъ никогда не назывался храмомъ Одигитріи, а назывался и называется просто храмомъ «Явленія иконы Казанскія Божія Матери». Говоря о каменномъ храмѣ, самъ м. Гермогенъ, какъ бы вносить поправку въ наименование первого деревянного храма. Название первого монастырскаго храма «храмомъ Одигитріи», какъ видно изъ Гермогенскаго сказанія, принадлежитъ собственно Грозному, разрѣшившему его постройку, уже послѣ того, какъ было получено имъ «краткое сказаніе о явленіи и чудесахъ новоявленной казанской иконы, которую, — по первому впечатлѣнію при явленіи» приняли за Одигитрію. Въ христіанской Казани давно уже были известны обе смоленскія иконы — Одигитріи и Умиленія. Онъ стояли въ церкви Спаса Нерукотворенного надъ кремлевскими воротами (Сниск. съ писц. кн. г. Казани 1566—1567 г., стр. 20). Ихъ, несомнѣнно, зналъ м. Гермогенъ. На икону Умиленія Явленная икона не походила, а съ Одигитріей имѣла только общее сходство, почему и принята за «Одигитрію». Но съ одинаковымъ правомъ м. Гермогенъ могъ назвать казанскую икону спискомъ съ Муромскія иконы, принесенной въ Муромъ изъ Киева, а затѣмъ перенесенной св. Василемъ Рязанскимъ, около 1291 г., въ Рязань, или спискомъ съ иконы Колочской—Можайской, Рязанской Феодортьевской и некоторыхъ другихъ, похожихъ на икону Одигитріи, где Богомладенецъ изображенъ сидящимъ на лѣвой руке Богороѣдицы²⁰).

20.
С. Снесорева.
Земная жизнь
Богородицы...
Стр. 202. 327.

21.
Архіепископ
Сергій. Полі.
Мѣсяцесловъ...
ІІ, стр. 205.
Можно до-
гадываться,
что состави-
тель канона
Одигитріи инок
Игнатій ни-
кто иной, какъ
византійский
писатель нач.
ІХ в. дьяконъ

великой
церкви, митр.
Нікейскій,
авторъ жиз-
неописаний
патріарховъ
Тарасія († 860
г.) и Никифора
(† 829 г.), дра-
матического
стихотворенія
о грѣхопаденії,
перифразъ
Эзоповыхъ ба-
сенъ и другихъ
поэтическихъ
произведеній
(Энциклоп. сло-
варь Брокгауз)

Приведемъ еще слѣдующія соображенія въ объясненіе неточнаго названія казанской иконы Одигитріей. Служба «Явленію» казанской иконы Божіей Матери (8 іюля) содержитъ въ себѣ канонъ Одигитріи, составленный инокомъ Игнатіемъ, впослѣдствіи митрополитомъ Нікейскимъ²¹). Возможно, что этотъ греческій канонъ Одигитріи, внесененный въ первую службу явленію Казанской иконы Божіей Матери еще до составленія сказанія (Минея мѣсяцъ іюль, 8-й день), послужилъ основаніемъ на нѣкоторое время упрочить за Казанской иконой название Одигитріи. Канонъ инока Игнатія гораздо раньше составленія службы явленію казанской ико-

ны Божієй Матері легъ въ основаніе службы 28 іюля — Празднованіе Одигитрія Смоленской, въ память возвращенія Смоленска отъ Литвы въ 1514 году. Канонъ сравнительно новой службы 28 іюля на первыхъ порахъ могъ оказаться самымъ подходящимъ и для службы 8-го іюля — въ честь явленія казанскія иконы. Въ высшей степени любопытно, хотя для нась, какъ не специалиста, несколько нѣпонятно, почему служба 28 іюля въ Минѣ надписывается: «Служба явленію чудотворныхъ иконы Смоленской, Пресвятая Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея Одигитрія». Какъ известно, икона Смоленской Одигитріи, въ честь которой установлено празднованіе 28 іюля, не явилась, а принесена изъ Константинополя. По однимъ — эта икона была благословеніемъ въ путь на Русь царевны Анны, супруги Владимира Святого, по другимъ (вѣрнѣ) — ею императоръ Константинъ Порфирородный благословилъ въ путь свою дочь царевну Анну, выдавая ее въ 1046 г. за черниговскаго князя Всеволода Ярославича²²⁾. Понятіе «явленіе», выражающее сущность греческаго праздника «Одигитріи» и русскаго праздника 8 іюля, но несоответствующее историческому обстоятельствамъ установлениія празднованія 28 іюля въ честь «Одигитріи», по нашему мнѣнію, могло послужить къ тому, что казанскую явленную икону, при сходствѣ церковной службы, благодаря общему Игнатьевскому канону, въ началѣ именовали Одигитріей, между тѣмъ во второмъ канонѣ —иныхъ праздничныхъ ирмосахъ службы 8 іюля — равно какъ въ рукописной службѣ, въ стихирахъ на Малой Вечернѣ, почему то не вошедшей въ печатную минейную службу, но ярко выражающей сущность праздника явленія Казанскія иконы, эта икона ни разу не называется Одигитріей²³⁾. Св. Димитрій Ростовскій въ своихъ минаяхъ (іюль) также не называетъ казанскую явленную икону Божіей Матери Одигитріей.

Весьма важно еще слѣдующее обстоятельство. Въ древнѣйшей описи Свіяжскаго Успенскаго Богородицкаго монастыря, отъ 1613 года, названо нѣсколько образовъ Пречистыя Богородицы Одигитріи и Умиленія и одинъ «образъ Пречистыя Богородицы Новоявленные, безъ прибавленія слова «Одигитріи». Мы не сомнѣваемся, что послѣдній образъ «Пречистыя Богородицы Новоявленные» есть списокъ съ Казанской явленной или новоявленной иконы, находившейся тог-

22.
С. Снесорева.
Земная жизнь
Богородицы,
стр. 346—347.
Архиепископъ
Сергій. Поли.
Мѣсяцесловъ...
П., 289—290.

23.
Мѣсячная
Минея—іюль,
ср. рукопись-
полуставъ,

да въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на то, что среди множества иконъ Пресвятыя Богородицы въ монастырской описи ни одна не названа Казанской и только одна новоявленной. Очевидно Казанская икона была извѣстна тогда съ именемъ «новоявленной», особенно среди казанцевъ, а не съ именемъ «Одигитрія»²⁴⁾.

^{24.}
Известія по
Казанской
Епархіи 1892 г.
№ 17, стр. 474.

По письму (изображенію) Казанскую явленную икону необходимо считать оригиналлой. Только на ней мы находимъ грудное изображеніе Богоматери и поясное — Богомладенца. Икона, гдѣ Богомладенецъ написанъ во весь ростъ, а Богоматерь имѣть поясное изображеніе и въ коронѣ, при чемъ у нихъ видны всѣ четыре руки, какъ на тобольской иконѣ²⁵⁾, неизвѣстно почему называется казанской. На казанскихъ иконахъ Божіей Матери такого письма не должно быть.

Мы нѣсколько уклонились, чтобы указать, что казанскую явленную икону Божіей Матери нѣть достаточныхъ основаній называть Одигитріей и считать ее спискомъ съ послѣдней. Можно, конечно, назвать и ее иконой Царицы Владычицы и Богородицы и Приснодѣвы Маріи, честнаго ея Одигитрія, но лишь въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ каждую богородичную икону можно назвать иконой Одигитріи, т.е. Богородицы — Путеводительницы и Заступницы рода христіанского. Но въ такомъ случаѣ и при такомъ пониманіи явленная Казанская икона не будетъ спискомъ съ Одигитріемъ Смоленской, какъ хочется свящ. Романскому, чтобы объяснить, откуда въ лѣтописныхъ сказаніяхъ о принесеніи въ Москву Казанской иконы взялось понятіе «списокъ». Въ акаѳистѣ, составленный совсѣмъ недавно, слово «Одигитрія» внесено, конечно, на основаніи канона Игнатія.

Если свящ. Романскій не вѣрить лѣтописнымъ сказаніямъ, или толкуетъ ихъ по своему, и въ лѣтописяхъ цѣнить лишь то, что говорить въ его пользу, то, сдѣланную 1-го іюня 1798 г. въ монастырской рукописи, вслѣдъ за Сказаниемъ Гермогена о явленіи казанской иконы и перечисленіемъ чудесъ <лл. 39—59>, запись о томъ, что 30 мая 1798 г. при закладкѣ новаго каменнааго холоднаго храма въ честь явленія Казанскія

^{25.}
С. Снессорева.
Земная жизнь
Богородицы...
стр. 310—314.

иконы Божія Матері, въ казанскомъ женскомъ монастырѣ въ присутствіи императора Павла Петровича явленная икона выносилась къ мѣсту св. престола новой церкви, <лл. 59 об.–61>, онъ не считаетъ заслуживающей вниманія и достойной своей критики. Эту запись онъ считаетъ отражающей личный взглядъ автора, подозрѣваетъ ее въ предвзятомъ умыслѣ, допуская возможность позднѣйшаго ея внесенія, именно въ одинъ изъ списковъ Сказанія Гермогена. Поэтому никоимъ образомъ, по словамъ свящ. Романского, она не можетъ быть принята за документъ, на которомъ можно было бы строить свои заключенія и выдавать ихъ за истинныя <стр. 601²⁶>. Удивительная недовѣрчивость критика къ источникамъ и документальнымъ даннымъ нашей журнальной статьи!

То, что на основаніи неточнаго примѣчанія въ печатанномъ сказаніи (изд. 1871 г. Казань, стр.20–21), у насъ названо записью въ одномъ изъ списковъ сказанія м. Гермогена о Казанской иконѣ, оказалось специальной полууставной записью современника о закладкѣ новаго монастырскаго храма. Она очень подробна и въ подлинникѣ читается такъ: «запись ся внесена зде съ вѣ книгу, 1798 года, юня 1-го днѧ ²⁷), въ Казани. Соборный храмъ Божіей Матери, каменной, сооруженной во имя Честнаго Святаго Іконы Ея явленія въ Казани, по причинѣ ветхости ево, поелику уже и камни валились изъ стѣнь и сводовъ и никакія укрѣпленія удерживать были не сильны, отъ построенія онаго чрезъ двѣсти одинъ годъ въ 1796 лѣтъ по резолюціи Святѣйшаго Правительствующаго Синода члена Преосвященнаго Амвросія, архіепископа Казанскаго и Свияжскаго и ордена святаго Александра Невскаго Кавалера, съ согласія именитыхъ казанскихъ гражданъ весь разобранъ до основанія; а на мѣсто того заложенъ вновь въ 1798 году маія 30 числа на память преподобнаго отца Исаакія Далмацкаго, при высочайшемъ присутствіи Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора Павла Петровича всея Россіи, и Наслѣдника его Благовѣрнаго Государя и Великаго Князя Константина Павловича. Слѣдующимъ образомъ: 1. По отпустѣ святой литургіи (которую Его Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества благозволили слушать въ теплой соборной рождественской церкви) со изнесенемъ явленной Богородичной Иконы ²⁸) шествовали съ Преосвященнымъ архіепископомъ, властми духовными

26. На основаніи этой записи, пишет свящ. Романский, Покровскій замѣчаетъ, что въ концѣ 18-го вѣка явленной Казанской иконой считалась бывшая въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ <стр. 601>.

27. Все напечатанное курсивомъ написано киноварью.

и гражданскими къ мѣсту святаго престола. 2. Пришедъ на мѣсто Преосвященный архіепископъ по правилу святыя церкви творилъ начало и читалъ молитву о заложеніи новосозидаемаго храма. 3. Когда приспѣло время класть камни, то Преосвященный архіепископъ по высочайшему Его Величества соизволенію положилъ первый камень, потомъ Его Императорское Величество второй, послѣ сего Ихъ Императорскія Высочества по камню и прочія также. 4. Сверхъ камней, коими заложенъ храмъ, вложена въ изготовленныя на то камни мѣдная доска мѣрою длины полтора аршина, ширины три четверти, вѣсомъ четыре пуда пятнадцать фунтовъ съ изображеніемъ на ней имени Царствующаго Императора и всей Его Императорскаго Величества Высокой фамиліи, Преосвященнаго архіепископа Казанскаго съ объявленіемъ года, когда заложенъ храмъ. 5. Сверхъ оной доски наложена каменная плитка, въ которую Преосвященный архіепископъ водрузилъ крестъ, деревянный по правилу Святыя церкви и по отпустѣ Его Императорское Величество соизволилъ духовенство удостоить къ рукѣ, которое потомъ съ иконой Богородичною возвратилось въ церковь, а Его Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества всемилостивѣйше удостоивъ высочайшаго посѣщенія игуменыны кельи, сего жъ числа изъ онаго монастыря благоволили отправиться въ обратный путь въ Санкт-петербургъ».

Эта запись почти буквально (есть и выражение: «соизнесеніемъ явленной Богородичной иконы») повторена и вырѣзана на храмозданной металлической доскѣ, укрѣплённой на одномъ (первомъ правомъ по входѣ) изъ четырехъ столбовъ

29.
Запись, вырѣзанная на металлической доскѣ, начинается: «въ 1798 г. мая 30 дня на память преподобного отца нашего Исаакія Далматского заложена вновь соборная церковь во имя явленія иконы Казанской Богородицы при Высочайшемъ присутствии

Теперь представляемъ читателямъ высказаться: можно ли считать документомъ вышеупомянутую запись о закладкѣ монастырского храма и на основаніи ея строить заключенія и выдавать ихъ за истинныя?

Что касается конца проложнаго сказанія (8 іюля) о «Явлениі иконы Богородицы во градѣ Казани», то слова: «яже и донынъ съ вѣрою приходящимъ многа исцѣленія подаваеть», г. Завьяловъ вполнѣ правильно относить къ явленной иконе, находившейся въ Казанскомъ женскому монастырѣ до похищенія, а не къ Пресвятой Богородицѣ, какъ совершенно произвольно и не согласно съ грамматическимъ расположениемъ словъ относить ихъ къ Пресвятой Богородицѣ <стр. 601>. При этомъ мы вполнѣ понимаемъ, что чудеса творятся не иконами, самими по себѣ, а Всемогущимъ Богомъ, по молитвамъ святыхъ, лики которыхъ написаны на иконахъ, къ которымъ (святымъ) люди притекаютъ съ вѣрою и надеждой³⁰⁾.

Покончивъ съ главными возражніями свящ. Романского, направленными къ опроверженію данныхъ тѣхъ положеній, которыя выставляются нами въ доказательство подлинности Явленной Казанской иконы, похищенной въ ночь на 29 іюня изъ Казанского женского монастыря, посмотримъ, какія несомнѣнно (?) историческія данныя и основанія приводить самъ свящ. Романскій, отстаивая свой ошибочный взглядъ, что въ полкахъ князя Пожарского была явленная икона Казанской Божіей Матери, находящаяся нынѣ въ Московскому Казанскому соборѣ.

Свои положительные доказательства свящ. Романскій начинаетъ съ удивленія. Онъ удивляется, почему «писатели Елисѣевъ, Покровскій и К-о (какая умная фраза!), пытающіеся отстаивать подлинную икону Казанской Богоматери именно въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, не обратили вниманія на тѣ несомнѣнно историческія данныя, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что въ отрядѣ Пожарского была именно Явленная икона Казанской Богоматери, а не списокъ съ нея» <стр. 601>. Но нась нисколько не удивляетъ не только то, что не писатель, а профессоръ Елисѣевъ съ К-о не обратили вниманіе на эти данные, но даже и то, что протоіерей Невоструевъ не пользовался ими въ доказательство своихъ предположеній въ перепискѣ съ проф. Елисѣевымъ. Дѣло очень простое и удивительное только для свящ. Романского. Проф. Елисѣевъ и прот. Невоструевъ знали про эти данныя, но умѣли читать и понимать историческіе документы. Свящ. Романскій узналъ про нихъ, но не понялъ ихъ.

30). Ссылка г. Завьялова на выраженіе: «яже и донынѣ» въ пользу подлинности и явленности Казанской иконы, хранившейся въ Казани, и наше молчаніе по поводу этого выраженія даютъ свящ. Романскому поводъ поглу-митьсь надѣг. Покровскому. «Покровскій, пишетъ Ро-манскій, пытающійся во что ни стало до-казать подлин-ность Казанской иконы именно въ Казанскомъ Богородицкомъ монастырѣ и въ доказательство своей мысли приводящій даже не имѣющіяника-го значенія замѣтки, вродѣ вышеупомяну-той записи на одномъ изъ спи-сковъ сказанія патарах Гер-могена, и тотъ не пользуется для своей цѣли выраженіемъ составителя пролога; значит, и он слова «яже и донынѣ» отно-сит не къ иконѣ, но къ самой Пр. Богородицѣ, которая и по-дает исцѣленія вѣрующимъ чрезъ свои св. иконы» (стр. 601). Если бы московскій священникъ, воображающій себѣ пи-сателемъ, больше знать и серьезнѣе дум-маль и писаль, то не сталъ бы попусту при-дираться къ Покровскому.

Мы хорошо знали, что выражение «яже и донынѣ», какъ и вся фраза, приведенная у г. Завьялова, внесены въ прологъ на 8 июля изъ Сказания Гермогена, написанного въ 1594 году; поэтому пользоваться этимъ выражениемъ для нашей цфли не было смысла.

Самому свящ.

Романскому, вмѣсто того,

чтобы попусту

марать бумагу,

лучше было

бы прочитать

Сказание м.

Гермогена о явленіи Чудотворной иконы

Пресвятая

Богородицы во градѣ Казани (оно имѣется въ печати); тогда онъ не стала бы распространяться о томъ, къ чему относить составитель пролога слова «яже и донынѣ» и знать бы кому принадлежат эти слова.

³¹
Акт. Археогр.
Экспед. т. IV,
стр. 61.

³².
Курсивъ свящ.
Романского,
знаки ?!—наши.

Въ окружной грамотѣ царя Алексія Михайловича отъ 29 сент. 1649 г. на имя Маркелла архіепископа Вологодскаго и Пермскаго сообщается объ установлениі всероссійскаго празднованія «явленію» чудотворнаго иконы Казанскія, по случаю рожденія въ 157 (1648 г.) у царя Алексія Михайловича сына Димитрія во время всенощной на праздникѣ (22 октября) Пречистыя Богородицы, явленіе чудотворнаго иконы Казанскія. Первоначально празднованіе 22 окт. въ Москве установлено въ память того, что въ 121 (1612 году) въ 22 день октября милостію Божію и молитвами и заступленіемъ Владычицы нашей Богородицы, явленія чудотворнаго иконы Казанскія Московское государство отъ литовскихъ людей очистилось³¹).

Приводя эту окружную грамоту царя Алексія Михайловича, свящ. Романскій рѣшительно заявляетъ, что въ ней положительно утверждается, что Московское государство очистилось отъ литовскихъ людей заступленіемъ Пречистыя Богородицы и чрезъ ея явленную (?!)³² чудотворную икону Казанской Богоматери, что царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ установленъ въ Москвѣ въ 1613 (?) году праздникъ въ день 22 окт., по случаю освобожденія Москвы отъ поляковъ, въ честь этой явленной иконы Казанской, что и царь Алексій Михайловичъ въ честь той же явленной иконы Казанской установилъ праздникъ въ день 22 окт. по всѣмъ городамъ <стр. 602>.

Выводъ для свящ. Романскаго изъ грамоты, поставленной во главу его положительныхъ доказательствъ, которой нашъ критикъ поправляеть лѣтописныя сказанія, вполнѣ недоразумѣніе и вызываетъ уже не ложное, а справедливое удивленіе.

Во первыхъ, свящ. Романскій, открывавшій Америку, исказилъ хронологію окружной грамоты, не умѣя переводить до петровскій сентябрьскій годъ на нынѣшній январскій. 22 октября 121 года (время очищенія Московского государства отъ поляковъ) но нынѣшнему январскому счислению соотвѣтствуетъ не 22 окт. 1613 года, какъ у свящ. Романскаго, а 1612 г. По искаженной хронологіи Романскаго выходить, что избраніе Миха-

ла Феодоровича на царство (21 февр. 1613 г.) предшествовало очищенью Москвы отъ литовцевъ!! Равнымъ образомъ 22 окт. 157 года (день рожденія царевича Димитрія) соотвѣтствуетъ не 1649 г., а 1648 г. По хронологіи Романского выходитъ, что Алексѣй Михайловичъ почти за мѣсяцъ до появленія царевича Димитрія на свѣте объявилъ о его рожденіи и даже установилъ всероссійской праздникъ «Явленію» Казанской иконы Божіей Матери.

Но главное не въ искаженіи хронологіи, а въ произвольномъ отождествлениі понятія «явленіе», какъ факта, съ понятіемъ «явленная», какъ предиката къ подлинной Казанской иконѣ Божіей Матери. До сихъ поръ никто, кромѣ мнимо-ученаго свящ. Романского, не доходилъ до того, чтобы понятіе «явленіе», четыре раза встрѣчающееся въ грамотѣ архіепископу Маркеллу, отождествлять съ понятіемъ «явленная» и отсюда заключать, что Казанская икона Божіей Матери, принесенная въ Москву въ 1611—1612 гг. и защитившая наше отечество отъ покоренія ляхами, въ память чего установленъ праздникъ 22 октября, явленная Казанская икона.

Проф. Елисѣевъ еще до переписки съ прот. Невоструевымъ зналъ про давно напечатанную и только что открытую свящ. Романскимъ грамоту архіеписк. Маркеллу, но, какъ серьезный ученый не отождествлялъ встрѣчающагося въ ней понятія «явленіе» съ понятіемъ «явленный». Въ 1849 г. имъ составлено и издано въ Москвѣ казначеемъ Троице-Сергіевой Лавры іеромонахомъ Сергиемъ «Краткое историческое сказаніе о чудотворныхъ иконахъ Казанской, Седміозерной (Смоленской), Раіеской (Грузинской) и Мироносицкой» (Москва. Въ Университетской Типографии. 1849 г.). На стр. 13-15 этого исторического сказанія мы читаемъ: «Чудотворная икона Казанской Божіей Матери до 1612 г. была чтима только мѣстно въ Казани и празднованіе сей иконѣ совершалось 8-го юля въ день ея обрѣтенія. Въ 1612 г., октября 22 дня, при сраженіи русскихъ съ поляками въ Москвѣ списокъ сей иконы находился у князя Димитрія Михайловича Пожарскаго. Такъ какъ молитвами и заступленіемъ Пречистыя Владычицы Богородицы, явленія Чудотворная икона Казанская, Московское государство отъ поляковъ было очищено (Акт. Археогр. Эксп. т. IV, 61); то царь Михаилъ Феодоровичъ въ память сего события установилъ праздновать въ Москвѣ Казанской Божіей

33.

Устройство приделовъ во имя Казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія при казанскихъ храмахъ очень обычное явленіе въ русской церкви въ XVII в.: оно основано на слѣдующемъ выраженіи Покровского слова Пресв. Владычицѣ Наше Богородицѣ Казанской: «Иже во святыхъ отецъ нашихъ Гурія и Варсонофія архіепископовъ (?) (Варсонофій не былъ архіепископомъ казанскимъ. И. П.) въ ликъ Свѣтъ совокупльши». (Рукоп.

Каз. жен. м-ря №1359/1, л.80). На томъ же основаніи на иконахъ Казанской Божіей Матери на поляхъ пишутся св. Гурій и Варсонофій казанские чудотворцы (см. напр. иконы Церк. Археол. Музея общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ. Моск. Церк. Вѣд. 1904 г. №№ 51, 52, стр. 602).

34.

Внесенная въ текствъ цитаты см. въ печатномъ «Сказаниі» проф. Елисѣева, стр. 56. Въ библиотекѣ Казанской Академіи сохранилась черновая рукопись «Сказаниія», написанная самимъ проф. Елисѣевымъ, очень мало передѣланная для изданія въ 1849 г., также со ссылками на указанную грамоту.

Матери два раза въ годъ: въ день обрѣтенія св. иконы ея 8 іюля и въ день очищенія Москвы отъ поляковъ 22 октября (Древ. Рос. Вивлію. изд. 1, ч. VIII, стр. 148, 179. Акты Археограф. Экс. т. IГ, 61. Никон, лѣт. т. VIII, стр. 209, 210), съ учрежденіемъ двухъ крестныхъ ходовъ изъ Успенского собора въ Введенскую по Срѣтенской улицѣ церковь, гдѣ князь Пожарскимъ поставленъ былъ списокъ съ чудотворной иконы Казанской. Въ 1636 г., октября 15 святили новопостроенную церковь Казанской Богоматери на Красной площади противу Земскаго дворца, (что нынѣ Казанскій соборъ), а въ 1647 г., октября 3 дня приделъ во имя св. Гурія и Варсонофія, Казанскихъ чудотворцевъ³³⁾. Съ того времени оба крестные ходы стали совершать въ этотъ соборъ, куда была перенесена и икона князя Пожарского. Но до 1649 г. праздникъ въ честь чудотворной Казанской иконы Божіей Матери кромѣ Казани совершаемъ былъ только въ Москвѣ. Въ семъ же году царь Алексѣй Михайловичъ, обрадованный рожденіемъ сына Димитрія Алексѣевича, дарованного ему 1648 г. октября 21 дня во время всенощной на праздникъ Казанскія Иконы Божіей Матери, въ благодареніе Богу и Пресвятой Богородицѣ, установилъ день сей 22 окт. праздновать по всей Россіи (Древ. Рос. Вивлію. изд. 1, ч. VIII, 148, 179. Выходы Цар. Прим. стр. 35. Акт. Археогр. Эксп. т. IV, стр. 61)»³⁴.

Троекратной ссылки проф. Елисѣева на IV т. Акт. Археогр. Экспедиціи, гдѣ издана окружная грамота Маркеллу, вполнѣ достаточно, чтобы не возводить напраслины на почтенного знатока всякихъ грамотъ и архивовъ... Право, становится какъ то обидно за покойнаго профессора, читая незаслуженный упрекъ и положительно неприличное замѣчаніе Романскаго по адресу Г.З. Елисѣева, которое критикъ вставляетъ послѣ совершенно произвольного отождествленія понятій «явленіе» и «явленный». «Эдѣсь, пишетъ онъ, уже никоимъ образомъ нельзя понимать царской грамоты въ переносномъ смыслѣ, какъ въ свое время предложилъ Елисѣевъ удивительно понимать простое и ясное завѣщаніе патріарха Гермогена, очевидца событий обрѣтенія Казанской иконы» <стр. 602>. Что хотѣлъ сказать этимъ свящ. Романскій, мы не понимаемъ; понимаемъ мы лишь одно,

что свящ. Романский, не понявъ окружной грамоты, возвель напраслину на проф. Елисьеева и г. Покровского, давно знакомаго съ брошюрою Елисьеева и самой грамотой въ подлинникѣ.

Прот. Невоструевъ, несомнѣнно тоже читаль «Краткое сказаніе» проф. Елисьеева и также, какъ авторъ «Сказанія», не отождествлялъ понятій «явленіе» и «явленный», поэтому и не пользовался грамотой, поставленной свящ. Романскимъ въ основаніе своихъ положительныхъ доказательствъ, хотя документальныхъ, но совершенно неосновательныхъ. Проф. А.А. Дмитревскій хорошо знаетъ эту грамоту, но тоже не отождествляетъ встрѣчающагося въ ней понятия «явление» съ понятиемъ «явленный»³⁵). Въ виду непонимания свящ. Романскимъ простыхъ словъ приходится объяснять ему понятное всякому болѣе или менѣе образованному человѣку.

Понятіе «явленіе» въ приложеніи къ подлинной иконѣ Божіей Матери скорѣе можно сближать съ понятіемъ «обрѣтеніе», какъ дѣлаете проф. Елисьевъ. Праздникъ 8-го іюля установленъ именно въ честь «явленія» (у проф. Елисеева и «обрѣтения») Казанской иконы Божіей Матери, как факта, — подобно тому, какъ празднуются первое, второе и третье обрѣтеніе Главы Иоанна Крестителя (24 февраля и 25 мая), «явление» Хитона Господня (13 авг.) «явление» Креста въ Іерусалимѣ (19 авг.), «явление» Архангела Гавриила Захарія (15 окт.), «обрѣтеніе» главы воина Логгина (1 ноября)³⁶), «обрѣтеніе» Честнаго и Животворящаго креста (Воздвиженіе — 14 сент.) и др. Праздникъ 8-го іюля въ святыцахъ, календаряхъ и ученыхъ мѣсяцесловахъ (Архіепископовъ Сергія и Димитрія) называется также «Явленіе» Казанской иконы Божіей Матери³⁷).

Въ Москву на 22 октября перенесенъ праздникъ «явленія» Казанской иконы Божіей Матери, только не послучаю обрѣтенія иконы, а по случаю избавленія Москвы отъ ливовцевъ и поляковъ. Поэтому и въ «Выходахъ» московскихъ царей праздникъ 22 октября называется Праздникомъ Пречистыя Богородицы «явление» иконы Казанскія. Въ записяхъ о выходахъ Михаила Феодоровича часто даже опускается слово «чудотворная» въ отношеніи Казанской иконы, но сохраняется слово «явление»³⁸). Отсюда свящ. Романскій заключаетъ, что опущеніе слова «чудотворная», въ отношеніе Московской ико-

³⁵.
Труд. Киев. Дух. Акад. 1905 г., февр. апр. 204, 206—207.

³⁶.
Архіеписк. Сергій. Поли. Месяцесл. Изд. 2, т. 732. Послѣдніе три праздника и событія имѣются только въ святыцахъ восточной церкви.

³⁷.
У Архіеписк. Сергія: «Явленіе иконы Пресв. Богородицы во градѣ Казани въ 1579 г.» (II, 205), у архіеп. Димитрія: «Явленіе Чудотворной иконы Пресв. Богородицы Казанскія» (Мѣсяцесловъ... вып. XI, Тверь, 1901 г. стр. 78).

³⁸.
Выходы царей... стр. 41, 51, 55.

39.

По историческими мотивами установления праздника 22 октября въ «царствующемъ градѣ Москвѣ «избавлениія ради отъ Лиховъ въ лето 7 21 (1612 г.)», этотъ праздникъ у архіеписк. Сергія назы- вается «праздникомъ иконъ Пресв. Богородицы Казанскія, избавленіи ради отъ Лиховъ въ 1612 г.» (Поли. Мѣсяц. II, стр. 327), у архіеписк. Димитрія «праздникомъ Пресвятой Владычицы нашей Богородицѣ и Приснодѣви Маріи Чудотворныя ради ея иконы, нарица-емыя Казанскія, за избавленіе Царствующаго града Москвы отъ Литвы., въ 1612 году» (Мѣсяцеслов, вып. 11, Каменецъ-Подольскъ 1893 г., стр. 129). Какъ таковой, праздникъ 22 октября оказался не только церковнымъ, но и гражданскимъ. Объявление его всероссійскимъ въ 1649 г., послѣ рожденія царевича Димитрія, усилило его гражданскій ха-рактеръ. Но, не смотря на разницу причинъ установления праздниковъ 8-го іюля и 22 окт., ихъ характера и

ны, обозначаемъ общезвѣтность чудотворности Казанской (московской) иконы и логическое удареніе ставится на слово «явленіе», которое и здѣсь свящ. Романский произвольно отождествляетъ съ словомъ «явленный» <стр. 42>.

Мы вполнѣ согласны, что логическое удареніе должно стоять на словѣ «явленіе», выражающемъ сущность церковнаго праздника 8-го іюля и 22 октября; поэтому опустить его никак нельзя, но и отождествлять его с «явленный» тоже нельзя³⁹).

Сущность праздника 8-го іюля особенно ясно выражена въ стихирахъ на Малой Вечернѣ на «Господи Воззвахъ» и на «Стиховнѣ». Такъ какъ стихиры Малой Вечерни на 8 іюля мы встрѣтили только въ рукописной службѣ «явленію» и онъ, какъ мы уже замѣтили, не вошли въ печатную миноею, то приведемъ ихъ полностью.

На Малой Вечернѣ, на Господи Воззвахъ стихиры, на 4, гласъ первый.

Подоб. «Небесныхъ чиновъ».

«Небесныя силы радуются, преславно служаще чудныя иконы Богоматере, и къ веселію земныя духомъ призываютъ, спасеніе мирови сю показываютъ, и всей странѣ российстѣй твердое огражденіе и заступленіе.

«Твоего Владычице явленія непостижимаго, трепетни бывше людіе вкупѣже и радостни, яко чудесемъ сокровище, Пречистый Твой образъ явися, благодатю просвѣщающъ всяческая и отъ бѣдъ избавляющъ присно.

«Съ преславными чинами ангельскими днесъ, върнію духовнѣ веселимся, свѣтло празднующе пресветлое торжество Богоматере, юже пречистый Ея образъ, яко источникъ приснотекущий, явися исцѣленій независтныя дары, присно мирови источающъ.

Слава и нынѣ. Гласъ третій.

«Страшно чудо явленія Твоего Владычице, и не сказанно удивлять премирная, и ужасаетъ земная, вкупѣже просвѣщаетъ

свѣтоносною благодатію, Пречистаго Твоего образа, и рожденія отъ Тебе Христа Бога нашего. Того моли чистая, въ божественнѣмъ торжествѣ твоемъ, подати намъ просвѣщеніе и велію милость.

На стиховнѣ стихиры, гласъ второй. Подоб. «Доме Евфраевъ».

«О Всенепорочная Дѣва, что ти благодареніе принесемъ, яко свѣтозарнымъ явленіемъ, пречистыя твоя иконы, и Превѣчнаго младенца, всѣхъ отъ невѣдѣнія, къ свѣту благоразумія возвела еси.

Стихъ. Помяну имя твое во всякомъ (родѣ и родѣ).

«О Пресвятая Госпоже Владычице, не забуди насть

Рабъ, вѣрно покланяющихся чудотворнѣй твоей іконѣ и благочестно воспѣвающихъ тя; избави Госпоже отъ бѣдъ и напастей.

Стихъ. Лицу твоему помолятся:

«О Всепѣтая Мати, умилосердися на моленіе наше, твоего есмы достоянія, всѣхъ спаси и помилуй, да тя вси роди непрестанно величаемъ.

«Слава и нынѣ. Гласъ и подобень, той же.

«Тихое пристанище Обитель Богонѣвѣсто, явися всѣмъ притекающимъ, имуще въ себѣ пречестную свою икону, всѣмъ неоскудно благодать подающи».

Можно предполагать, что Малая Вечерня въ «Службѣ Явленія отъ (?) иконы пресвятаго Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣви Марії, нарицаемаго Казанскаго «первая краткая и оригинальная служба явленію, написанная тотчасъ послѣ обрѣтенія Казанской иконы, до составленія полной церковной службы «явленію» съ канономъ Игнатія. Нельзя не обратить вниманія и на то, что въ Малой Вечернѣ, гдѣ прославляется главнымъ образомъ явленіе, совсѣмъ не встрѣчается слово «Одигитрія».

Служба Великой Вечерни, литіи, утрени и канона въ сравнительно поздней монастырской рукописи тождественна со служ-

внутренняго смысла, церковное торжество, однако ничѣмъ не отличается, и для обоихъ праздниковъ существует одна и также служба «Явленію иконы Пресв. Владычицы нашея Богородицы Казанскія». Совершенно одна и также служба, положенная въ Минѣ на 8 июля и 22 октября, въ свою очередь послужила одной изъ главныхъ причинъ путаницы для составителей Сказаній о Казанскихъ иконахъ (Московской и Петербургской) и для проповѣдниковъ въ пониманіи исторической судьбы оригинала или явленной иконы Казанской Божіей Матери, хранившейся въ Казани и чудотворныхъ списковъ ея въ Москвѣ и Петербургѣ. Одновременно въ три эти Казанскія чудотворные иконы Божіей Матери считались явленными, тогда какъ «Явленная» икона была одна и до злополучной ночи на 29 июня 1904 года оставалась въ Казани. Акаѳистъ «Пресвятой Богородицѣ явленія ради чудотворныхъ ея иконы Казанскія», составленный въ 1867 года дѣйствиемъ статскимъ советникомъ Н. В. Елагинъмъ, разрѣшенный

къ печати и церковному употреблению 8—11 декабря 1867 г., выдержавший уже более 15 изданий (Проф. А. В. Поповъ. Правосл. Русскіе акафисты. Казань 1903 г. стр. 251—253), съ приложеніемъ Петербургской иконы, еще долго можетъ служить къ сохраненію путаницы въ пониманіи исторической судьбы оригинала или явленной Казанской иконы Божіей Матери и чудотворныхъ списковъ съ нея, находящихся въ Москвѣ и Петербургѣ. Кондаки 1—4, иконы 1—3 относятся къ явленной Казанской иконѣ, бывшей въ Казани, иконы 4—5 къ Московскому списку, иконы 5—7 къ Петербургской иконѣ. Такъ точно проф.

Дмитріевский

и въ самой церковной ми-нейной службѣ «Явлению» Казанской иконы Божіе Матери находитъ смѣщеніе праздничныхъ пѣснопеній: одни изъ нихъ характеры для 8 июля, другія для 22 октября: нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ непосредственное отношение только къ явленной, нынѣ похороненной, и не приложимы къ другой. Поэтому почетный профессоръ ставить вопросъ о пересмотрѣ службы «Явлению»

бой въ печатной минеѣ⁴⁰). Но и въ этой службѣ, несомнѣнно составленной позднѣе Малой Вечерни, отмечается «явленіе» иконы, какъ сущность праздника 8-го юля.

«Яко порфирою царскою и виссомъ, іконою твою и твоего Сына Богородице, церковь Божія Просвѣтившия, красует-ся чудесы: днесъ явленіемъ вся созываетъ праздниковать, пачи сіянія солнечнаго, благодатію Святого Духа блистающи, на болиціхъ и недужныхъ исцѣленія источники источающи» (Стихира на Господи возввахъ).

«Божественныя Твои иконы святое явленіе, Богородице Дѣво, яко свѣтозарное возсія намъ солнце, преславныхъ чудесъ лучи пущающи, тмы лютыхъ обстояній отгоняющи, свя-щенными твоими, Владычице, представительству» (Тропарь изъ 3-ї пѣсни канона).

«Радуемся и веселимся вѣрніи людіе, чудному явленію иконы Пречистыя Владычицы Богородицы, рѣка бо явися не-исчерпаема, цѣлебную воду точащи: слѣпымъ бо видѣти даетъ, и глухимъ слышаніе, хромымъ хожденіе и всѣмъ сущимъ въ недузѣхъ безмездно исцѣленіе» (Тропарь изъ 7 пѣсни канона).

Если, такимъ образомъ, сущность праздника 8-го юля въ «Явлению» Казанскія иконы Божіей Матери, то и главный храмъ въ монастырѣ въ память этого события въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, устроенному на мѣстѣ обрѣтенія иконы, долженъ быть освященъ въ честь «Явленія Казанской Божіей Матери». Такъ оно и есть. И церковная служба составлена именно «явлению» иконы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Казанскія.

По сущности церковнаго праздника и Московскій Казанскій соборъ въ 1636 г. (а не въ 1836 г., какъ у Романского) освященъ въ честь «Явленія чудотворной иконы Казанской». Но въ тоже время Казанскій соборъ называется просто церковью Пресвятыя Богородицы Казанскія. Въ материалахъ для исторіи, археологіи и статистики московскихъ церквей, собранныхъ В. и Г.И. Холмогоровыми (Москва 1884 г.), на стр. 350-й мы читаемъ: «145 г. т.е. 1636 г., октября 18 подъяку

Ивашку Данилову отъ ризницы за провозъ 8 ден. дано, возиль ризницу на освященіе церкви пр. Богородицы Казанскія, что на площади», еще — «145 г. (1636 г.) 1 ноября Пресв. Богородицы Казанскія, что на пожарѣ, протопопу Клименту на молебень 2 гривны — приходилъ къ патріарху съ св. водой на праздникъ, какъ праздновали октября 22 день».

Вмѣстъ со ссылкой на освященіе Казанскаго (московскаго) собора въ честь «Явленія чудотворной иконы Казанской», гдѣ поставлена была московская чудотворная икона, какъ на доказательство своей мысли о явленности московской иконы, свящ. Романскій ссылается еще на колокольныя надписи, уничтоженные вмѣстъ съ переливкой старинныхъ колоколовъ. Въ этихъ надписяхъ московскій Казанскій соборъ назавался «церковью новоявленнаго образа Пречистыя Богородицы казанскія». Дѣйствительно сохранились, хотя чисто случайныя свѣдѣнія о томъ, что на соборной колокольнѣ въ конце XVIII вѣка находился большой колоколь съ надписью: «Божію милостію великий Гдарь царь и великий князь Михаилъ Феодоровичъ, всія Россіи Самодержецъ и его Боголюбивая царица и великая княгиня Евдокія Лукіановна и благодарныя чада, царевичъ князь Иванъ Михайловичъ и царевна великая княжна Ирина Михайловна сей колоколь велѣли слить къ церкви новоявленнаго образа Пречистыя Бѣзы Казанскія. Лѣта 7145 году, т.е. 1636 г. (Путевод. къ древн. Москв. 1792 г. ч. 2. стр. 7).

На другомъ колоколь до переливки его была надпись: «Божію милостію повелѣніемъ Гдаря царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всія Россіи Самодержца слить сей колоколь къ церкви новоявленнаго образа Пречистыя Бѣзы Казанскія, лѣта 7145, т. е. 1636».

Но, какъ освященіе московскаго Казанскаго собора въ честь «явленія» чудотворной Казанской иконы, такъ и название его въ колокольныхъ надписяхъ церковью новоявленнаго образа Пречистыя Богородицы Казанскія, не даютъ права отождествлять понятій «явление» и «явленный» и говорить, что въ этомъ соборѣ «новоявленнаго образа» въ 1636 году находилась подлинная явленная или новоявленная чудотворная икона Казанской Богоматери, какъ думаетъ священникъ Романскій <стр. 42>.

иконы Пресв. Владычицы нашея Богородицы Казанскія» и полагаетъ, что, въ случаѣ окончательной утраты явленной иконы, въ службѣ 22 окт. слѣдуетъ сохранять только тѣ пѣснопѣнія, которыя характерны для 22 октября, какъ церковно-гражданского праздника (Пр. Киев. Д. Ак. 1905. Февр. стр. 212—219). По нашему мнѣнію вмѣстѣ съ пересмотромъ службы необходимо пересмотрѣть и акаѳист. Служба 8-го юля должна была проникнута всецѣло мыслью о явленіи иконы въ Казани и знаменій, относящихся къ этому событию. Вѣдь даже съ утратой явленной иконы основаніемъ церковныхъ праздниковъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери остается «явление» ся, даже и 22 октября, только поводы установлений праздниковъ будуть разные.

40.
Рукопись каз.
жен. м. №
1359/1, лл. 1-30.

Подлинная явленная Казанская икона, какъ до освященія московскаго Казанскаго собора, такъ послѣ освященія его хранилась въ Казани, въ женскомъ Богородицкомъ монастырѣ. Про это хорошо знала Боголюбивая царица и великая княгиня Евдокія Лукъяновна, имя которой встрѣчается въ одной изъ вышеприведенныхъ колокольныхъ надписей. Въ «Дополненіяхъ къ Дворцовымъ Разрядамъ» мы читаемъ: «іюля въ 4 день 1633 года Государыня царица и вел.кн. Евдокія Лукъяновна велѣла послами въ Казань новоявленного чудотворнаго Пречистыя образа Казанскіе на молебень 5 руб. Государыни приказъ о томъ сказала боярыня княгиня Ульяна Троекурова, №738»⁴¹). Не можетъ быть ничего яснѣ этого приказа, про который свящ. Романскій или не зналъ, или намѣренно умолчаль. Несомнѣнно, что Государыня посыпала 5 руб. въ Казань на молебень предъ новоявленнымъ образомъ къ 8-му іюля, когда праздновалось «Явленіе Казанскія иконы Божіей Матери».

41.
Чтен. Моск.
Общ. Ист. и
Древ. Рос. 1883 г.
т. IV, отд. I, стр.
882. Дополненія
къ Дворцовымъ
Разрядамъ.

42.
Москов. Главн.
Арх. Мин. Юст.
Перепис. кн.
7154 (1646) года,
№ 6445, пл. 97
об.-104 об.

43.
Акты Истор.
IV, № 228, стр.
498. Тутъ издана окружная
царская грамота 1672 г. съ
перечислениемъ
судовыхъ
промышленствъ,
данныхъ монастырямъ.
«Изъ Казани же Пречистыя
Богородицы Новоявленного
Образа дѣвича
монастыря».

Можетъ быть свящ. Романскій рѣшился оспаривать этотъ приказъ или даже толковать его въ свою пользу, хотя послѣднее невозможно, тогда укажемъ ему еще слѣдующее. Въ переписной книжѣ города Казани 1646 года въ числѣ Казанскаго духовенства названъ «протопопъ Пречистыя Богородицы новоявленного образа Романъ Климентьевъ»⁴²). Мы думаемъ, что самъ свящ. Романскій не заподозритъ здѣсь поддѣлки и согласится съ тѣмъ, что Казанскій протопопъ Романъ Климентьевъ служилъ тамъ, гдѣ въ 1646 году находился новоявленный образъ Пречистыя Богородицы Казанскія — именно въ Казанскомъ женскомъ Богородицкомъ монастырѣ. Каѳедральный протопопъ Степанъ названъ особо. Въ книжѣ даже не сказано, что протопопъ Романъ служилъ «при храмѣ, церкви или монастырѣ» новоявленного образа, а быль «протопопомъ Пречистыя Богородицы новоявленного образа», т.е. служилъ при самомъ новоявленномъ образѣ. Впрочемъ и самый Казанскій дѣвичій монастырь много позже, въ 1672 году, называется монастыремъ «Пречистыя Богородицы Новоявленного образа»⁴³).

Если московскій Казанскій соборъ въ колокольныхъ надписяхъ назывался церковью новоявленного образа Пречистыя

Богородицы Казанскія, то и вообще всѣ русскіе храмы, построенные во имя Казанскія Богородицы, (ихъ особенно много строилось въ XVII в.), можно назвать церквами «новоявленнаго образа» Казанскія Богородицы или «явленія» Казанскія иконы Божія Матери, такъ какъ престолы ихъ должны праздноваться 8-го іюля или 22 октября, когда постановлено во всей Россіи праздновать «Явленію иконы Казанскія Богоматери» или «новоявленному ея образу», остававшемуся въ Казани.

Что касается двухъ отписокъ: одной — отъ 29 мая 1614г. воеводъ Ивана Одоевскаго и Семена Головина Терскому стрѣлецкому Головѣ Василію Хохлову о порядкѣ встрѣчи новоявленной иконы и приготовлени имъ для постоя домовъ въ Астрахани и пр., другой — отъ 4 іюня 1614 г. стрѣлецкаго головы Хохлова князю Одоевскому и Головину о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ имъ для встрѣчи ихъ и приема въ Астрахани, напечатанныхъ въ Акт. Истор. т. III, № 17 и дополненіе № 280 (а не 28, какъ у Романскаго, стр. 41), то онъ — отписки служать положительнымъ доказательствомъ только не въ пользу явленности московской иконы, а казанской. Свящ. Романскій, въ его интересахъ, лучше пропустиль бы эти документы. Дѣло было такъ.

Противъ Заруцкаго, объявившаго себя правителемъ русскаго государства и заставлявшаго присягать маленькому сыну Марины Мнишекъ отъ Лжедимитрія II, изъ Москвы, вместо Никанора Шульгина, былъ посланъ князь Одоевскій. Заруцкій, тѣмъ временемъ ушедшій въ Астрахань съ Мариной и ея сыномъ, похвалялся: «знаю московскіе порядки, — пока отъ Москвы на меня рать придѣть, я не только Самару, но и Казань взять успѣю»... Князь Одоевскій, не дойдя до Астрахани, зазимовалъ въ Казани. У него оказалось много дѣла и въ Казанскомъ краѣ, такъ какъ на весну 1614 г. до него стали доходить слухи, что съвернныя воровскія шайки думали на судахъ Волгой итти на соединеніе съ Заруцкимъ. Поэтому кн. Одоевскій распорядился поставить заставы въ Свияжске, на устьѣ Казанки, на Услонѣ, Тетюшахъ и на Усѣ (Жегулевскихъ горахъ). Пока Одоевскій съ окольничимъ Семеномъ Головинымъ, дьякомъ Василемъ Юдинымъ и войсками оставался въ Казани, казанецъ стрѣлецкій голова Василий Хохловъ, пришедший въ Астрахань съ Терека, вмѣстѣ съ астраханцами,

стѣсниль Зарудкаго въ Астрахани. 12 мая 1614 г. Зарудкій бежалъ, но Хохловъ сталъ преслѣдоватъ его. Царскіе воеводы Одоевскій съ товарищами, узнавъ, что Зарудкій стѣсненъ въ Астрахани, поспѣшили двинулись туда изъ Казани. Съ дороги 29 мая 1614 г. они писали стрѣлецкому голову Хохлову, чтобы астраханцы вмѣстѣ съ терскими людьми возможно торжественнѣе встретили ихъ воеводъ, идущихъ на спѣхъ съ образомъ Пречистые Богородицы Новоявленная чудотворная казанская и со всѣми ратными людьми. 4 июня 1614 г. Хохловъ уже отвѣчалъ, что онъ распорядился о торжественной встрѣчѣ новоявленной чудотворной иконы Казанской. 25 июня 1614 г. Зарудкій пойманъ и плѣнникомъ немедленно былъ отправленъ въ Казань подъ конвоемъ въ 230 человѣкъ стрѣльцовъ. Вслѣдъ за нимъ туда же была отправлена Марина съ сыномъ подъ конвоемъ 600 стрѣльцовъ. Изъ Казани обоихъ отправили въ Москву, гдѣ Зарудкаго посадили на коль, сына Марину повѣсили, а сама Марина умѣрла въ тюрьмѣ⁴⁴). Вмѣстѣ съ сильными конвоями могла быть возвращена въ Казань новоявленная чудотворная икона Казанской Божіей Матери, если только она не была почему либо возвращена раньше и, конечно, навсегда осталась тамъ. Какъ мы видѣли, въ 1633 и 1646 годахъ явленная икона находилась въ Казани.

^{44.}
Лѣт. Ник. VIII,
стр. 212—213;
Лет. о мятежахъ,
стр. 301—302
(изд. 1771); С.
М. Соловьевъ.
Исторія Россіи,
II кн. IX т., стр.
1053—1062; Н.
П. Загоскинъ.
Спутникъ по
Казани. 1895 г.,
стр. 451—452.
Подробнѣе о
«Казанскомъ
краѣ въ «Смут-
ное время» см.
сочиненіе проф.
Н. П. Загоскина
подъ этимъ
названіемъ,
помѣщенное
въ газетѣ
«Волжскій
Вѣстникъ», №№
38, 45, 50, 51 и
сл. Отдѣльные
оттиски весь-
ма рѣдки.

Что было основаніемъ для свящ. Романского полагать, что въ отпискахъ Одоевскаго и Хохлова говорится о московской иконѣ <стр. 41>, мы не можемъ понять. Правда, Одоевскій пошелъ преслѣдоватъ Зарудкаго изъ Москвы, но вѣдь писалъ то онъ въ Астрахань Хохлову, выйдя изъ Казани. Сопоставляя отписки Одоевскаго и Хохлова съ приказомъ царицы Евдокіи Лукьяновны и записи переписной книги, мы увѣренno можемъ сказать, что въ отпискахъ идетъ рѣчь о Казанской новоявленной иконѣ, а не о Московской, которая была не новоявленной, а лишь копіей съ явленной Казанской иконы.

Наконецъ, совершенно не возможно допустить, чтобы Одоевскій, вышедший противъ Зарудкаго изъ Москвы въ началѣ 1613 г., около полутора года ходилъ съ Московской чудотворной иконой по Россіи и даже зимовалъ съ ней въ Казани. Этого не позволило бы царь и кн. Пожарскій. Взять изъ

Казани явленную икону (возможно, что былъ взять только новый списокъ съ нея) въ Астрахань для кн. Одоевскаго представлялось необходимымъ и вотъ почему.

Царские воеводы, узнавъ, что Зарудцкій стѣснен въ Астрахани, поспешно двинулись къ Астрахани, но на дорогѣ узнали, что Астрахань уже очищена отъ воровъ. Это извѣстіе, говорить С.М. Соловьевъ, какъ видно, было непріятно князю Одоевскому, потому что вся честь подвига принадлежала теперь не ему, а Хохлову. Одоевскій писалъ даже Хохлову, чтобы онъ не извѣщалъ царя о событияхъ въ Астрахани. Не участвовавши нисколько въ освобожденіи Астрахани, воевода однако требовалъ себѣ торжественной встречи въ Астрахани⁴⁵). Весьма возможно, что въ это время Одоевскому пришла въ голову счастливая мысль взять съ собой въ Астрахань образъ Пречистыя Богородицы, новоявленныя чудотворныя Казанская. Этимъ можно объяснить молчаніе лѣтописей о томъ, что Одоевскій шелъ въ Астрахань съ новоявленнымъ образомъ. Торжественная церковная церемонія встречи чти мой иконы въ Астрахани, о чемъ уже распорядился Хохловъ, придавала особенную торжественность вѣзду Одоевскаго въ Астрахань, о чемъ особенно хлопоталъ Одоевскій. Въ отпискѣ кн. Одоевскаго самое очищеніе Астрахани приписывается милости Божіей и Прачистые Богородицы, молитвамъ святыхъ и царскому счастью, а не Хохлову.

Казань долго была главнымъ, если ни единственнымъ мѣстомъ, откуда распространялись по лицу земли Русской списки съ подлинной явленной Казанской иконы. Распространителями ихъ были монастырскія власти и казанскіе іерархи, благословлявшіе мѣстными казанскими иконами разныхъ знатныхъ казанцевъ и прѣзжихъ лицъ и дѣлавшіе иконами вклады въ монастыри и храмы. Болѣе распространенными благословленными иконами въ Казани были иконы: Казанскихъ чудотворцевъ — Гурія, Варсонофія и Германа — списки съ мѣстно чти мой иконы, хранящейся нынѣ въ казанскомъ каѳедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ, и списки съ подлинной чудотворной иконы Казанскія Богородицы, хранившейся въ женскомъ монастырѣ. Въ приходо-расходной книжѣ м. Казанскаго Тихона III 1706 года читаемъ: «Октября въ 27 день взято для благословленія преосвященнѣйшему митрополиту бывающихъ у него приказныхъ людей у соборнаго протодіакона у Григорія

45.
С.М. Соловьевъ,
Исторія Россіи,
кн. II, т. IX,
стр. 1061.

46.
Моск. Глав.
Арх. Мин. Юст.
По Каз. Патр.
Прик. кн. №198.

Терентьева двѣ иконы списки съ подлиннаго образа Богородицы Казанскія, дано 23 алт. 2 ден. дано»⁴⁶). Конечно не въ Москву ъездилъ за этими списками соборный протодіаконъ.

Такимъ образомъ чудотворная Казанская икона Божіей Матери, хранившаяся въ XVII и XVIII вв. въ Казани, называется не только новоявленной и явленной, но еще подлинной.

Всего доселъ сказанного, кажется достаточно, чтобы убѣдить даже самого свящ. Романского, что въ Казани, въ женскомъ Богородицкомъ монастырѣ до злополучной ночи на 29 іюня 1904 г. хранилась подлинная явленная чудотворная Казанская икона, и кончить наше отвѣтъ придирчивому критику.

Но на стр. 52 свящ. Романский сообщаетъ, что рискованно дѣлать описание Казанской чудотворной иконы, находящейся въ Москов. Казанскомъ соборѣ по изображенію, приложенному къ брошюре проф. Елисеева о Казанскихъ иконахъ (1849г.), безъ провѣрки съ оригиналомъ. «Изъ отзыва г. Елисѣева объ этихъ изображеніяхъ, пишетъ нашъ критикъ, онъ, т.е. г. Покровскій, отлично долженъ знать, что изображенія эти были приложены не г. Елисѣевымъ, но издателемъ сказанія «съ другихъ иконъ, которая по мѣсту его жительства (въ Сергиевомъ Посадѣ Моск. губ.) были для него ближе и доступнѣе, или, какъ полагалъ Елисѣевъ съ иконы Казанской Богоматери, что въ Казанскомъ Московскому соборѣ, вѣрнѣ же сказать, добавляетъ отъ себя свящ. Романский, съ неизвѣстныхъ иконъ».

Видимо, свящ. Романский совсѣмъ не знаетъ и не видѣлъ брошюры о Казанскихъ иконахъ, изд. 1849 г. и, по обыкновенію,искажаетъ мысль проф. Елисѣева, который не «полагалъ», а положительно писалъ, что къ брошюре приложенъ списокъ «именно съ иконы Казанской Божіей Матери, — что въ Казанскомъ Московскому соборѣ»⁴⁷). Онъ не могъ писать иначе, потому что изображеніе Казанской иконы, приложенное къ брошюре, прошло черезъ Московскую цензуру 14 іюля 1849 г. прот. Ф. Голубинскаго, конечно, знавшаго икону. Подъ этимъ изображеніемъ языкомъ, понятнымъ всякому грамотному человѣку, подписано: «Изображеніе Ка-

47.
И. Покровскій.
Явленная
чудотворная
Казанская
икона Божіей
Матери. Казань.
1904 г., стр. 22.

занской иконы Пресвятыя Богородицы, что въ Московскомъ Казанскомъ соборѣ». Теперь спросимъ: могъ ли г. Покровскій сдѣлать описание Московской иконы по приложению къ краткому сказанію проф. Елисѣева?

Только слѣпому не видно, что приложенное изображеніе значительно разнится отъ изображенія явленной Казанской иконы, хранившейся въ Казани; письмо Московской иконы новѣе. На основаніи этого сравненія мы сделали, оговорку: «что письмо Московской иконы новѣе и даже, какъ будто, не греческое, величина иконы въ длину б 1/4, въ ширину 5 5/8 вер.»⁴⁸⁾. Откуда свящ. Романскій взялъ, что мы считаемъ московскую икону «позднѣйшаго происхожденія». Мы говоримъ только о томъ, что письмо московской иконы «новѣе», съ чѣмъ долженъ согласиться самъ свящ. Романскій, знающій что въ 1754—1755 г. вмѣстѣ съ обновленіемъ московскаго казанскаго собора и реставраціей живописи, реставрирована была иконопись чудотворнаго образа Казанской Богоматери. Ко времени реставраціи на немъ письмо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обветшало, въ вѣнцахъ были сломаны четыре камня... Сата⁴⁹⁾) золотая, низанная жемчугомъ, которую за ветхостью требовалось передѣлать; золотой ризы не имѣлось, но токмо по описи церковной риза серебрянная, позлащенная, перенизанная доброхотнымъ дателямъ, <стр. 51>. Первоначально икона была укращена самимъ Пожарскимъ въ 1625 г.⁵⁰⁾.

Живопись Явленной Казанской иконы Божіей Матери, хранившейся въ Казани, никогда не реставрировалась и, какъ святыни, сохранилась подъ слюдой. Укращенія ея были богаче Московской. Икона была обложена золотомъ, камнями и жемчугомъ еще сыномъ Грознаго Феодоромъ Иоанновичемъ. «Самую же ту пречиодную и чудотворную икону златомъ и каменiemъ дорогимъ и жемчугомъ великимъ предивне изъ царскихъ сокровищъ, (которыхъ тогда былъ хранитель Деменша Ивановичъ Черемисиновъ) повелѣль «украсить» Благочестивый Государь, царь, великий князь Феодоръ Ивановичъ всея Россіи самодержецъ», читаемъ въ сказаніи м. Гермогена. Золотая риза, укращенная драгоценными камнями и жемчугомъ, похищенная вмѣстѣ съ явленной иконой изъ Казанскаго женскаго монастыря, тѣмъ особенно была дорога, что считалась даромъ царя Грознаго, точнѣе даромъ его сына Феодора⁵¹⁾

48. Явленная чудотворная Каз. икона... стр. 33.

49. Сата или цата — полукруглый подвѣсъ, прикрепленный къ вѣнцу.

50. Лѣтопись о мятежахъ... стр. 298. Никон, лѣтоп. VIII. стр. 209—210.

51. Весьма возможно, что Грозный былъ однимъ изъ первыхъ украсителей Казанской явленной иконы. Составитель сказанія о явленіи иконы, замѣтивъ о посыпкѣ Грозному списка съ явленной иконы съ описаніемъ самаго явленія и чудесъ, прибавляетъ, что царь съ сыновьями дивились изрядному начертанію ея, вѣлѣли поставить церковь на мѣстѣ явленія, «возградити дѣвичь монастыре и милостыню доволну дати изъ своихъ царскихъ сокровищъ. Въ это время къ чудотворному образу народи многое дароношеніе воздаяху: овъ злато, овъ сребро, другое же ино что кийждо по силѣ своей даяше». Для Грознаго съ сыновьями было вполнѣ посильно прислать нѣсколько драгоценностей для украшения явленной иконы, о чѣмъ

и могла сохраниться память въ монастырѣ, какъ первомъ царскомъ дарѣ. Отсюда вполнѣ естественно уцѣлѣть преданію, что первая драгоцѣнная риза на иконѣ была даромъ Грознаго.

Царь Феодор Ioannovich могъ только закончить украшеніе иконы, начатое его отцомъ.

Во время задержанія грабителей эта золотая риза была отобрана у святотатцевъ изрѣзанной на мелкій части; недоставало только вѣнца с брилліантами.

Куски изрѣзанной чисто золотой массивной ризы найдены были заложенными въ печи, где квартировалъ глава шайки Чайкинъ (Стоянъ). Кстати замѣтимъ, что м. Гермогенъ, говоря о присыпѣ списка съ явленной Казанской иконой Гроздному, прибавляетъ: «царь съ сыновьями дивились изрядному начертанію ея». Если бы явленная икона была спискомъ съ «Одигитрий» Смоленской, давнимъ давно извѣстной Гроздному, то удивляться было нечemu.

Одно то, что риза на Московской иконѣ въ 1754 г. была серебряная и послѣ французскаго грабежа въ 1812 году, вновь сдѣлана такая же, а на Казанской, нынѣ похищенной, всегда была золотая, можетъ говорить за то, что въ Казани хранилась именно явленная икона, украденная царемъ Ioannomъ Грозднымъ и его сыномъ Феодоромъ Ioannovichemъ. Отъ похищенной иконы въ монастырѣ сохранилась другая, также золотая и драгоцѣнная риза — праздничная, но какъ новая, она не такъ цѣнилась, какъ древняя, царскій даръ. По преданію Екатерина II въ бытность свою въ Казани посѣтила женскій Богородицкій монастырь и здѣсь, приложившись къ явленной иконѣ, вынула изъ своей головы булавку съ брилліантовой коронкой и приложила ее къ драгоцѣнной похищенной ризѣ.

Къ сожаленію мы и теперь лишены возможности лично, на мѣстѣ, въ Москвѣ сравнить письмо Московской иконы съ похищенной Казанской, а свящ. Романскій, между тѣмъ заявляетъ, что точныхъ снимковъ съ Московской иконы до сего времени нѣть <стр. 52>. Естественно, что послѣ реставраціи московскій списокъ съ явленной Казанской иконы можетъ оказаться болѣе неточной копіей, чѣмъ былъ раньше; поэтому описание нынѣшней Московской иконы и сравненіе ея съ похищенной (по фотографіямъ) едва ли что прибавить къ тому, что уже нами сказано для выясненія вопроса о томъ, что въ Москвѣ нынѣ хранится всероссійская святыня, чудотворный списокъ съ явленной Казанской иконы, прославившійся въ 1611—1612 гг. при очищеніи Москвы, а съ ней и всей Россіи, отъ поляковъ и Литвы, а изъ Казанского женскаго монастыря похищена подлинная Казанская чудотворная икона, явившаяся въ 1579 г. 8 іюля въ Казани на мѣстѣ сгорѣвшаго дома стрѣльца Даніила Анутина, или все тоже чудотворный первообразъ Казанской иконы Божіей Матери⁵²).

Только самоувѣренностью свящ. Романскаго можно объяснить его произвольное положеніе, что «если бы явленная Казанская икона со временемъ ея обрѣтенія находилась въ Казани, то въ подтвержденіе того отъ старины сохранились бы какіе либо акты и документы, но таковыхъ, кромѣ сомнительнаго краткаго указанія лѣтописей, встрѣчающагося всего одинъ

разъ, не имѣется» <стр. 42>. На самомъ дѣлѣ, какъ мы видели, они имѣются, только свящ. Романскій про нихъ или не знаетъ, или не желаетъ ихъ знать, или, наконецъ, понимаетъ ихъ по своему и толкуетъ въ свою пользу.

Приведемъ эти свидѣтельства кратко въ хронологическомъ порядкѣ и представимъ такимъ образомъ итогъ всего доселѣ сказаннаго.

1) Народное преданіе всегда считало чудотворную Казанскую икону, хранившуюся въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, явленной и что драгоценная похищенная риза — даръ Грознаго и сына его Феодора Иоанновича — всегда хранилась вмѣстѣ съ иконой.

2) Новоявленно она называется: а) въ Сказаніи м. Геремогена (1594 г.), б) въ прологѣ, в) въ отпискахъ кн. Одоевскаго и стрѣлецкаго головы Хохлова въ 1614 г. (по нашему убѣжденію), г) въ приказѣ царицы Евдокіи Лукьяновны въ 1633 г., д) въ переписной книгѣ г. Казани 1646 года, е) Казанскій Девичій монастырь, гдѣ хранилась новоявленная икона въ 1672 году, называется «монастыремъ Пречистыя Богородицы Новоявленнаго Образа».

3) «Явленною» Казанская икона называется: а) въ записи современника о закладкѣ новаго каменнаго соборнаго монастырскаго храма въ присутствіи Государя Императора Павла Петровича въ 1798 г., б) въ храмозданной записи, вырѣзанной на металлической доскѣ и укрѣпленной на одномъ изъ столбовъ, на которыхъ зиждется куполь соборнаго храма Божіей Матери во имя Честнаго святаго иконы ея явленія въ Казанѣ, в) въ скрытѣ и засвидѣтельствованіи по листамъ монастырской рукописи №1359/1, которая читаются такъ: «Сія книга, содержащая въ себѣ службу Богоматери Казанскія Казанскаго жѣ Богородицкаго дѣвичаго монастыря 1777 года м-ца іюня 15 дня подпісана и засвидѣтельствована въ томъ, что дѣйствительно оная служба съ явленіемъ и чудесами принадлежитъ къ явленному образу Божія Матери Казанскія, что въ градѣ Каезанѣ»⁵³⁾)

4) Подлинной (по нашему убѣжденію) она называется въ приходо-расходной книгѣ Казанскаго Митрополита Тихона, въ 1706 году.

Царь съ
дѣтьми, очевид-
но, дивились
оригинальности
изображенія,
какового еще не
встрѣчалось на
русскихъ иконах
Божіей Матери.

51.

Когда мы изда-
вали переписку
проф. Елисѣева
съ прот. Не-
воструевымъ
въ краткой
журнальной
статьѣ и вмѣстѣ
съ темъ при-
вели нѣсколько
доказательствъ
и личныхъ
соображеній
въ пользу под-
линности похи-
щенной иконы,
то совсѣмъ не
знали, что
Московскій
спикъ съ нея
подвергался
реставрації,
быть можетъ, не
разъ. Объ этомъ
мы узнаемъ отъ
свящ. Роман-
скаго. Отъ него
же мы узнаемъ,
что размѣры
Московской
иконы не 6½
и 5½ вер., как
у нас, а 6½ 5½
вер. Послѣднюю
поправку мы
принимаемъ,
но не считаемъ
ее особенно
цѣнной. Кстати
замѣтить, мы
не понимаемъ,
что дало поводъ
свящ. Романско-
му подозрѣвать
насъ въ томъ,
что мы не знали
въ подлинникѣ
похищенной
Казанской ико-
ны и сдѣлали
описаніе ея не
по личному,
сохранившемуся
у насъ, впечатлѣнію
и фотографії,
а просто спи-
сали у проф.
Елисѣева изъ
Прав. Собесѣд.

1858 г. III, стр. 391 (стр. 53). Но стоит только сравнить наше описание (стр. 32—33) с описанием иконы

в статье — анонимом (Прав. Соб. 1858 г. III, 391 стр.), как всяческому будет понятно, что и тут свящ. Романский говорит неправду.

Да и во всей статье свящ. Романского правды слишком не много.

53.

Рукопись содержит в себе:

I, — службу явлению (пл. 1—30), II, — сказание о явлении чудотворных иконы Пресвятая Богородицы во граде Казани и чудесах отъ нея (пл. 39—59), III, запись о закладке нового каменного храма въ присутствии Императора Павла Петровича (пл. 59 об.—61), IV — два похвальных слова въ день явления Пресвятых Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Марии, нарицаемыя Казанскія (пл. 67—80). На бумагѣ вояньяне знаки медвѣдя съ сѣкирой и буквы: «Я», «Д» и «З». Рукопись писана полууставомъ, близкимъ къ уставу.

Наоборотъ про Московскую чудотворную икону Казанской Богоматери лѣтописцы ясно и определено говорятъ, что она списокъ съ Казанской явленной иконы или списана съ Казанскія. Но это нисколько не умаляетъ значенія Московской иконы въ глазахъ истинно-русскихъ людей и почитателей отечественной святыни. Московскій чудотворный списокъ Казанской иконы Божіей Матери, защищившей наше отчество отъ враговъ въ самые тяжелые дни лихолѣтія 1611—1612 гг., въ память чего впервые установлено празднованіе 22 октября, вполнѣ справедливо почитается всероссійской святыней. Но онъ не можетъ замѣнить собою явленной чудотворной Казанской иконы Божіей Матери. Утрата послѣдней для Казанской церкви — утрата незамѣнимая. Какъ утрата подлинника, такъ сказать, чудотворного прототипа всѣхъ другихъ чудотворныхъ иконъ того же имени, эта утрата весьма чувствительна и для всей Русской церкви, лишившейся одной изъ чтимыхъ и древнѣйшихъ своихъ святынь.

Свою «широковѣщательную и многошумящую» статью нашъ московскій критикъ заканчиваетъ словами: «если статья г. Покровскаго распространится въ отдѣльныхъ оттискахъ, то поселить въ читателяхъ не малосмущенія»...

Совершенная неправда... Наоборотъ, критика свящ. Романского на нашу статью, усердно распространяемая самимъ авторомъ въ отдѣльныхъ оттискахъ, производить уже смущеніе въ серьезныхъ читателяхъ напрасной попыткой доказать недоказуемое; но особенно она производить непрѣятное впечатлѣніе своей неосновательностью и крайней несдержанностью тона. Въ виду этого остается только пожалѣть, что почтенная Редакція Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей не поостереглась напечатать статью свящ. Романского, которая нынѣ представляеть собой темные страницы почтенного изданія.

**Дмитрий
Иосифович
ХАФИЗОВ,**

советник
мэра Казани
по вопросам
культуры
и религии

**Патриарх Московский и всея Руси Гермоген,
3 (13) июля 1606 – 17 (27) февраля 1612**

Явление
Пресвятой
Богородицы
и обретение
чудотворной
иконы в Кязяни

КАЗАНСКАЯ икона Богородицы является одной из наиболее почитаемых святынь русского народа. Она была явлена в Казани в 1579 году в царствование Ивана Грозного, спустя четверть века после покорения им Казанского царства. Свидетелем обретения чудотворной иконы был будущий митрополит Казанский, а впоследствии — патриарх Московский и всея Руси Гермоген, в то время служивший священником в одной из казанских церквей. Его перу и принадлежит широкоизвестное повествование о тех событиях: «Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы».

В 1594 году, во вторую неделю по Пасхе, митрополит Гермоген заложил в Казанском девичьем монастыре каменную церковь, посвященную «Новоуленной Одигитрии» Казанской иконе Богородицы, и вскоре после этого написал «Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы».

Эта «Повесть» не является, однако, творением одного только патриарха Гермогена. Как установил немецкий исследователь А.Эббингхауз, у Гермогена (который во время создания первого источника не имел еще на это полномочий и возможностей) был предшественник, написавший «Слово о явлении святыя иконы Пречистыя Богородицы честнаго ея Одигитрия, иже есть в Казани», представляющее собой старшую редакцию «Повести о явлении Казанской иконы» (Cm.: Andreas Ebbinghaus. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin. 1990. 5. 209—219). В создании первого произведения, судя по всему, будущий патриарх Гермоген, также принимал активное участие, как самовицеп события. Безусловно, «Слово...» было написано, по его свидетельствам, и, возможно, при его активном участии. Этим, видимо, и объясняется удивительная схожесть, почти идентичность, большей части обоих произведений.

Первое сочинение, посвященное обретению Казанской иконы, было написано в жанре «похвального слова». В повествовательной части этого «Слова» рассказывалось та же история о пожаре в Казани, о видениях

юной Матроне Онучиной и об обретении ею чудотворной иконы, а также о чудесах, совершившихся от новоявленной иконы.

Работа Гермогена над «Повестью о явлении Казанской иконы» была связана, прежде всего, с редактированием и уточнением сочинения его предшественника. В результате внесенных им исправлений изменилась и жанровая природа произведения: «похвальное слово» стало «повестью». При этом митрополит Гермоген дополнил новыми подробностями рассказ о явлении иконы и о ее первых чудесах, добавив пять новых. В заключении «Повести» он упомянул о своем поставлении в митрополиты и сообщил о создании каменного храма в честь чудотворной иконы Богородицы в Казанском девичьем монастыре.

Главной, новой, чертой редакции патриарха Гермогена стало появление в ней образа «повествователя», самовида — живого свидетеля и участника описываемых событий, придавшее его рассказу доказательность и особую достоверность. Повествование патриарха Гермогена изобилует яркими подробностями и запоминающимися деталями (обретенная икона оказывается завернутой в рукав однорядки вишневого

цвета; лик Богоматери сияет свежими красками, как-будто бы внове написанный; люди, желая прикоснуться к иконе, пробираются к ней по головам других). «Повесть...» наполнена радостью и благоговением. Питаемый памятью собственных духовных впечатлений, он вспоминает о значимом для него событии «с страхом и трепетом и радостью многою», что и неудивительно, так как по его собственным словам, он был непосредственным участником — самовидцем всех этих событий.

Святейший Гермоген, заново редактируя созданный им текст, к сожалению, исключил из него ярчайший эпизод автобиографического характера, но к нашей радости, сохранившейся в его авторской рукописи.: «Я же тогда служил в чине священника у святого Николы, именуемого Гостинным; и сколь ни был каменносердчен, но все же прослезился и припал к образу Богородицы и к превечному Младенцу Спасителю Христу и к самой чудотворной иконе, а потом поклонился архиепископу и испросил его благословения: да повелит мне взять пречудную икону Богородицы. Архиепископ же благословил меня и повелел мне взять икону» (Гермоген обвел его сплошной чертой и сделал на поле приписку для переписчика: «Не пиши то, что въ черть»).

Авторский список «Повести о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы» сохранился до наших дней и сегодня находится в Отделе рукописей Государственного исторического музея (ГИМ, Синодальное собр., №982). На нижнем поле начальных листов рукописи читается следующая запись: «...привезены к Москвѣ из Казани, а писмо в них рука святѣшаго Ермогена патриарха Московскаго и всеа Русии, а писал те тетрати в Казани Ермоген митрополит тогда, как сия святыя чудеса складывал, и писал своею рукою» (ГИМ, Синодальное собр., №982, л. 3—10).

Настал момент обратиться к Первоисточнику. (Текст печатается по списку Синодального собрания ГИМ, № 982, факсимильно воспроизведенному в изд.: Рукопись святейшего патриарха Гермогена. Издание Московской Церковной Комиссии по устройству чествования исторических событий 1612, 1613 и 1812 годов. М., 1912. 69 с.

**МѢСЯЦА ИЮЛЯ ВЪ 8 ДЕНЬ.
ПОВЕСТЬ И ЧУДЕСА ПРЕЧИСТЫЕ БОГОРОДИЦЫ, ЧЕСТНАГО И СЛАВНАГО ЕЯ ЯВЛЕНИЯ
ОБРАЗА, ИЖЕ ВЪ КАЗАНИ.
СПИСАНО СМИРЕННЫМЪ
ЕРМОГЕНОМЪ, МИТРОПОЛИТОМ
КАЗАНЬСКИМЪ**

А было это так...

23 июня 7087 <1579> года, в царствование благочестивого и христолюбивого благоверного государя царя и великого князя Ивана Васильевича, самодержца всея Руси случился в новопрощенном граде Казани пожар, в двадцать шестой год по взятии его, чьему мы сами были достоверные свидетели. Загорелось в полуночное время близ церкви святого Николы, называемого Тульским, во дворе царского воина Даниила Онучина. И лишь малая часть посада сохранилась — увы, все то огонь-вседец поглотил, пожег и полностью уничтожил.

Было же в городе много людей иноверных, и верований множество. И стала у них истинная православная вера предметом толков и насмешек.

Человеколюбец Бог, видя терпение и веру людей своих, и насмешки и поношения со стороны окружающих иноверцев, не теряя оскорблений и поношений святых икон, представительством и молением Заступницы нашей, Царицы и Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии, и ее неотступным предстоянием перед Сыном ее и Богом нашим, — показал нам ныне, в последние эти времена, по bla-

годати Божией, пресветлое и праведное солнце, явил из земли пресветлую чудотворную икону своей Матери, а нашей Царицы, Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии, — честной ее образ «Одигитрии» и свой человеколюбивый лик. Явилась же икона Богородицы следующим образом.

Не открыла Владычица образа своего ни святителю города, ни властивому начальнику, ни знатному человеку, ни богатому, ни мудрому старцу, а явила честное свое сокровище, чудесный свой образ дочери простого стрельца, искусного в ратном деле, девочке десяти лет от роду, по имени Матрена; этой-то девочке и явилась чудесная и преславная икона Богородицы в том же году и в том месяце, в котором случился пожар.

И вот стала являться той девочке, имя которой мы назвали выше, пресветлая икона Божией Матери: и велела ей пойти в город и рассказать архиепископу и воеводам про икону Богородицы, которую она видела, чтобы они пошли и извлекли образ Пречистой Богородицы из земных недр; и указала ей место, где впоследствии обрели пречудную икону Богородицы. Но девочка, будучи мала и неразумна, боялась рассказывать <о своем видении> и поведала о нем только

своей матери, а мать не обратила внимания на ее слова. И после того неоднократно являлась ей та пресветлая и чудная икона и повелевала ей, не сомневаясь, рассказать *«людям»* о своем видении. И девочка вновь и вновь рассказывала своей матери о явлении той чудесной божественной иконы и просила ее, не колеблясь, рассказать *«людям»* об этом видении.

И вот однажды та девочка, имя которой мы упомянули выше, спала во время полуденное — и вдруг оказалась посреди своего двора, в котором жила, и в ту же минуту явилась ей чудесная и пресветлая икона Богородицы в страшном огненном виде, сияя огненными лучами, такими яркими и страшными, что девочке показалось, что она сгорит от этих исходящих от иконы ярких лучей. И раздался от иконы грозный голос, обращенный к девочке: «Если ты не передашь моих слов и не пойдешь извлечь мой образ из земных недр, то явлюсь я на другой улице или в другом городе; ты же будешь болеть, пока не умрешь в страданиях!»

Девочка, испугавшись этого ужасного видения, упала на землю и долгое время лежала на земле словно мертвая. А потом возопила громким голосом к своей матери, чтобы шла к архиепископу и правителям того города и рассказала о чудесной

и пресветлой иконе Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии; и поведала матери все сказанные ей слова, которые она слышала от пресветлой иконы, и место ей указала.

Мать же ее поспешила в город к воеводам: и поставила перед ними дочь и велела, чтобы она сама рассказала, что с ней случилось. И девочка рассказала им слово в слово все, что слышала от пречудной и предивной иконы Богородицы, и место то указала. Но они не поверили ее рассказу о пречудной иконе Богородицы и не придали ему значения.

Мать же её, прослезившись, взяла дочь и пошла к архиепископу, и поведала ему те же слова, и назвала указанное ей место, чтобы он повелел извлечь *«из земли»* святую икону Богородицы. Но архиепископ не послушал ее речей и отоспал ни с чем. Приход их был в седьмой час дня; обрели же тот дивный Пресветлый образ Богородицы в двенадцатый час — в том же году, когда случился пожар, 8 июля, в день памяти святого великомученика Прокопия. А было это так.

Пошла та женщина к своему дому, рассказывая всем людям о чудесной иконе: о видении, которое было ее дочери. Люди же

**Чтимый образ
Божией Матери
«Казанская».
Казань.
Храм Ярославских чудотворцев**

удивлялись ее словам и отходили, не внимая смыслу сказанного. Тогда она, взяв лопату, пришла к указанному месту и стала копать, *<и трудилась>* долгое время, но не нашла того, что искала. Вскоре и другие стали копать и раскопали все место, но ничего не нашли.

Девочка же, Матрона Онучина стала копать в том месте, где была печь, а вслед за ней — и другие. И когда выкопали немногим более двух локтей — о, чудо! — явилась чудотворная икона Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, почитаемый образ «Одигитрии» вместе с Пречервенным Младенцем, Господом и Богом нашим Иисусом Христом!

Была обернута эта чудная икона рукавом однорядки ветхого сукна вишневого цвета. Сам же образ сиял дивным светом, как будто был недавно написан *<свежими>* красками. Грязь же не коснулась этого чудного образа, чему мы сами были свидетели.

И взяла девочка образ Пречистой Богородицы со страхом и трепетом и радостью и установила его на том месте, *<где обрела>*. Люди же, находившиеся там, возопили *<от радости>* и стали рассказывать повсюду о явлении той божественной иконы. И вскоре собралось бесчисленное множество благочестивого

люда, вопиющего со слезами:
«Владычца, спаси нас!»

Я же тогда служил в чине священника у святого Николы, именуемого Гостиным; и сколь ни был каменносердечен, но все же прослезился, и припал к образу Богородицы, и к Превечному Младенцу Спасителю Христу, и к самой чудотворной иконе, а потом поклонился архиепископу и испросил его благословения: да повелит мне взять пречудную икону Богородицы. Архиепископ же благословил меня и повелел мне взять <икону>.

ТЯК ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В КЯЗЯНИ?

Существуют многочисленные свидетельства о том, что Божия Матерь – покровительница и заступница христиан перед Богом. Не раз Она удерживала бич Божий, уже поднятый для удара. Причем входит Она в судьбы не только народов, но и отдельных людей, не только святых и благочестивых, но и злых и грешных. Она может предупредить какого-нибудь нечестивца: «Покайся, а то худо будет!» Может прийти незваной и нежданной кльному, который и не думал о Ней. Может помочь в самом простом, бытовом деле. А может и обратить в бегство вражескую рать, потопить корабли...

Церковное предание хранит множество рассказов об явлениях Богоматери – в разных странах и самым разным людям, от святых подвижников до неграмотных крестьян, во сне и наяву. Конечно, от древних времен до нас дошло очень немного свидетельств о таких явлениях, но это не значит, что их было мало – в те времена вообще меньше событий записывалось «в анналы», только те, что считались особо значимыми. Если явление было монаху, а особенно святому, оно становилось известным, а если какому-нибудь землепашцу – то об этом узнавал только его священник да приход, и оно благополучно уходило в Лету вместе с очевидцем.

ВИДЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ ВО СНЕ

Преподобный Кириак видел во сне Царицу Небесную с Иоанном Крестителем и Иоанном Богословом.

Преподобный Роман Сладкопевец в молодости не был искусен в чтении и пении, из-за чего над ним смеялись. Накануне Рождества Христова, после вечернего богослужения, Роман, осмеянный товарищами, пал ниц перед иконой и горько заплакал. Ночью во сне ему явилась Богоматерь и подала свиток. Впоследствии преподобный Роман составил около тысячи кондаков.

Анна, мать преподобного Стефана Нового, молилась во Влахернской церкви перед иконой Пресвятой Богородицы и просила даровать ей сына, которого обещала посвятить Богу. После молитв Анна задремала и увидела Богородицу. Та сказала: «Иди с миром. У тебя будет сын по молитвам твоим». Вскоре у Анны действительно родился сын, ставший великим ревнителем славы Божией.

Преподобный Иоанн Дамаскин во сне увидел Богоматерь, которая утешив, совершила чудо исцелив его. Позднее, когда Иоанн поступил в монастырь св. Саввы близ Иерусалима, наставник запретил ему составлять духовные гимны. Однако Богоматерь явилась старцу во сне и велела не мешать Иоанну. «Не заграждай источника Моего», — сказала Она.

БОГОРОДИЦА В ВИДЕ ИКОНЫ

Святой Алексей, Человек Божий, семнадцать лет простоял на паперти с нищими. Никто не обращал на него внимания, пока Богоматерь, изображенная на храмовой иконе, не сказала пономарю: «Введи в церковь человека Божия, достойного Царствия Небесного».

Преподобная Мария Египетская в молодости была блудницей. Придя в Иерусалим, она несколько раз пыталась войти в храм, но каждый раз ей мешала какая-то таинственная сила. Мария принялась молиться перед иконой Богородицы в притворе храма, обещая раскаяться. Затем она вошла в церковь, приложилась к иконе Богоматери и услышала от нее голос: «За Иорданом найдешь себе покой». Мария удалилась в пустыню и всю оставшуюся жизнь провела там в покаянии.

В XII веке был на Афоне святой подвижник Иоанн Кукузель. Однажды в субботу, пропев акафист Пресвятой Богородице, он сел против иконы и задремал было, когда вдруг услышал голос, исходящий от нее: «Радуйся, Иоанн! Пой и не переставай петь. Я не оставлю тебя». Инок увидел стоявшую перед ним Богоматерь, которая положила в его руку златницу и стала невидима. Иоанн проснулся — в руке его была златница. Он привесил подарок Богородицы к иконе, от которой стали совершаться чудеса.

В 1453 году Византийская империя пала под натиском турок. Однако земной удел Богоматери — гора Афон — осталась в руках православных монахов. «История Афона, — говорит писатель А. Н. Муравьев, — есть как бы лето-

пись посмертного жительства на земле Пречистой Девы: на каждом шагу, в каждой обители есть какое-либо предание о видимом Ее представительстве».

Когда Византия ослабела, Рим, пользуясь случаем, попытался подчинить себе православную церковь и в том числе захватить Афон. В то время вблизи Зографского монастыря в уединении жил старец. Однажды он, став перед иконой, обратился к ней с обычным приветствием: «Радуйся!» И услышал в ответ: «Радуйся и ты, старец Божий!» «— Не бойся, — услышал он дальше. — Иди скорее в монастырь и объяви монашествующим и игумену что враги Мои и Мого Сына уже близко. Кто слаб духом, пусть спрячется, пока пройдет искушение, а готовые пострадать пусть останутся. Спеши же!» Старец тотчас побежал в монастырь. Едва он вступил в ворота, как увидел икону, от которой слышал голос, и которая осталась в его келье. Старец пал ниц перед иконой, а потом, взяв ее, явился с ней к настоятелю.

Те монахи, которые были слабы духом, ушли в горы, а в обители осталось 26 человек. Они заперлись в башне и стали ждать врагов. Вскоре и вправду появились латиняне. Они обложили башню хворостом и подожгли. Это случилось 26 октября

1276 года. Икона, от которой старец слышал голос, находилась в башне. Огонь не повредил ее, и впоследствии ее нашли под развалинами.

ГЛАС БОГОРОДИЦЫ

В древности неподалеку от Константинополя, была роща кипарисов и платанов с источником чистой воды. Со временем источник засорился и иссяк, и о нем забыли. И вот однажды воин Лев Макелл, проходя в этом месте, встретил слепца, который утомился и изнемогал от жажды. Усадив слепого в тени, воин пошел искать воду. Он искал долго, но тщетно, и вдруг услышал голос: «Не трудись, Лев, искать воды далеко, она подле тебя». Тот осмотрелся, но ничего не нашел. И тогда он снова услышал: «Лев-царь, войди в эту густую, тенистую рощу, почерпни воды и утоли жажду немощного, а тиною от источника помажь ему глаза. Ты скоро узнаешь, кто я. Устрой мне в этом месте храм, в котором я буду внимать молитвам и даровать желаемое всем, приходящим сюда с усердием и верою». И в самом деле в роще оказался источник. Лев принес слепому воды и помазал ему илом глаза, после чего слепой от рождения человек прозрел. Прошло несколько лет, и Лев стал императором. Он приказал очистить источник от земли и

мусора и воздвиг над ним храм. Этот храм получил название «Живоносного источника». Чудеса здесь совершались в таком множестве, что еще в древности церковь установила в пятницу Светлой недели празднование в память об этих чудесных исцелениях. А икона «Живоносный источник» и сейчас — одна из самых знаменитых.

Явления Пресвятой Богородицы на земле Русской

Но это все события давних лет и дальних стран, а что было у нас на Православной Руси? Постепенно, по мере того как Византийская империя слабела и все больше шаталась под ударами турок, центр Православия перемещался в Россию. Лукой. Все больше было зафиксировано явлений и чудес. Учитывая особенности русской истории, а именно то, что, говоря словами Ивана Солоневича, «нас в среднем жгли дотла по разу лет в двадцать-тридцать», от давних времен уцелело немного письменных свидетельств. Впрочем, и того, что уцелело, достаточно...

Давайте рассмотрим хотя бы некоторые из явлений Богомате-

ри на русской земле. Поговорим о заступничестве Богоматери, об Ее участии в судьбах монастырей, деревень, отдельных людей, об Ее покровительстве, нередко нежданном. Во все времена нужды у людей одинаковы: исцеление в болезни, помощь в каких-то делах, иногда важных, а чаще — повседневных.

Видения Богородицы во сне

Около 1160 года Эразм, инок Киево-Печерского монастыря, отдал все свои средства на украшение Печерской церкви, но потом пожалел об этом так сильно, что заболел. Семь дней он лежал в беспамятстве, на восьмой внезапно встал и рассказал, что видел Богородицу с Сыном на руках. Она сказала: «Эразм, поелику ты украсил церковь Мою иконами, и Я укращу тебя в церкви Сына Моего; встань, покайся, облекись в ангельский образ, а на третий день я возьму тебя к Себе как возлюбившего благолепие дома Моего». Эразм выполнил все, что повелела ему Богородица, и на третий день скончался.

В 1165 году св. Иоанн, будущий архиепископ Новгородский, был пресвитером при церкви. Они с братом строили каменный храм, но средства заканчивались, и тогда братья обратились с молитвой к Богородице.

Явившись им во сне, Божия Матерь сказала: «Зачем вы впадаете в такую печаль и предаетесь сетованию о том, что строительство храма замедлилось? Я не оставлю моления вашего, ибо вижу вашу веру и любовь, в скором времени у вас будет все необходимое для сооружения храма и даже останется излишек; только не оставляйте благого дела и не охладевайте в вере». И в самом деле, на следующий день братьям, неизвестно от кого, было прислано золото, и они благополучно достроили храм.

Много раз Богородица являлась инокам, указывая место для основания монастыря или постройки храма. Так, около 1394 года преподобный Кирилл, впоследствии названный Белозерским, а тогда еще инок Симонова монастыря в Москве, был послан Богородицей на Север для основания новой обители. Достигнув Тихвинского монастыря, он молился трое суток на паперти монастырского храма и, когда задремал, во сне ему явилась Богоматерь и сказала: «Угодник Пресвятой Троицы, раб Мой Кирилл, ступай к восстоку, к Белозеру, и явит тебе Господь, Сын Мой и Бог, покой старости твоей».

Впрочем, являлась Богоматерь не только монахам и подвижникам, но и простым людям.

Так, около 1524 года Она явилась во сне расслабленному крестьянину села Отводное, близ Вологды, и повелела пойти в Сямскую область и объявить, что Она желает, чтобы в этой волости, у речки Крутцы, была построена обитель в честь Ее Рождества. Крестьянин все исполнил и исцелился.

В конце XVI века, в день Рождества Пресвятой Богородицы, крестьянин Никита Кучков, живший неподалеку от Хлынова, увидел во сне, будто бы он находится в городе и видит Царицу Небесную с небесными силами и Иоанном Предтечей. Богородица сказала собравшимся вокруг людям:

— Вы обещали построить монастырь во имя Мое, зачем же ныне забыли о своем обещании? Есть у вас и строитель, данный вам от Бога. Он скорбит и непрестанно просит о том Господа. Вы презираете его, не исполняете его велений. Если же не исполните Моего повеления, то постигнет вас гнев Божий: пожар, голод и мор. После чего Богоматерь указала рукой место, где надо было строить монастырь.

У царя Федора Алексеевича был стремянный конюх Дмитрий Колошин, который особенно почитал икону Богоматери «Неопалимая купина», стоявшую при

Грановитой палате. Однажды царь разгневался на него: Колошин, не зная, как оправдаться, просил Царицу Небесную заступиться. Божия Матерь явилась во сне царю и объявила конюшего невинным. Царь внимательно расследовал дело и возвратил Колошину прежнее расположение.

Летом 1739 года священник о. Даниил, служивший в Покровской церкви города Ахтырки, Харьковской губернии, косил траву у себя на огороде и увидел в траве ярко сияющую икону Богоматери. Священник поставил ее у себя дома, где она и оставалась на протяжении трех лет. Через три года, в праздник Покрова, войдя в комнату, где стояла икона, о. Даниил снова увидел, что она сияет небесным светом. Не зная, что об этом думать, он снова никому ничего не сказал.

Однажды в тонком сне он увидел Богоматерь и услышал Ее повеление — освободить икону от пыли, омыть чистой водой и накрыть покрывалом. Он пропнулся и тут же, ночью, исполнил приказание Царицы Небесной, а воду собрал в сосуд, чтобы утром вылить в реку.

Отец Даниил заснул и опять увидел необыкновенный сон. Снилось ему, что он идет к реке, чтобы вылить в нее воду, оставшуюся после омовения иконы. Ему встречается Богоматерь в образе прекрасной Девы и говорит: «Куда несешь воду? Вернись домой и храни ее: она будет исцелять страждущих от лихорадки». У священника была дочь, давно страдавшая лихорадкой: утром он дал ей этой воды, и девочка тотчас же исцелилась.

В 1778-79 годах св. Тихону Задонскому в тонком сне было два видения Божией Матери...

В Киево-Печерской лавре Пречистая явилась в тонком сне Агафье Семеновне Мельгуновой, основательнице Дивеевского монастыря. Однажды ночью, после долгого стояния на молитве, она увидела Пресвятую Владычицу и услышала от Нее следующее повеление:

— Это Я, Госпожа и Владычица твоя, которой ты всегда молишься. Я пришла возвестить тебе Мою волю... Иди на север России и обходи все великорусские места святых обителей Моих. И будет место, где Я укажу тебе окончить богоугодную жизнь твою и прославлю имя Мое там, ибо в месте жительства твоего Я оснула великую обитель Мою. Иди же, раба Моя, и ми-

лость Моя, и щедроты Мои — да будут с тобою.

Ей же еще раз являлась Богоматерь, когда она в 1760 году шла из города Мурома в Саровскую пустынь. Не дойдя 12 верст до Сарова, Агафья Семеновна остановилась на отдых в селе Дивееве, находящемся в 55 верстах от Арзамаса и в 24 верстах от Ардатова Нижегородской губернии. Расположившись на лужайке у западной стены небольшого сельского деревянного храма, она села на лежавшие там бревна и сидя уснула, и во сне ей снова было видение Богоматери. Пречистая Дева сказала:

— Вот то самое место, которое Я повелела тебе искать на севере России. Здесь предел, который Божественным Промыслом положен тебе: живи и угодрай здесь Господу Богу до конца дней твоих. И Я всегда буду с тобою, и всегда буду посещать место это, и в пределе твоего жительства Я осную здесь такую обитель Мою, равной которой не было, нет и не будет никогда во всем свете. Это четвертый Жребий Мой во Вселенной.

Агафья Семеновна выполнила повеление Богородицы. На этом месте вскоре появилась знаменитая на всю Россию Дивеевская обитель.

Многим верующим хорошо известно, что Святому Серафиму Саровскому Божия Матерь являлась несколько раз. Самое первое явление произошло еще в детстве, именно в дивном сонном видении...

В начале XIX века на Соловках Богородица явилась во сне старцу Феофану Соловецкому. Она была в сопровождении двух светозарных мужей и ободряла, чтобы он не боялся бесовских искушений.

БОГОРОДИЦА В ВИДЕ ИКОНЫ

Так, в 1360 году Она явилась преподобному Лазарю Муромскому, услышавшему голос от иконы, перед которой тот молился: «Призрю на смиренные рабы и на это место. Повелеваю тебе: поставь на сем месте церковь во имя Успения Богородицы», — и икона, стоявшая на воздухе, спустилась ему в руки.

...В 1237 году войско Батыя внезапно подступило в Смоленску. Жители ничего не знали о нападении и не были готовы к защите. Ночью сторож соборного храма, где находилась Смоленская икона Божией Матери, услышал от нее повеление: призвать воина Меркурия, жителя Смоленска. Тот пришел в храм, пал ниц перед иконой и услышал голос:

— Угодник Мой Меркурий, посылаю тебя оградить дом Мой.

Меркурий со слезами поклонился иконе и вышел из храма и из города. Он сумел попасть в центр вражеской рати и убил татарского богатыря, а потом перебил множество врагов. Утомленный, он прилег отдохнуть, и увидевший его татарин отрубил русскому витязю голову. Церковь причла Меркурия к лику святых.

ГЛАС БОГОРОДИЦЫ

В 1603 году в Кевроле, на реке Пинеге, был храм Воскресения Христова, где служил игумен Варлаам. У него имелась икона Владимирской Божией Матери, с которой он никогда не расставался. Когда игумен состарился и почувствовал приближение смерти, он решил завещать икону некоему юродивому Харитону. Однажды Варлаам, придя после утруни в свою келью, задремал и услышал во сне женский голос: «Зачем, старец, хочешь отдать икону Пресвятой Богородицы мужу неискусному? Лучше отдай ее вдовому попу Мирону. Бог хочет прославить иконою место Черной Горы». Игумен, приснувшись, не сомневался в том, что это было видение — однако

кто же таков этот «вдовий поп Мирон»? Вскоре пришел к нему для сбора святительской дани священник Мирон. Игумен стал расспрашивать его и узнал, что тот служил в двух верстах от места, которое здесь называлось Черной горой.

— Есть такая гора, — сказал священник, — но она необитаема. Думаю, что она удобна для монашеской жизни.

Игумен передал образ Мирону. Тот принес икону и поставил ее в своем храме. Вскоре он постригся в монахи и основал на указанном Богородицей месте монастырь.

ИЯВЛЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ В ТЯКИ

В 1484 году инок Валаамского монастыря Александр, живший в пещерной келье, во время ночной молитвы увидел Богоматерь, которая указала ему небесным светом место его будущих подвигов.

— Александр! Изыди отсюда и иди на преждепоказанное тебе место, в нем же возможеши спастись.

На следующий день Александр ушел с Валаама и поселился на том месте, которое показала ему Богоматерь, в диком лесу на берегу Рощинского

озера, неподалеку от реки Свирь. В полном уединении он прожил семь лет. Потом к преподобному Александру стали стекаться ученики, и постепенно появился на этом месте монастырь. Инок же Александр прославился под именем преподобного Александра Свирского.

За несколько лет до смерти преподобному еще раз явилась Богородица. Незадолго до того он заложил основание церкви Покрова Божией Матери. Однажды ночью Александр молился Ей о помощи его обители, потом сказал своему духовному сыну Афанасию, который был с ним:

— Чадо, трезвись и бодрствуй, поскольку будет сейчас посещение чудное и ужасное.

И сразу же прозвучал голос:

— Се Господь грядет и Рождшая Его.

Выйдя из кельи, иноки увидели великий свет над обителю. Над фундаментом алтаря заложенной церкви восседала на престоле Богоматерь с Младенцем, в окружении ангелов. Иноки пали ниц перед Ней. Александро-Свирский монастырь и сегодня — одна из величайших святынь северо-запада России. Последнее явление Богоматери преподобному Серафиму Саровскому было

незадолго до блаженной кончины святого старца. Теперь Матерь Божия явилась ему не в сонном видении, а наяву, так же, как некогда явилась другому великому русскому подвижнику и угоднику Божию — преподобному Сергию Радонежскому.

ДЕТЕЛИ ЯВЛЕНИЯ В КАЗАНИ

Даже малые, второстепенные детали явления Пресвятой Богородицы в Казани, имеют соответствия в многообразной истории явлений Божией Матери на земле Русской.

Например, являлась ли кому-либо из православных людей, Пресвятая Богородица именно в виде какой-то конкретной Богородичной иконы? Ответ — однозначно Да!

БОГОМАТЕРЬ В ВИДЕ ЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ИКОНЕ

На границе Киевской и Херсонской губерний, в селении Сухая Калигорка, имеется чудотворная икона Богоматери. Среди привесок на ней есть серебряная пуля весом в полфунта. В церковной записи о ней говорилось следующее:» В 1828 году во время русско-турецкой войны, полковник С. З., проходя со своим войском по этой местности, стоял на квартире вблизи села и посетил местный храм, где молился

перед чудотворной иконой. На войне он был ранен. Осколок пули застрял около сердца, так, что врачи не надеялись его вылечить. Раненый полковник стал усердно молиться Пречистой Владычице о своем выздоровлении, при этом вспомнив чудотворный Калигорский образ. Затем, в первый раз за трое суток, он уснул. Во сне раненый увидел женщину, лицом подобную изображению на Калигорской иконе. Она рукой вынула пушку и сказала: «Встань!» Пробудившись, полковник увидел около себя на постели выпавший из груди осколок».

В 1848 году в Царском Селе благочестивой девице Марии Давыдовой приснилось, будто перед нею стоит на воздухе чудотворная икона «Знамение», и она вышивает на ней великолепную ризу. Мария рассказала об этом видении родным, слух о нем быстро распространился и дошел до императрицы Александры Федоровны, и, после ее личного посещения и осмотра иконы, она предложила Марии вышить ризу для этого образа. Давыдова обрадовалась и вместе с тем смущалась. Она не умела рисовать, у нее не было никаких средств для исполнения священного дела, и она не знала, откуда взять все необходимое. В

ночь на 27 июня во сне девица внезапно увидела перед собою Матерь Божию с таким лицом и в таком виде, как она изображена на иконе. На Богоматери была риза прекрасного узора, на плечах омофор и на голове убрюс. Очнувшись, Давыдова тотчас захотела встать, чтобы начертить образец ризы, но опять забылась сном. Видение повторилось еще живее и яснее, так что она как бы наяву созерцала Богоматерь. Пробудившись, она со слезами благодарила Владычицу и начертила узор для ризы таким, каким видела его во сне.

В 1863 году Божия Матерь явилась Анастасии Семеновне в Покровском монастыре. Во время всенощного бдения перед ней вдруг засиял необыкновенный свет и, взглянув вверх, она увидела Богоматерь, стоявшую на воздухе с распростертыми руками, как изображается Она на иконе Покрова, но без омофора в руках.

ГРОЗНЫЕ СЛОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Многих смущают грозные слова, сказанные Пресвятой Богородицей Матроне: «Если ты не передашь моих слов и не пойдешь извлечь мой образ из земных недр, то явлюсь я на другой улице или в другом городе; ты же будешь болеть, пока не умрешь в страданиях!»

Но и этому есть примеры в явлениях Божией Матери. Так, в 1813 году, в селе Давыдово, что недалеко от Сарова, у крестьянина Бориса Федорова Захарова родилась дочь, которую назвали Неонилой. «Родилась... в Давыдове девочка, имя ей Нишенька; людям она будет на посмеяние, Царице Небесной на прославление!» — предсказал преподобный Серафим Саровский деду Неонилы, Козьме Григорьевичу Кербеневу. С самого отрочества избрав путь подвижничества, девочка, чтобы избежать соблазнов окружающего мира, стала юродствовать, и в своем селе всеми принималась за слабоумную. В первый раз Матерь Божия явилась ей еще в молодости.

Однажды Неонила видела сон — будто стоит она на паперти своей приходской церкви, и вот перед ней сама собою открывается входная дверь, и икона Царицы Небесной, предшествуемая ангелами, несется по воздуху с паперти, над которой устроена была колокольня, прямо в алтарь. В то же время в царских вратах появляется в сиянии Жена и велит Неониле взять икону и убрать ее бархатом, золотом и бисером. В ответ Неонила говорит Царице Небесной, что она бедна и дурочка, как же ей это спровести? Владычица же повелела сказать об этом священнику и односельчанам.

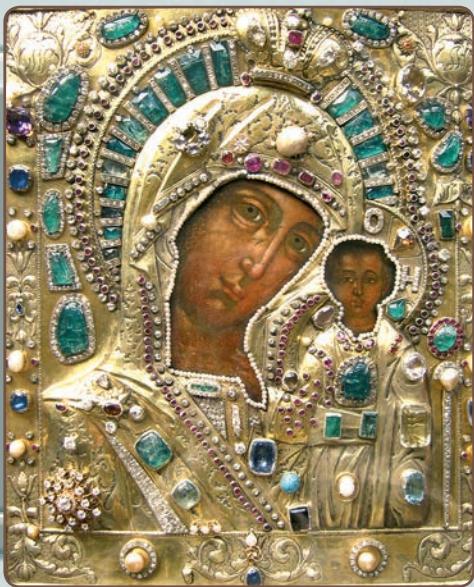
Проснувшись, девушка пошла к священнику отцу Иоанну, но он ей не поверил и не стал искать икону, на которую указала Матерь Божия. На другую ночь и на третью сон повторился. Неонила пошла опять к священнику, но тот снова не поверил и, чтобы заставить девушку молчать, послал ее на жнитво в деревню Валтово, за двенадцать верст от Давыдова. Там ей явился во сне угодник Божий Николай Чудотворец с такими словами:

— Приступай к делу, тебе Царицею Небесною назначенному, а то будешь наказана.

На следующую ночь она увидала опять знаменательный сон. На этот раз Матерь Божия уже строго сказала:

— Если ты из боязни не исполнишь Моего повеления, то будешь наказана смертью.

После того, как Неонила нашла икону «Утоли моя печали» и поновила ее, как приказала Владычица, она возвратилась в Давыдово. Со времени первого чудесного своего видения Неонила перестала юродствовать и стала жить на пользу и утешение всем к ней обращающимся.

**Казанский образ
Пресвятой Богородицы,
возвращенный в Россию
в 2004 году из Ватикана
(позднейший список XVII века),
21 июля 2005 года (год празднования
1000-летия Казани и 450-летия Казан-
ской епархии) икона была
торжественно передана в Казань
Святейшим патриархом Алексием**

НИКТО НЕ ВИДИТ, КРОЛИ БОГОВИДИЦЫ

Как мы знаем из Повести святителя Гермогена, Богородица являлась Матроне неоднократно, но никто кроме нее этого не видел. Так происходило и в других случаях, описанных в церковных преданиях.

Например, в 1817 году было видение монахине Тарсилии в Борисовской Тихвинской пустыни. За четыре года до кончины она заболела и почти не вставала с постели, принимая все с благодарностью и смирением. В минуту своей блаженной кончины Тарсилия имела благодатное видение. Присутствующие ничего не видели, но слышали ее беседу с незримой гостьей.

ЯВЛЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ В ОГНЕНОЙ СЛАВЕ

Удивительным и даже страшным кажется описанное патриархом Гермогеном событие, когда Богородица, в виде иконы в последний свой раз, явилась Матроне в страшном огненном виде, сияя огненными лучами, такими яркими и страшными, что девочке показалось, что она сгорит от этих исходящих от иконы ярких лучей. Но, как это не

удивительно, подобные Великие явления Богородицы в огненной славе, хорошо известны православным, — например, Почаевское (XIV век) и Соловецкое (30-е годы XX столетия).

ЯКАФИСТ
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ
ПРЕД ИКОНОЙ «КЯЗЯНСКАЯ»

И, наконец, главное! Большинство из приведенных мной доказательств чудесного явления Божией матери в Казани в 1579 году можно было не приводить и ограничиться, всего лишь цитированием официального акафиста Пресвятой Богородице пред иконой «Казанская»:

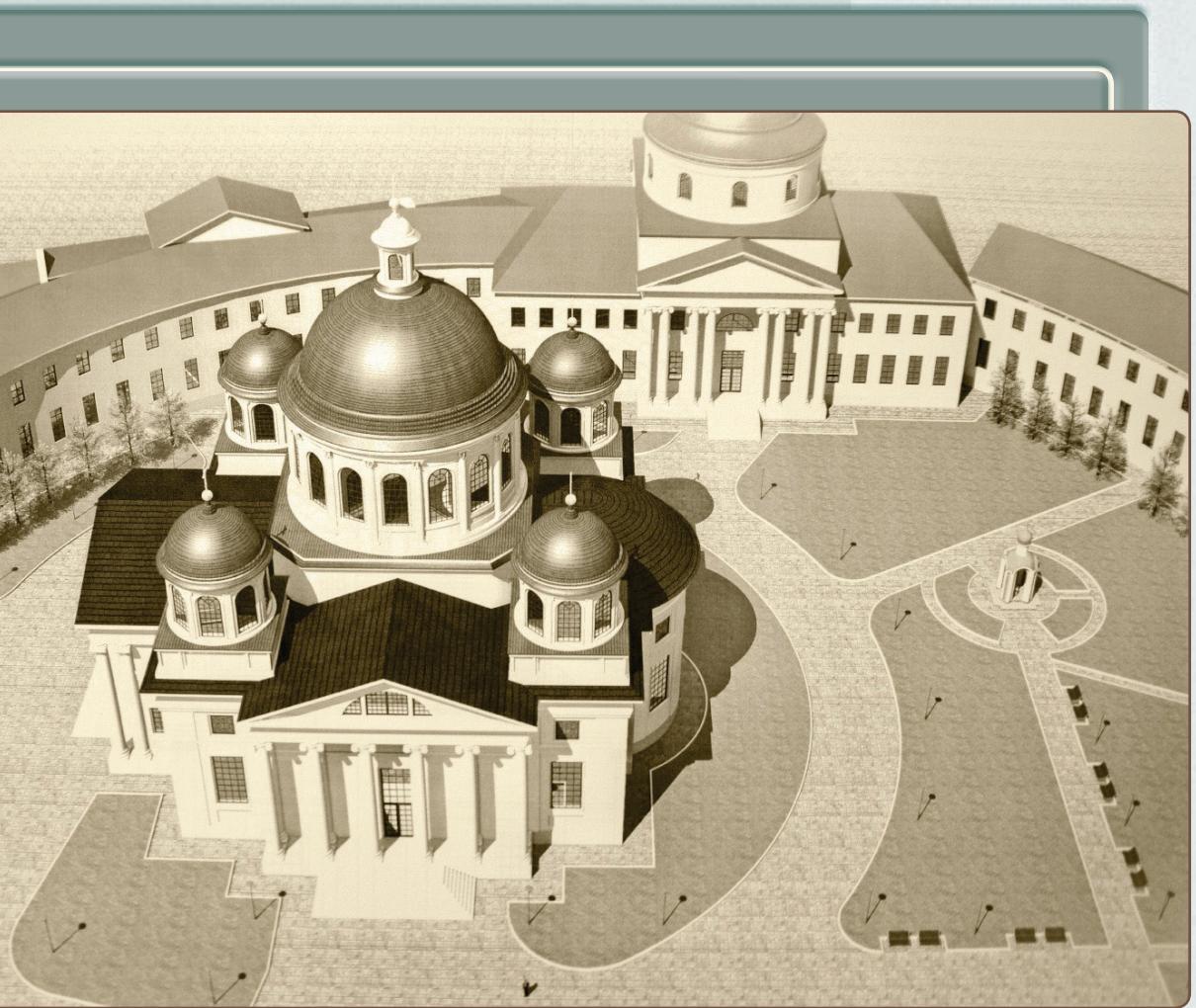
Икос 2

Разумéние трикратнаго явлéния

Богомáтере (выделено мной Д.Х.)
мудрая отроковица ищущи, тече
ко властéму, повéдающи им дíвное
явлénие и грóзное прещéние: мы же
дивя́щеся свыше дáнному отроковице
вразумлению, благоговéйно вопиéм к
Преблагословéнней:
Рáдуяся, Застúпнице усéрдная рóда
христиáнского.

Что и требовалось, как говорится, доказать!

Но всегда лучше дать возможность каждому сделать самостоятельный вывод, на основании имеющихся документов и доказательств, чем просто принять на веру вывод, уже давно сделанный нашими предками и запечатлевшимися в святом Акафисте Казанской иконе. Хотя...

Проект воссоздания комплекса
Богородицкого монастыря. 2016

ОКОНЧАНИЕ

Сегодня мы говорим о духовном возрождении России, восстанавливаем храмы, крестим своих детей. В поисках Чуда едем паломниками в самые дальние уголки нашей планеты. Мы вновь искренне открываем свою Душу для Слова Божьего, ведь никто из нас, наверное, не хочет прослыть маловерующими и, воспользовавшись словами Святейшего Ермогена - «каменосердечными». Но тяжело, видимо, увидеть Чудо с большой буквы рядом с собой, буквально в двух шагах. Ведь не зря народная мудрость говорит, что «Великое видится на расстоянии». Возможно, что должно пройти какое-то время, чтобы мы осознали это. Мы не первые, кто попал в такую ситуацию, хорошо известно, что западным христианам понадобились многие десятилетия, чтобы увидеть, понять, а главное, осознать величие подобных событий, произошедших у них дома...

Но мы же – православные и гордимся этим. И прошло уже не несколько десятилетий, а несколько столетий с того величайшего дня, когда Господь наш и Пресвятая Богородица в образе Казанском явили нам Себя в нашем богоизбранном городе, в нашей богоспасаемой стране! Может быть уже пора?! Сделаем первый шаг? И давайте просто внимательно вслушаемся в слова, переданные нам нашими глубоко верующими предками и навеки запечатленными в Каноне Божией Матери в честь иконы Ее «Казанская», которые каждый из нас легко прочтет и повторит в молитве: ***«И аще кто не чтит Пресвятыя Богородицы и не покланяется иконе Ея, анафема да будет: посрамляет бо и побубляет не чтущия Ю...»*** (Песнь 6, Икос)

**ОСНОВОПОЛОЖНИК
КАМПАНОЛОГИИ
КАЗАНСКОГО КРАЯ**

Е.П. Ключевская

стр. 118-137

настырь Раифский Богооро-
дичный мужской монастырь

Раифский Богородицкий мужской монастырь

4

архив

Благовест: Церковный звон

Фото Георгия Розова

Раифский Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий мужской монастырь

Раифский Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий мужской монастырь

Раифский Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий мужской монастырь

Раифский Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий мужской монастырь

Раифский Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий мужской монастырь

Раифский Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий мужской монастырь

Раифский Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий мужской монастырь

ОТГОДОСКИ
СТАРИНЫ

**Екатерина
Петровна
КЛЮЧЕВСКАЯ,**
искусствовед

Звонница.

Фото Георгия Розова

Основоположник каждяновологии Кязяинского края

1881-1885 ГОДАХ на страницах «Казанских губернских ведомостей» появилось пять публикаций о колоколах Чебоксар, Козьмодемьянска, Казани Александра Федоровича Можаровского, писателя, этнографа, фольклориста, педагога (1). Выходец из семьи сельского дьячка старинного, со временем Казанского ханства, села Бежбатман Свияжского уезда Казанской губернии, он принадлежал к кругам либеральной творческой интеллигенции в первом поколении, составив себе имя в литературе этнографическими очерками и стихотворными сказками для детей.

Ко времени обращения Можаровского к новой для него теме церковной археологии, он уже приобрел определенный авторитет в науке – член этнографического отдела Общества естествоиспытателей и Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, член-сотрудник Московского общества естествознания, антропологии и этнографии, Русского географического общества, был награжден бронзовой медалью общества за собирание и публикацию народных песен. 1885 год – год последней публикации о колоколах, стал также последним годом пребывания его на родине.

Биография Александра Федоровича МОЖАРОВСКОГО, хотя и известная в основных этапах жизнедеятельности, недостаточно документирована. И это мешает увидеть, на первый взгляд столь типичную и бедную на внешние проявления, но весьма колоритную личность. Документы Национального архива РТ и Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского университета, а также материалы периодической печати, содержат служебные документы, неопубликованные рукописи Можаровского, подробности его участия в деятельности научных обществ, упоминания его имени в частной переписке известного этнографа В.К. Магницкого. В подавляющем большинстве эти документы не введены в научный оборот.

В Национальном архиве РТ документы, хотя и немногочисленные, связанные с именем Можаровского выявлены мной в фонде Попечителя Казанского учебного округа и Первой казанской гимназии.

«Дело канцелярии Попечителя Казанского учебного округа по II столу «Об испытании Александра Можаровского на звание воспитателя гимназии» (28 апреля 1875 г., на 13 листах) (11). Помимо канцелярской переписки и собственноручного прошения, особый интерес в деле представляют две рукописи самого Можаровского – рефераты по темам, предложенным по жребию: 1) «Значение Н.В. Гоголя в нашей литературе» и 2) «Причастные и деепричастные формы» (12). Свидетельство о присвоении звания воспитателя пансиона при гимназиях было выдано Можаровскому 31 марта 1875 года.

Без изменений статьи о колоколах позже были включены автором в сборник «Отголоски старины и народности. Собрание очерков и заметок из периодических изданий действительного члена Тамбовской ученой архивной комиссии Ал. Можаровского» (Тамбов., 1903), составив один из разделов под названием «Из экскурсий на колокольни. Заметки о колоколах». Из них наиболее известна статья о чебоксарских колоколах. В сборнике она датирована 30 декабря 1880 года, на страницах «Казанских губернских ведомостей» она появилась на следующий 1881 год, и в том же году была выпущена отдельным изданием «Казанская старина. Нечто из церковной археологии города Чебоксар Исследование действительного члена Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете и члена-соревнователя Московского общества естествознания, антропологии и этнографии Ал. Можаровского» (Казань. Типография губернского правления. 1881). Сведения о чебоксарских колоколах перемежаются в статье с собственными наблюдениями и впечатлениями автора. К ней, чаще всего, обращаются современные историки Чебоксар. Статьи о казанских и козьмодемьянских колоколах носят сугубо фактический, описательный характер и представляют собой

простой перечень колоколов с фиксацией тех сведений, которые были отражены на них. Статьи о козьмодемьянских и казанских колоколах остались вне поля зрения исследователей.

О том, насколько Можаровский был осведомлен в истории колоколов, можно судить по статье «Заметка о колоколах», которая открывает раздел сборника (2). По сути — это реплика на публикацию «Московского телеграфа» (1882, №3) об отливке для собора св. Павла в Лондоне большого колокола. Заканчивается статья словами «Итак, «громадный» колокол Великобритании ни по весу, ни по материалу, ни по звону для нас не удивителен». Аргументами Можаровскому служат приводимые им в статье сведения о московских, петербургских, новгородских, вятских, а также монастырских — валаамских, троице-сергиевских и других больших, нередко до полутора-двух тысяч пудов весом, колоколов. Упомянуты в этом ряду и большой колокол кафедрального собора в Казани весом 1575 пудов, там же поменьше — 800 пудов, большой колокол Казанского Богородицкого монастыря в 705 пудов 15 фунтов. Именно большие, а также примечательные в историческом плане колокола становились, в первую очередь, темой публикаций во второй половине XIX

В архиве документов Первой казанской гимназии содержится «Формулярный список о службе воспитателя при пансионе Императорской казанской первой гимназии, состоящего в VIII классе Александра Можаровского. За 1878 г.» (13), в котором уточняются данные об образовании Можаровского, его учебной деятельности и членстве в ученых обществах, составе семьи: «по окончании полного курса семинарского учения в 1868 году правление Казанской семинарии с причислением к первому разряду воспитанников оной, возведен на степень студента и уволен в епархиальное ведомство» (14). В период учительства в Чистопольском духовном училище, куда он был определен Высокопреосвященнейшим Антонием, архиепископом Казанским и Свияжским, Можаровский обучал «краткому катехизису, краткой священной истории, церковному пению, чтению по книгам церковной и гражданской печати и чистописанию». 3 августа 1872 года Можаровский был перемещен на таковую же должность в Казанское духовное училище, а с 1 января 1876 года занял должность воспитателя при пансионе Первой казанской гимназии (15).

Косвенное представление о деятельности Можаровского-воспитателя дает «Отчет о состоянии пансиона при Императорской первой гимназии за 1885/86 гг.» за подписью директора гимназии Крелемберга в фонде документов Попечителя Казанского учебного округа. В отчете приведены сведения о численном составе воспитанников (56), их материальном обеспечении, об успеваемости и поведении — «заключений в карцер», «выговоров от Педсовета», «исключений без права поступления в другие учебные заведения», «смертных случаев» в отчете не зафиксировано; «из выставленных баллов видно, что воспитанники пан-

сиона ведут себя вполне удовлетворительно», в чем была и доля заслуг воспитателя-Можаровского (16).

В марте 1885 года А. Можаровский ходатайствовал о предоставлении ему должности инспектора народных училищ. В архивном деле, среди прочих документов содержится отзыв директора гимназии Кремлемберга о Можаровском, который «в течение 10 лет исполнял должность воспитателя при пансионе гимназии усердно и ревностно» (17).

Формулярный список фиксирует также членство А. Можаровского в казанских и московских ученых обществах, поскольку служба была лишь одной стороной его деятельной натуры и совмещалась с литературным творчеством, изучением и сбором материала по истории, фольклору, этнографии местного края.

С созданием Этнографического отдела Казанского общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете в феврале 1870 года, в область исследований которого вошли также фольклор и топонимика, Можаровский вступил в его члены 27 марта 1873 года. В том же году общество опубликовало его «Святочные песни, игры и гадания Казанской губернии, Издание Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете». (Казань 1873). «Советом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящем при Московском университете 12 мая 1877 года Можаровский был избран в число своих членов сотрудников», что также подтверждено формулярным списком Можаровского (18).

в. в российской журнальной и газетной периодике, «Трудах...» и «Записках...» различных ученых обществ, которые, как это видно из статьи Можаровского, не прошли мимо его внимания. Говоря об общеупотребимом сплаве меди и олова для литья колоколов, Можаровский упоминает не только малые колокольчики, отливаемые из серебра на Руси, но и такую русскую диковинку, как два гончарных колокола из глины Соловецкого монастыря, «звон которых был слышен на 60 верст», а ныне висящих без употребления и сохраняемых как археологическая редкость. Обращается он и к преданиям о колоколах, в частности распространенном в вятском народе поверию, о сплетенном для собора большом колоколе из лыка. Касается Можаровский и темы искусства российских звонарей, в том числе звонарей-слепцов в Чистопольском соборе и в Седмиозерной пустыни, их умения вызывать церковные пьесы «Коль славен», «Благообразный Иосиф». Статья не позволяет усомниться в эрудиции Можаровского в области складывавшейся в те годы кампанологии.

Но его собственный подлинно научный вклад в кампанологию XIX в., безусловно, связан с публикацией сведений о колоколах Казанской епархии. Интерес к истории, техническим параметрам

трам, музыкально-акустическим особенностям, колокольной эпиграфики отобразился в появлении во второй половине XIX в. ряда статей российских историков и археологов, не затрагивающих, впрочем, памятники Казанского края. Принципиальное отличие публикаций Можаровского на этом фоне состояло в том, что он впервые провел обследование всего состава наличных на то время колоколов в Чебоксарах, Козьмодемьянске и Казани, включая дефектные, безъязычные и висящие без употребления, чего до него не делал никто (общие труды по истории колоколов в России появятся позже, в начале XX века).

Есть возможность взглянуть глазами самого автора на публикуемый материал: «Вполне осознаем, что труды наши по части этнографии и истории не есть плоды строго научной подготовленности, нет, — они явление случайное, продукт усталых сил, нуждающихся набегом, то в классные перемены, то в дежурной во время уроков, то в канцелярии, то в дорожной тележке или вагоне и на пароходе, то, наконец, на колокольнях <...> Это подготовительный материал, а не законченное знание, это лишь капля в море знаний и лепта в корзину этнографических сокровищ»(3). В статьях Можаровского действительно

даты вступления Можаровского в Общество археологии истории и этнографии при Императорском казанском университете, приводимые в формулярном списке и в протоколах общества, разнятся: 4 сентября 1878 года по формулярному списку и 22 мая того же года по протоколам общества, в чем нет противоречия — даты лишь фиксируют выдвижение в члены на Общем собрании и последовавшего позже утверждения Советом общества. Протоколы Общества позволяют значительно дополнить творческий портрет Можаровского.

Его избрание в действительные члены (также как и Аполлона Можаровского) состоялось уже на втором Чрезвычайном общем собрании 22 мая (первое учредительное собрание состоялось 5 мая) по предложению членов-основателей и почетных членов Н.Я. Агафонова и С.М. Шпилевского (19). В том же году в библиотеку общества Можаровский передал свои книги: «Святочные песни, игры и гадания Казанской губернии» (Казань 1873), «Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стишках и песнях». (М. 1877), «Русский Дон-Кихот богатырь Фома-Крома сын Беренников» (Казань. 1878) (20).

Протоколы фиксируют довольно регулярное присутствие Можаровского на общих собраниях общества, позволяя понять, круг каких вопросов и проблем научной жизни был в поле его зрения, какой вклад вносил он сам в деятельность общества, с кем из представителей университетской корпорации и других исследователей мог общаться (21).

В общем собрании общества 27 января 1879 года Можаровский представил две народные рукописи, приобретенные им в Казанской губернии: «Сны царя Мамера» и «Благочестивые

беседы всяких чинов философов, к людям вопросы и ответы, вкратце речи; слово о создании твари» — «с прочтением из них некоторых выдержек» (22). В протоколе заседания 17 марта 1881 года сообщается о передаче в библиотеку общества Можаровским своего издания «Казанская старина. Нечто из церковной археологии г. Чебоксар» (Казань 1881) (23). В очередном собрании 25 октября 1885 года Можаровский «передал в распоряжение общества купчую крепость на продажу одной крестьянской девицы, совершенную 195 лет тому назад в Тобольске». Рукопись сохранилась в архиве Общества. В том же заседании он представил свое заключение на статью Рябинского «Стишки крестьянских детей сел Астраханки и Карташих Лайшевского уезда», поступившую в общество (24). Рукопись «Отзыв о статье г. Рябинского «Стишки крестьянских детей и нечто по поводу стишков. 1885» объемом 8 листов сохранилась в архиве Общества (25).

И хотя дальнейшая деятельность Можаровского в Обществе в связи с переменой места службы сошла на нет (имя его не встречается далее в протоколах собраний и на страницах Известий Общества..., хотя и упомянуто в списках членов в 1895 году, официальная же публикация в протоколе — «считать выбывшими из состава общества Ал.Ф. и Апп. Ф. Можаровских» появилась в 1899 году» (26).

Хроники участия Можаровского в деятельности Общества дополняют документы архива Общества, хранящиеся в Отделе рукописей и редких книг университетской библиотеки. В рукописном (неоконченном) «Каталоге архива рукописей актов и материалов Общества археологии

нет (и не могло быть) аналитики, наработанной исследователями в области кампанологии позже, в начале XX — XXI веков. Он не сверяет и не дополняет полученные данные с историческими источниками, церковными описями, монастырскими приходно-расходными книгами, не касается вопросов технологии производства, ограничиваясь, главным образом, лишь собственными визуально установленными фактами, что и составляет непреходящую ценность его заметок: «Прошлое лето мне случилось прожить в Чебоксарах несколько недель. И я из любознательности побывал на всех колокольнях, сосчитал все колокола, прочитал колокольные надписи и не мало удивлял коренных жителей города Чебоксар, когда сообщал им, что на чебоксарских колокольнях всех колоколов ни много ни мало: 122, из коих один в 300, а другой даже более 300 пудов» (4).

Статьи Можаровского содержат богатый фактический материал, включающий результаты обследований 14 церквей и колоколен Чебоксар, 28 казанских церквей, 6 — козьмодемьянских, количество колоколов на каждой колокольне, надписи на колоколах и указание их веса. Отмечает он и колокола, примечательные по форме и древности. Обращает на себя внимание и компетентность Можаровского в правиль-

ном подборе и развеске колокольного набора, необходимого численного состава колоколов, зависимости от этого музыкально-акустических особенностей звона, архитектурных особенностей колоколен, колокольной эпиграфики и художественных особенностей декора колоколов.

Описывая чебоксарские колокола он обращает внимание на изменениях в местной топонимике – Чушкар-город, Шибаксара, Чебоксар (единственное число, употребляемое на колоколах до 1825 года), Чебоксары (множественное число после 1825 г.) «Впрочем, которое название древнее – это еще вопрос», отмечает Можаровский, ссылаясь на грамоты Введенского собора XVII в., в которых Чебоксары упоминаются во множественном числе «в Чебоксарех» (5).

Будучи сыном дьячка, он, что называется из первых рук (если не на собственном опыте) усвоил приемы размещения колоколов на колокольнях и оптимальный численный состав их набора, обязательные для гармоничного звона. Несмотря на обилие колоколов в Чебоксарах, отмечает Можаровский (наибольшее их число было на колокольне Николаевского собора или у «Предтечи», как называли его в народе – 12, в Троицком монастыре – 11, у Введенского со-

истории и этнографии при Императорском Казанском университете», значатся две рукописи Можаровского: «№ 551. На день годовщины Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете (19 марта 1879 года) Стихотворение Александра Можаровского (от Н.П. Загоскина)» и «№ 554. Иван Александрович Сахаров за время служения в Первой Казанской гимназии, ныне императорской. Александра Можаровского. 1885 г.» (27). Последняя сохранилась в архиве (28).

В «Каталоге библиотеки Общества» значатся две выше названные книги А.Можаровского: «№ 81. «Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах остротах, стишках и песнях» (М.. 1877) и «№ 82 «Русский Дон-Кихот богатырь Фома-Крома сын Беренников. Написал и издал с пожертвованием половины прибыли Обществу Красного Креста, на детей убитых и раненых воинов» (Казань. 1878)

Не смотря на то, что еще при жизни Можаровский покинул общество, память о нем сохранялась новыми членами, и впоследствии на его кончину общество откликнулось некрологом Н.Ф. Катанова (29) .

С переменой места службы деятельность Можаровского по сбору этнографического материала и его публикаций, а также творчество в жанре детской стихотворной сказки продолжались. В 1900 году он стал действительным членом Саратовского губернского статистического комитета, с 16 ноября 1902 года действительным членом вошел в состав Саратовской ученой архивной комиссии.

Выход Можаровского в отставку ознаменовался также 25-летним юбилеем его литературной деятельности, что отметил на страницах

«Казанского телеграфа» Н.Я. Агафонов: «14 августа этого года исполняется 25-летие литературной деятельности скромного, но весьма почтенного труженика Александра Федоровича Можаровского, автора многих исторических статей, а также детских книг, написанных большей частью в стихах, простым, всякому понятным языком, изображающим русский народный быт с его поверьями, сказками и поэтическим воззрением на природу... Во всех местах своей службы Александр Федорович оставил по себе самые лесные воспоминания; все, кто знал его близко привыкли питать к нему чувство глубокого уважения. Как и пишущий эти строки. Пожелаем, чтобы проводя остаток жизни среди свободы и отдыха, Александр Федорович укрепил свои силы и не покидал симпатичной литературной деятельности» (30).

Так оно и было — творческая деятельность Можаровского не прекращалась. В Тамбове он также стал действительным членом Тамбовской ученой архивной комиссии, в 1903 году опубликовал упоминаемый выше сборник «Отголоски старины и народности. Собрание очерков и заметок из периодических изданий»». Сборник представляет особый интерес разнообразием ранее опубликованного материала, рассеянного по страницам периодических изданий, отдельный раздел сборника составляли памятники письменности, а также особый раздел «Из экскурсий на колокольни», о котором шла речь выше. В сборник вошла также ранее не публиковавшаяся глава «Аполлон Федорович Можаровский», раскрывающая родственные связи и характер взаимоотношений между братьями. Не лишне, на наш взгляд, предварить ее некоторыми

бора — 10 и ряда других), «звон в Чебоксарах хотя и громкий, но весьма нестройный. Причины нестройного звона, по моим наблюдениям, следующие: во-первых — неумелость звонить церковных сторожей, нередко из чуваш; во-вторых, совершенно несподручно звонить тогда, когда неправильно размещены колокола, т.е., когда зазвончики висят слева, а переборные-справа, что в Чебоксарах возможно, я это заметил, не помню где; <...> в-третьих, гармоничность звона не мало нарушает излишек колоколов. Чтобы стройно трезвонить одному человеку, для этого нужно не более 5—6 колоколов: 2 зазвончика в правую руку, 2 или 3 переборных в левую руку и 1 большой для левой ноги. В большее количество колоколов музыкально трезвонить способны только избранные, у которых хорошо развит слух» (6). Особого отношения к колокольному звону Можаровский не изжил в себе до конца своих дней. Описывая свою московскую квартиру в письме другу, казанскому краеведу, коллекционеру и библиофилу Н. Я. Агафонову, он не без иронии в свой адрес отмечает:

«Из спальной вид на колокольню
А там звонят и как звонят!
За этот звон отдать не жалко
Свою мне лиру с брякотней.
И в колокольне мне находка
С Пarnас, не меньше высотой,

*А так как тот Парнас далеко,
И недоступен старикам,
То я как дьяческий потомок
Хочу пристроиться петь там»*
(7).

К колоколам в народе всегда было особое отношение, их наделяли личными именами, отливали по обету, отправляли в ссылку и т.п. Присуще оно и Можаровскому. Перечисление колокольной эпиграфики, дат, имен мастеров, церковных иерархов, российских государей и «доброхотодателей», при которых они отливались, сопровождается собственными переживаниями, отношением к колоколам не только как необходимому и обязательному предмету культа, но и живым носителям памяти исторических событий в жизни многих поколений людей: «Прочитывая колокольные надписи и годы, я думал: этот колокол гудел при встрече Петра I, этот — Екатерины Великой, этот — Павла Петровича и т.д. Но как было досадно и грустно слезать с той колокольни, на которой все колоколы повешены между тесными оконными арками или так высоко, что ничего нельзя прочитать, не имея лестницы. Чтобы сколько-нибудь удовлетворить возбудившееся любопытство в таких случаях я употреблял уже маленькую хитрость. Брал я ломоть мягкого хлеба, и где недоставал глаз, но доставала рука, делал отпечатки надписей на хлебе» (8). Отливка

сведениями. В автобиографическом по содержанию стихотворении А. Можаровский писал о семье:

*«Я родился в Бежбатмане
От церковного дьячка
У которого в кармане
Не водилось пятака.
Все его доходы, лепты
Выходили на детей —
У отца с моим рождением
Стало трое сыновей.
Да две дочери подростки
И законная жена
О детях своих заботой
День и ночь удрученя»* (31).

Наиболее известный представитель этой семьи — один из трех сыновей Аполлон Федорович Можаровский (1841-1900), воспитанник Казанской духовной академии, магистр богословия, церковный историк, автор трудов по истории христианизации, религиозному просвещению и языческим верованиям народов Среднего Поволжья. Еще один сын — Иван Федорович известен лишь по неопубликованному (и не расшифрованному) черновику воспоминаний о нем соученика по духовной семинарии этнографа В.К. Магницкого, (ныне — в Отделе рукописей и редких книг университетской библиотеки). Не удалось обнаружить сведения о сестрах А.Можаровского. Имена родителей — отца — Федора Алексеевича Можаровского и матери — Пелагеи Андреевны, урожденной Степницкой, приведены в статьях о Апп. Ф. Можаровском в «Нижегородских губернских ведомостях» (1889, №№ 18-20-15).

«Не имея ни малейшей возможности увековечить память брата собранием сочинений, как по неимению средств, времени и здоровья, так и по тому, что не имею под руками массы его сочинений» (32), Можаровский тем не менее привел биобиографическую заметку о брате, список периодических из-

даний — столичных и местных, в которых печатались его статьи, и названия 162 публикаций за 30 лет, а также фрагменты некоторых писем из их переписки. То обстоятельство, что публикации имели для Можаровских еще и практический материальный смысл, подтверждают слова Аполлона Федоровича из письма к брату: «При недомогании и строки бы не написал, да нужда велика, — заставляет щепочки грызть» (33). Характер взаимоотношений братьев отчасти раскрывает обращение Аполлона к Александру в одном из писем: «Всегда присущий тебе и в мыслях не отделимый с тобою ...» (34). Братьев безусловно роднили не только кровные узы, но и круг исследовательских интересов. В последнем письме от 4 января 1900 года Аполлон Федорович писал: «Верь же, Саша, мы с тобой — истовые бежбатманцы — в жизнь свою не небо коптили только — потомки скажут и нам спасибо» (35). Память о своих корнях, о своей малой родине, в конечном итоге — о самоиндикации в том плавильном кotle народов, который представляло собой Среднее Поволжье, присущи в равной мере и Аполлону и Александру. Аполлон Федорович Можаровский прямо говорит об этом в своем сообщении «Где искать в наше время потомков тех можар, которые в 1551 году среди поля Арского бились с Казанцами верные присяге Русскому царю» на IV Археологическом съезде в Казани в 1877 году. Александр Федорович среди трех псевдонимов, которыми подписывал свои публикации, один также связал с можарами — «Можарский» (36). Было ли это всего лишь поэтической метафорой на тему происхождения своей фамилии, или на то были реальные основания — вопрос риторический. Так или иначе, оба брата тяготели к этнографии

надписей на колоколе — давняя и широко развитая традиция, кульминация которой приходится на XVII столетие. Не угасала она и в XIX веке. Надписи являются носителями содержательной информации исторического характера, одновременно выполняя самостоятельную декоративную функцию.

Наличие молитвенных надписей Можаровский отмечает лишь на пяти чебоксарских колоколах: «На полиелейном у Вознесения: «Взыде Бог с воскликновением, Господь во гласе трубне»; на будничном той же церкви вылито: «Во славу Святые, Едино сущные и нераздельные Троицы Отца и Сына и св. Духа»; этот же стих на праздничном колоколе у Покрова; на большом колоколе у Рождества Христова вылит кондак храмового праздника: «Дева днесь пресущественного рождает» и т.д.; на полиелее Введенского собора вылита мастером Мельниковым следующая характерная надпись: «Из уст безсловесных всех верующих к себе в храм сзываю. О если б я имел столько сил, чтобы умных овец всех во двор к себе обратил» (9). Наиболее пространная надпись, из воспроизведенных Можаровским, была на большом колоколе Казанского Богоодицкого монастыря в Казани: «Благовестите день о дне спасения Бога нашего. Возвестим славу Его во

всех людях. На гору высоку взыди благовествуя Сиону возвыси крепости глас твой благовествуя чудеси Его. Благовествуйте живущим на земли и всякому племени и языку, и колену, и людям. Иерусалиму глаголующее гласом великим: убойтесь Бога и дадите Ему Славу Его и грядит час суда Его, и поклонитесь Сотворившему небо, и землю, и море, и источники водные. Господи, призри из дома святого твоего на нас и вонми нам и преклони ухо твое и услыши нас. Высовий царю, непостижимый, со Отцем седая на престоле и Божественным духом благоволивый родитеся на земли от Девы неискусобрачныя, Иисусе, ущедряя твое создание человеческое естество неизреченными добродатами твоей матери. Во славу святые единосущные, животворящие и нераздельные Троицы, Отца и Сына и Святого духа». Этот уникальный по своей надписи колокол был отлит в Казани мещанином Петром Корюховым в 1849 году. На одном из 9 колоколов Казанской Варваринской церкви было отлито: «Хвалите небеса Божью славу благовествуй, земле радость велию» (1821 г., мастер И.Е. Астраханцев). Большой колокол церкви Ильи Пророка имел надпись: «Гласом моим ко господу Возвах: придете людие во храм спасения Бога нашего» (1851 г., мастер П.Н. Кирюхов). На одном из 9 колоколов Борисоглебской

фии и изучению быта и фольклора народов Поволжья, чьему посвятили не мало статей. Таким образом, не проясненный до сих пор вопрос о родстве двух Можаровских можно считать установленным.

В Отделе рукописей и редких книг университетской библиотеки хранится еще один удивительный по своей исповедальности документ, возможно, последний в жизни автора — свидетельство близких дружеских отношений Можаровского с Н. Я. Агафоновым: «Дружеское послание (Epistola) Николаю Яковлевичу Агафонову от Александра Можаровского. 26 марта 1905 года. При посылке книг: Лиса Патрикевна, Отдых от труда, Отголоски старины и народности, Сказки лукоморского кота и Рассказы кота в сапогах. Эпистола была написана взамен надписей не сделанных на трех книгах. Москва. Грузинская площадь. Д. Гульшина № 23, квартира 23» (37). В нем Можаровский пишет о взаимоотношениях с литературой критикой, с цензурным комитетом, причинах переезда в Москву и образе жизни, семье и родственниках. Подводя итоги своей творческой и поэтической в том числе деятельности, Можаровский не без гордости пишет и о сыне (впоследствии, крупном ученым):

«Наш сын студент второго курса
Теперь, как все, забастовал
И вдохновенно что-то пишет,
Пред тем картину рисовал,
Порой поет, порой играет!
На все таланты получил
И я в лирическом творенье
Ему уж пальму уступил.
Не знаю, как-то будет дальше,
Но этот год его пропал.
Стремиться ехать он в Лозанну,
Не раз об этом говорил.
Я данных против не имею;
В России всюду ерунда,
Наверно там учиться лучше
Там нет нагаек, здесь беда!» (38).

Заканчивается поэтическое послание Н.Я. Агафонову прозаическим примечанием: «Дневником скорбного поэта» мной было названо собрание таких откровенных стихотворений, какие обыкновенно пишутся только в дневниках. Дневник мой разделялся на три отдела: I заключал стихотворение автобиографического типа, II с авторской исповедью и отповедью по поводу нападок на мои сочинения, и III речи и послания о важных событиях из служебной и литературной деятельности вроде настоящего, но многие послания были писаны по адресу греческих муз, — и потому за незнанием точных их адреса были отправлены вместо их в Казанское отделение цензурного комитета вместе с предыдущими отделами. Весь дневник занимал 175 страниц. Это мое богатство, скопленное за 25 лет литературной деятельности, я готовился издать к юбилею Лисы Патрикеевны в 50 экземпляров, так сказать, *pro domo suo*, единственное для того, чтобы подарить от души задушевной книжкой своих честивателей, родных и искренних друзей. Но вышло не так: гордым Бог противится: 8 или 9 июня 1902 года, когда я пировал свадьбу дочери Нини, рукопись, с которой даже не было оставлено себе копии, в Казанской цензуре у Пинегина сгорела. И чего он, чудак, держал ее с 4 марта, не смотря на напоминание? Я даже сомневаюсь, сгорела ли она? Уведомление я получил частное, а не официальное. В рукописи были и те стихи, которые я Вам написал по поводу Камско-Волжской газеты. Если они у Вас сохраняются, то Николай Яковлевич, не пришлете ли копию. Я дорожу каждой строчкой, кой-что собрал, но более 2/3 погибло безвозвратно и взять неоткуда. Жаль!» (39).

церкви в Плетенях в Казани надпись гласила: «Глас мой спящих возбуждает поспешить во храм к творцу от сует нас призывают к милосердному Отцу» (1843 г., мастер Л.С. Рукавишников). Этот стих неоднократно повторялся на казанских колоколах, обследованных Можаровским.

Сравнивая колокола вятской, казанской и чебоксарской работы, Можаровский обращает внимание на такую отличительную особенность всех колоколов, «вышедших из рук чебоксарских мастеров» как надписи вязью, «тогда как казанские мастера делали надпись всегда полууставом, а Бакулевы — курсивом» (10).

В соответствии с традицией на больших колоколах кроме веса, места, времени литья и имени мастера, означены также имена августейших особ и местных преосвященных. Перечисление в колокольных надписях всех особ царствующего семейства с полными их титулами также имело давнюю традицию. Интересно, что по сведениям Можаровского, подобные надписи помещались не только на стопудовиках, но и на совсем небольших колоколах, таких, как один из колоколов Спасо-Преображенского мужского монастыря в Казани: «При державе Благочестивейшая Самодержавнейшая великой Государыни Императрицы Елизаветы Петров-

ны всея России при наследнике ее цесаревиче Великом Князе Петре Федоровиче и супруге Благоверной Государыни Великой Княгини Екатерине Алексеевне и Благоверном государе Великом Князе Павле Петровиче лит сей колокол 1757 года июля 31 дня весу в нем 32 пуда 1 фунт. Лил сей колокол мастер котельник Тимофей Степанов Веригин». Приводит Можаровский подобную же надпись и на втором из 14 колоколов Владимирского собора, датированном 1804 годом: «Во славу Святого Триипостастного Божества в собор пресвятой Богородицы Владимирской при державе Благочестивейшего государя Императора Александра Павловича всея России при супруге его Благочестивейшей Государыни Императрицы Елизавете Алексеевне и матери его Благочестивейшей Императрицы Марии Федоровны и благословением Преосвященнейшего Павла архиепископа Казанского и Симбирского и кавалера вылит сей колокол означенного собора при протопопе Василие Семенове иждивением от доброхотнодателей, весу в нем 109 пудов 37,5 фунтов. Лил мастер Аван Ефимов Астраханец 1804 года». К концу XIX столетия подобные надписи упрощаются, сводясь лишь к имени и титулу правящего государя, как это видно по приводимым Можаровским колокольным надписям.

Дополняет представление о творчестве А. Можаровского его книга «Мур Котович Хвостов. Друзья на добрую память» (Вольск. 1899), в которой история героя без труда проецируется на самого автора. Кроме того, в издании приведен «Библиографический указатель печатных трудов, отзывов и перепечаток», составленный самим автором: «с той целью, чтобы положить точную границу между сочинениями родных братьев Можаровских, часто смешиваемых как по одинаковым инициалам, так и другим сходным признакам» (40). В Указатель Можаровский включил 35 публикаций за 1865-1899 годы, каждая сопровождается перечнем отзывов в периодической печати Казани, Москвы, Петербурга, Саратова (всего в 27 изданиях). Первое опубликованное произведение Можаровского относится ко времени обучения в Казанской духовной семинарии: «Детская песенка: «Поедем-ка мы, женушка, торги торговать» («Учитель». 1865. 15 января, подпись: Можарский.). Об этом Можаровский и написал в «Муре Котовиче Хвостове»:

«Шел в науках он не бойко
За латынью все дремал,
Лишь на русском ожидался,
Быть поэтом, вишь, мечтал»

(41).

В этой же книжечке приведены сведения и об извлечениях из публикаций Можаровского в трудах ряда авторов: Н.Н. Булича, В.К Магницкого, И.А. Износкова, А. Пыпина, Е.В. Барсова, Н.Ф. Юшкова, С.М. Шпилевского, Е.А. Покровского.

Справедливости ради надо отметить, что несмотря на сетования автора, публикация его детских сказок продолжалась и в 1900-е годы рядом московских издательств, а «Лиса Патриеевна: сказка песня для детей. Составлена из народных басен и песен русского животного эпоса» выдержала 5 изданий, последнее в

1904 г. были изданы «Сказки лукоморского кота. 1. Зайкина избушка. 2. Проказы Лисы Котофеевны» (М. 1904), «Козлятушки-детяташки: фантастический рассказ. С рисунками Литвиненко. (М.1905), «Волк Евстифей и Михайло Потапыч: сказка для детей А. Можаровского (С рисунками В.В. Спасского) (М. 1909).

Таким образом, материалы казанских архивов позволяют составить представление о Александре Можаровском, как о весьма колоритной и неординарной личности.

Обретет ли творчество Александра Можаровского почитателей в наше время? Скорее, лишь краеведы и историки воздадут должное выходцу из духовного сословия, интеллигенту в первом поколении, настойчиво преодолевающему узкие рамки, в которые поставила его судьба происхождением, жизненными обстоятельствами, необходимостью обеспечивать себя и свою семью, сохраняя при этом до конца жизни приверженность своему скромному дару.

Статьи же Можаровского о колоколах, итог большой практической работы по их описанию, как по новизне темы, так и по характеру освещения, сохранят значение первоисточника, как в ряду современных ему публикаций, так и в истории казанской кампанологии, интерес к которой возрождается в наше время. Статьям Можаровского по праву принадлежит значение отправной точки в изучении истории колокольного дела в Казанской епархии.

Из имен церковных иерархов Чебоксар «заботящихся о слитии колоколов» Можаровским выявлены (опять-таки только по колокольным надписям) имена игумена Троицкого монастыря Исидора с братией (1777 год), соборного протоиерея Игнатия Адрианова (1778 год), священника Покровской церкви Алексея Петрова (1805 год), священника Благовещенской церкви Афанасия Воронцова (1823 год), соборного протоиерея Георгия Аделевского (1825 год). На казанских колоколах, помимо имен игумений Казанского монастыря Досифеи и Назареты, архиепископов Казанских и Свияжских Павла, Григория, Амвросия и Серапиона, порой приведены имена священников церкви и церковных старост, «по старанию» которых отливался колокол. Это священник Покровской церкви Тимофей Егоров, Успенского собора – Егор Иванов, Духосоштвенской церкви – Яков Игнатьев, протоиерей Петропавловского собора Виктор Петрович Вишневецкий и староста Савелий Степанович Зайцев, священник Вознесенской церкви Федор Протопопов и староста Алексей Филатов, протоиерей Воскресенской церкви Иоанн Трофимов, староста церкви Четырех евангелистов Гаврила Maximovich Санников и священноиерей Дмитрий. Один из колоколов Тихвинской церкви

фото Георгия Розова

был лит при «священнике Симеоне Тихомирове, дьяконе Иоанне Кедрове и церковном старосте Гавриле Чепарине».

Большинство колоколов отливались на добровольные пожертвования «усердствующих прихожан», о чем, как правило, и сообщала надпись на колоколе. В случае особо крупных пожертвований указывались имена дарителей. В статье о чебоксарских колоколах Можаровский приводит имена купцов: Алексея Кадомцева и Мартына Вениаминова (1750 год), купца первой гильдии Гаврилы Григорьевича Бронникова (1779 год), второй гильдии

купца Афанасия Васильева Колокольникова (1805 год), купеческого сына Тимофея Поздина (1823 год), колокольного мастера Петра Артемьева-Мельникова (1821 г.), купца Клюева, статского советника Кудряшева (1824 год). На казанских колоколах в числе жертвователей обозначены имена казанского купца 2 гильдии колоколозаводчика Ильи Ефимовича Астраханцева, подполковника Николая Никитича Чичагова, купца и церковного старосты Петра Свешникова, купца Петра Ивановича Богдановского, известных землевладельцев из рода дворян Молостовых Петра и Николая Молостовых... Благо-

Примечания

- 1. Можаровский А. Казанская старина. Нечто из церковной археологии города Чебоксар// Казанские губернские ведомости 1881. № 11. С. 69; Материалы для статистики казанских колоколов. Сообщение Александра Можаровского//Казанские губернские ведомости. 1882. № 8. С.3; А. Можаровский Казанские колокола// Казанские губернские ведомости. 1884. № 75. С.3; Александр Можаровский. Казанские колокола//Казанские губернские ведомости. 1885. № 63. С.3; А. Можаровский. Козьмодемьянские церковные колокола// Казанские губернские ведомости. 1885. № 14. С.3).
- 2. «Отголоски старины и народности. Собрание очерков и заметок из периодических изданий действительного члена Тамбовской ученой архивной комиссии Ал. Можаровского».- Тамбов. 1903. С. .122-125
- 3. Отголоски старины и народности, с.3
- 4. Можаровский А. Казанская старина. Нечто из церковной археологии города Чебоксар// Казанские губернские ведомости. 1881. № 11. С. 69
- 5. Можаровский А. Казанская старина. С. 69
- 6. Можаровский А. Казанская старина. С. 69
- 7. Можаровский Александр Федорович. Дружеское послание (Epistola) Николаю Яковлевичу Агафонову от А. Можаровского 20 марта 1905 г. Москва./ОРРК НБ им. Н.И. Лобачевского КГФУ. № 55. Л. 11
- 8. Можаровский А. Казанская старина, с. 69
- 9. Там же. С. 69.
- 10. Там же

тврительствовало казанское купечество и за пределами Казани — купцы Александров и Павел Александрович Прибыткин пожертвовали колокола женской черемисской общине. Таким образом, публикации Можаровского о колоколах могут послужить дополнительным источником сведений для историков купечества и духовенства.

Статьи Можаровского предо-
ставляют возможность вернуть
в научный оборот и имена ныне
забытых мастеров — чебоксар-
цев и казанцев, чьи колокола
давно утрачены. Их, работавших
в середине XVIII — первой по-
ловине XIX вв., по сведениям

Можаровского, в Чебоксарах насчитывалось одиннадцать, в Казани — тринадцать мастеров. Не мало было и Бакулевских, вятских колоколов. Имелся в Казани даже колокол, отлитый на знаменитых Невьянских заводах Акинфия Демидова, а в Козьмодемьянске, при Богоявленской церкви был, колокол отлитый на известном на всю Россию заводе Торгового Дома почетного гражданина «П.И. Оловянишникова Сыносья» (сбыт колоколов этого товарищества распространялся далеко за пределы России — в Черногорию, Грецию, Болгию, Австрию и даже в Константинополь). Надписи на колоколах, за-

- 11. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.12190. Л. 1.
  - 12. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.12190. Л. 5-8, 9-10
  - 13. НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д.7656. Л. 119-124
  - 14. НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д.7656. Л. 119 об.
  - 15. НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д.7656. Л. 119 об.-120
  - 16. НА РТ. Ф. 92. Оп.1. Ед. хр. 17074. Л. 20
  - 17. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.12190. Л. 1-1 об.
  - 18. НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д.7656. Л. 123 об.
  - 19. ОАИЭ. Т.І. 1878 год. — Казань. 1879. С. 23
  - 20. ИОАИЭ. 1878. №3. — Казань 1779. С. 73
  - 21. В 1878 г. году Можаровский дважды присутствовал в общих собраниях общества — 31 октября и 30 ноября (14. ИОАИЭ. 1878. Т. I. № 4. — Казань 1879. С.85, 118). В 1879 году Можаровский присутствовал на 4 собраниях общества — 27 января, 28 февраля ,11 апреля и 15 ноября, (15. ИОАИЭ. Т. II. 1879 год. - Казань 1880. С.24, 40, 47, 70). В сезон 1880 -1881 г. Можаровский с той же регулярностью посещал собрания общества: 29 января, 10 апреля, 16 октября 1880 г., 17 марта, 16 мая, 30 октября, 25 ноября 1881 г. (16. ИОАИЭ. Т.ІV. 1883. — Казань 1884. Протоколы заседаний совета и общих собраний общества. С. 5. 13, 25, 51, 64, 75) В 1882 -1883 г. в протоколах собраний в числе присутствующих имя Можаровского упомянуто дважды: 27 января 1882 г. и 18 марта 1883 г. (17. ИОАИЭ. Т.В. 1884 г. — Казань 1884. С. 9, 61).

фиксированные Можаровским, порой указывают не только имя мастера, но и местоположение литейного завода. Так, надпись одного из 7 колоколов церкви Николы Девичья гласит: «Вылит сей колокол в Царствующем граде Казани в слободе Подлужной в заводе купца Луки Степановича Рукавишникова...».

Колокола чебоксарской работы выявлены Можаровским как в самих Чебоксарах, так и в Казани, где на семи колокольнях обнаружены колокола работы Иосифа Антильева, Стефана Андреева, дьякона Григория Иванова, Степана Демьянова, а также

в Козьмодемьянске на четырех колокольнях колокола Василия Иванова Рязанова и Григория Иванова Визина. Именно чебоксарским мастерам принадлежат самые старые колокола, выявленные Можаровским в Казани — середины-второй половины XVIII века. Выезжали чебоксарские мастера для работы и в другие города. Возможность расширить сведения о чебоксарских и казанских мастерах предоставляют также публикации Е. Малова, Оловянишникова Н. И., Рыбушкина М. С., Спицына А., Крековского А., а также немногочисленные архивные документы, выявленные автором. Колокола

Примечания

- 22. ИОАИЭ. Т. II. 1879 год. — Казань 1880. С.24, 40, 47, 70).
- 23. ИОАИЭ. Т.IV. 1883. — Казань 1884. Протоколы заседаний совета и общих собраний общества. С. 5. 13, 25, 51, 64, 75
- 24. ИОАИЭ. Т.VI. Вып. 1. Извлечения из протоколов Совета и очередных собраний Общества за 1885 г. — Казань 1886. С. 12, 43-44.
- 25. OPPK. № 1324 Л.1-8
- 26. ИОАИЭ, Т. XVI. Вып. 2 . Приложения. Протоколы общих собраний. 23 февраля 1889 г. С.5).
- 27. OPPK НБ КФУ. № 3.809. Каталог архива рукописей актов и материалов. Л.181, 183
- 28. OPPK НБ КГФУ. Архив ОАИЭ. № 1482
- 29. «Памяти действительного члена Общества Александра Федоровича Можаровского. 1846-1907) //Известия Общества археологии истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т.XXIII. вып. 5. — 1908. С. 389-390).
- 30. Ко дню 25-летия литературной деятельности А.Ф. Можаровского. Н.А.// Казанский телеграф. 1902. № 2891. 6 августа)
- 31. Там же.
- 32. Отголоски старины и народности. Собрание очерков и заметок из периодических изданий действительного члена Тамбовской ученой архивной комиссии Ал. Можаровского. — Тамбов. 1903. с.107

чебаксарской работы были в Седмиозерной пустыни под Казанью, в Свияжском Богородице-Успенском монастыре, в селе Христорождествено Уржумского уезда Вятской губернии. Но в сравнении с этими фрагментарными сведениями, статьи Можаровского остались единственными в своем роде: ни до, ни после не появилось работ, целиком посвященных исключительно колоколам Казанской епархии.

**|| ЗВЛЕЧЕНИЕ из статей А. Можаровского
о колоколах были включены
С. Монастырским в «Иллюстрирован-
ный спутник по Волге» (Казань. 1884).
Но не появилось ни одного отзыва
на этот огромный труд,
ни при жизни автора, ни позже.**

- 33. Там же. С. 118
  - 34. Там же. С. 118
  - 35. Там же. С.121
  - 36. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 томах. — М.1960. Т.4. С.322
  - 37. ОРПК Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского Федерального университета. рукопись. № 55. Л. 1-20
  - 38. Борис Александрович Можаровский (1882-1948), крестник друга отца, В.К. Магницкого, выпускник Московского университета, доктор наук, профессор, лауреат Сталинской премии, первооткрыватель газовых месторождений в Саратовской области и гордость Саратовского университета.
  - 39. ОРПК. № 55. Л.20 об..
  - 40. А. Можаровский. Мур Котович Хвостов. Друзьям на добрую память. — Вольск. 1899. С.22
  - 41. Там же. С.5

**Райфские
были**

Г.А. Мюллер

стр. 142 -157

настырь Раифский Богородицкий мужской монастырь

Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий мужской монастырь

пудлингистика

5

фото Дмитрия Севрюгина

УТРАНИЦЫ ЛЕТОПИСИ

III. ПОСТСКРИПТУМ

**Георгий
Александрович
МЮЛЛЕР,**
историк-краевед

Райфские Были

быль Первая.

мы едем в Раифу

«Раифа по тебе плачет». Слова эти, брошенные директором школы в адрес неисправимого хулигана, двоечника и второгодника, давно стоящего на внутришкольном учете, а также и в детской комнате милиции, не были пустой угрозой. Решение комиссии по делам несовершеннолетних давало «путевку» на исправление трудному подростку в «грозную Раифу». То была крайняя мера наказания.

Теплым июньским днем 1959 года наш экскурсионный «ЛАЗ» вез нас на экскурсию в загадочную и пугающую Раифу. Автобус петляет среди дремучего леса и, неожиданно, останавливается. Двадцать пять пар ребячих глаз устремляются в сторону непроходимого болота, из-за которого, на фоне холодно глядящего неба, вырисовывались изрядно порушенные, окутанные колючей проволокой, кирпичные, давно небеленные стены, деревянные вышки часовых по углам. Наш физрук Василий Григорьевич поясняет: « Вот она, Раифская колония. Там ваш Шмелёв сидит. Доигрался, вот теперь баланду хлебает. Была б моя воля, и вас кой-кого за компанию не мешало бы туда отправить». Рыжего верзилу Шмелева, безнадежного второгодника, его кулаки и зуботычины мы все помним. Помним, как он держал в страхе весь школьный двор. В который раз, не перешагнув рубеж 4 класса, он, наконец, бесследно исчез, ко всеобщей радости и покою.

Но мы едем не в детскую тюрьму, куда так просто не пускают. Нас сегодня принимают в пионеры, и не где-то в душной пионерской комнате школы, а на могиле чекистов, которые,

как нам объяснили, погибли за наше счастливое детство. Неожиданно кто-то кричит: «Глядите! Лось, лось на болоте». Действительно: с кочки на кочку, проваливаясь и резво выскакивая, скакет молодой лось. «Из колонии сбег!» — кричит кто-то, и автобус оглашается дружный хохотом.

БЫЛ ВТОРЯЙ. РАИФСКИЙ ТРОПЯНЬ

Хорошо помню дождливое лето 1963 года. Частые грозы с ливнями чередовались жаркими днями, обычно проводимыми на Волге. Мой отец, опытный ветврач, возглавлял тогда ветслужбу Зеленодольска и района. В то лето то тут, то там вспыхивали очаги эпидемии ящура, и отец на своем зеленом газике с синим крестом ежедневно колесил по необъятному Зеленодольскому району, часто не ночуя дома сутками. Мы, т.е. моя семья, жили тогда на западной окраине Зеленодольска. Как-то воскресным днем всей семьей задумали ехать на моторной лодке отдохнуть. Но куда там! Примчался на мотоцикле санитар, что-то сообщил отцу и тот, оставив все, умчался вместе с ним, бросив нам на ходу: «Сибирка посетила! По северной границе района». Очаг этой сибирской язвы вскоре был потушен, но отец ежедневно продолжал ездить по селам далекой стороны, граничащей с марийским краем. Однажды отец взял меня и моих уличных товарищ с собой, соблазнив обилием грибов в тех далеких краях.

Старый грузовой «УРАЛ-ЗИС» с фанерным кузовом и надписью «Ветеринарная амбулатория» долго вез нас по тряским грунтовым дорогам. Мы сидели с корзинами на тюках каких-то медикаментов. Наконец, нас высадили. Шофер отца, много лет работавший с ним, прошедший школу фронтового бездорожья, Володя Маркин, показал нам с высокой горы величавую картину еловых и сосновых боров, березовых перелесков. «Держитесь дороги и опушек, в чащи не углубляйтесь, заблудитесь. Обойдете все, и вон у подножия той высокой горы я вас встречу через 6 часов. Увидите надпись «Раифский заповедник». Ждите меня в деревянной синей будке».

Через 6 часов, нагруженные грибами сверх всякой меры, мы встретили нашу машину. На этот раз она шла порожняком.

Отец из кабины сказал нам: «Я оставляю вас у директора заповедника Мариновича. У меня еще дел невпроворот. Вас накормят, напоят, покажут дендрарий и сводят на лосиную ферму. Тут я и вернусь».

И вот мы, трое зеленодольских мальчишек, сидим в просторном доме Андрея Петровича Мариновича за большим длинным столом из толстых досок. Стол ладно скроен, вокруг него — красиво срезанные кряжи вековых сосен, используемые, как топчаны для сидения. На стенах дома — охотничья амуниция. Нас занимает муляж головы лося, на рогах которого висит диковинное длинное ружье со стволовом в виде раструба. Андрей Петрович куда-то вышел, и мы спешно осматриваем это оружие мушкетеров, залезая и щупая руками всю конструкцию. Дочь Мариновича, по виду наша ровесница, разливает нам из глиняной крынки простоквашу, и мы с волчьим аппетитом уплетаем гигантский каравай еще горячего ржаного хлеба из местной пекарни. Аандрей Петрович застает нас за исследованием ружья. Заметив наш интерес к нему, поясняет: «Это, ребята, охотничья фузеля. С таким ружьем ходили на охоту лет 200 назад».

Вскоре нас передали словоохотливому лесничему со смешной фамилией — Дерюга. Он познакомил нас с дендрарием, удивительным собранием редких экзотических деревьев. Здесь же мы знакомимся с интереснейшим ученым Евгением Павловичем Кнопре. Он повел нас к себе на лосеферму и подробно рассказывал, как одомашнивают лосей. Вот и ферма. Мы гладим новорождённых лосят, играем с вставшими на ноги, бегаем с ними наперегонки, умиляясь тому, как они забавно дрыгают ногами.

Но вот незаметно солнце клонится к закату и садиться за глухой еловый бор на западе. С Евгением Павловичем вновьозвращаемся в дом директора заповедника. На кухне А.П. Маринович вместе с отцом пьют чай. Е.П. Кнопре внимательно расспрашивает отца о ходе борьбы с ящуром. Болезнь эта потенциально опасна и для его лосефермы. Пока шофер Володя с отцом допивают чай, мы грузим в кузов свои корзины с гри-

бами. Запомнилось, как провожать нас вышла вся семья Мариновича. Сам он крепко жмет руку отца со словами: «Пока у руля ветнадзора Александр Федорович — мы можем спать спокойно. Завидную вашей энергии и оперативности доброй завистью».

«Да, — продолжает эту тему отец, на минуту задумавшись. — Если бы в 1944 году на строительстве сталинградской железной дороги, промедли я несколько часов, — а вспыхнула эпидемия туберкулеза среди лошадей, — то лежать бы мне где-нибудь во рву с простреленным затылком. Да вот эта оперативность спасла. Не только тогда от расстрела ушел, еще и к ордену Ленина был представлен, да только Берия меня лично вычеркнул из списка к награде».

«За что же?» — тут все устремили глаза на отца.

«Да лишь за то, — отшутился отец, — что моя фамилия оканчивалась на букву «р».

«Да, страшное то было время, — резюмировал Маринович. — Или грудь в крестах, или голова в кустах».

БЫЛ ТРЕТЬИЙ ПОДПОРЧЕННЫЙ ЮБИЛЕЙ

В тот 1970 год столетний юбилей со дня рождения В.И. Ленина праздновали с размахом. Партия и комсомол буквально тонули в вихре мероприятий. Как комсомольский секретарь завоудования завода им. «Серго», я был подключен к этому конвейеру.

В один из майских дней внушительная делегация из представителей Татарского обкома КПСС, Зеленодольского горкома партии и горкома комсомола двинулась в Раифу. Заправляли в тот день всем молодые комсомольские функционеры. Загодя подготовили десятки пихтовых венков, обвитых красными с золотом ленточками. Целый автобус пионеров в парадной форме с раннего утра маршировал в Раифу у чекистского мемориала, отрабатывая церемонию возложения венков. Бойкие пионервожатые изрядного возраста и комплексий без устали проговаривали хором с детьми при-

вествия и речевки. Толпы любопытных из деревни Белая-Безводная, поселка Раифа под пристальным оком милиции по периметру окружали мемориал. Время близилось к полудню, как вдруг по толпам пролетело: «Едут! Едут! Встречайте!»

Вмиг заиграл духовой оркестр, и из кавалькады «Волг» черного и серого цветов стали вылезать нарядные фигуры начальства и охраны разных рангов. Все построились. Оркестр заиграл траурный марш «Вы жертвою пали в борьбе роковой», и пионеры, чеканя шаг, понесли к памятнику погибшим чекистам венки. Я молча взирал на это действие. В голове, из памяти как-то сами собой всплыли строки стиха из какого-то самиздатовского сборника, автора которого я не помню:

*«Пионерки теплая рука
Будет нежно класть цветы за безналичный.
Будут комсомольцы из ЦК,
Будут комсомольцы из ЧЕКА
Охранять покой и сон всех тех публичный»...*

Но вот на импровизированную трибуну стали подниматься с приветственным словом слуги народа. Полились дежурные речи про мудрость партии, гений Ленина и тому подобное. Наконец, слово взял набирающий карьерный вес комсомольский лидер Зеленодольска Ф. Газизуллин. Коротко помянув ленинский юбилей, он почему-то стал вдруг поминать монахов Раифского монастыря.

«Зверское убийство, — вещал он, — произошло не без подстрекательства и личного участия, разжиревших от безделья, монахов, что заботились не о спасении душ, а о своем привольном житье в богатстве и безобразиях, и остервенело ненавидели Советскую власть!»

Неожиданный окрик из толпы селян нарушил тишину: «Люди! Не верьте, не верьте этому болтуни! Здесь убили грабителей монастыря, и монахи тут ни при чем. Я живой свидетель тех лет. И поделом им. А убили наши деревенские мужики!» Взоры всех устремились в толпу. Невысокая старая женщина, вся в черном, сама похожая на монахиню, гневно бросала обви-

нения в адрес власти, Ленина и погибших чекистов. Первыми опомнились представители власти. «Это что за безобразие! — рявкнул начальствующий бас. — Где милиция? Где председатель сельсовета?»

Кто-то кричал из толпы, что это Гланя, безводнинская блаженная. А в толпы собравшихся пионеров и гостей уже ринулись молодые парни в одинаковых черных костюмах, разыскивая селятеля смуты. Митинг быстро свернули. Ответственные работники что-то долго и гневно еще выговаривали, ошарашенным неожиданностью милиционерам, и резко захлопнув двери, умчались на своих «Волгах».

Красный от нагоняя председатель местного поселкового совета еще долго жестикулировал руками, доказывая что-то местным мужикам, при этом не раз проводил ребром ладони по горлу, наглядно давая понять, что его «песенка спета».

БЫЛ ЧЕТВЕРТАЯ. НА ЗОНЕ

Шел второй год моего директорства в Большеключинской школе.

Как-то осенним днем 1979 года, в самый разгар строительства нового здания школы, зеленодольское РОНО предложило мне подменить заболевшего историка раифского СПТУ. Не скрою, было искушение заглянуть за закрытые наглухо еще в 30-ые годы монастырские стены. И вот я — с особым пропуском на зоне. Первое, что я увидел — густо опутанные колючей проволокой монастырские стены, вышки с вооруженными часовыми, прожекторы.

«Ты, Александрч, не дрейфь! Там хоть и шпана отпетая сидит, воры и даже убийцы-малолетки не редкость, но сейчас их всех «к ногтя», особенно после того случая», — напутствовал меня учитель физики из Больших Ключей Ф.Д. Егоров, сам подрабатывавший в детской колонии. «А что за «тот» случай?» — полюбопытствовал я. «Да тут, не так давно, эта сволота проиграла в карты паренька одного, забитого такого, безответного, по дурости попавшего в колонию. Навалились на него ночью, забили рот наволочкой, связали, подняли на колокольню да сбросили вниз, а потом труп уложили в постель, как-будто человек спит.

фото 1970-ых

«...За всей этой скорбной картиной утрат и лишений проглядывала какая-то скрытая великая сила, преодолеть которую не могло советское безвременье...»

Утром побудка, а под одеялом — посиневший труп. После этого ЧП кой-кому крепко досталось. С тех пор тут дисциплина на высоте. Действительно, войдя в класс я обнаружил в нем вооруженного часового, сидевшего у двери. Оглядел класс. На меня во все глаза смотрели серые землистые лица подростков, дети тьмы и порока, в серых тюремных робах и все это при мертвый тишине. После неестественно идеального, но сравнению с обычной школой урока, часовой шепнул мне, указав на угрюмого мордастого парня на задней парте: «Если что не так, все к нему. Он тут «вышку держит». Вскоре я убедился, что на этой детской зоне порядки примерно такие же, как в обычной тюрьме. Та же иерархия: с «паханами», «шестерками» и прочей тюремной «табелью о рангах».

Я, как и все преподаватели, сразу получил в среде малолетних зеков кличку «профессор».

Неизгладимое впечатление произвел на меня вид монастыря изнутри: стройная надвратная колокольня с устремленным ввысь обезглавленным верхом. Черный от ржавчины циферблат башенных часов, обшарпаные стены с обвалившимися зубцами. Намертво прикипевшая часовая стрелка часов замерла на цифре два, вокруг нее едва просматривались следы винтовочных пуль. Вероятно, время остановилось здесь в те трагические дни 1930 года, когда монастырь прибыли громить чекистско-комсомольские вандалы. Но что поразило меня? За всей этой скорбной картиной утрат и лишений проглядывала какая-то скрытая великая сила, преодолеть которую не могло советское безвременье.

На второй день моего «замещения» все «воспитанники СПТУ» были выдвинуты на уборку картофеля. Запомнилась сцена, наблюдавшаяся в поле, где мне пришлось находиться вместе с учителями и воспитателями из СПТУ.

Пасмурный осенний день конца сентября. Наш уборочный десант высадился в поле, близ совхоза «Раифский». Были построены и перекликаны все привезенные подростки-заключенные. В одинаковых черных рабочих куртках, сатиновых шароварах, заправленных в кирзовые сапоги, с новыми оцинкованными ведрами, они, по команде, устремились за картофелекопалкой. Резво набросав полное ведро, они, стремглав, тащат его для передачи в кузов медленно идущего за ними грузовика.

Шофер подошел к нам, раскуривая папиросу «Беломора»: «Ишь, как стараются, сознательные...». Федор Дмитриевич Егоров, стоявший с нами, хитро прищурился, прикуривая у шофера: «Сознательные говоришь? А вон туда погляди, на пригорок, вон где оно, сознание-то, сидит!» Мы все повернулись в сторону пригорка. На зеленой его траве было расстелено большое солдатское одеяло, на котором барственno возлежал здоровенный детина в идеально белых шерстяных носках. Возле него суетились два паренька из колонистов, что-то нашептывая мордовороту на ухо. Третий, получая команды, то и дело сновал от возлежащего к работающим.

Мы подошли совсем близко к этому неформальному лидеру, державшему в своих лапах судьбы пареньков — изгоев общества. Ковыряя спичкой в зубах, поблескивая золотой фиксой, он, цедя каждый слог сквозь зубы, то и дело отдавал команды: «Пиняый, кажись, клад нашел? Три пенделя ему!» И вот уже к отставшему в борозде пареньку несется другой высоченный верзила и, награждая пинками, гонит его за ушедшиими вперед подельниками. «Законы здесь волчы, — резюмирует Федор Дмитриевич. — Стоит кому-то показать слабину, как другие, как по команде, начинают его клевать по башке, пока не забьют до смерти».

БЫЛ ПЯТЬЯ. СОКРОВЕННАЯ РАЙФА

Октябрьский семинар директоров школ Зеленодольского района в 1978 года проходил в Раифской средней школе. После официальной части семинара директор Раифской школы на правах хозяина любезно пригласил всех желающих осмотреть созданный историками школы музей Раифы, а точнее, бывшего монастыря. Время это, называемое сейчас «Брежневский застой», было глухое, заидеологизированное. Если что и позволялось смотреть в Раифе: так это либо дендрарий заповедника, либо мемориал погибших чекистов. И вдруг — нате вам! Музей монастыря!

Помнится, все изъявили желание. В двух залах, созданных из классных комнат, первое, что мы увидели, — настольный макет

монастыря. Вход в музей предваряла большая красивая цветная литография еще 19 века — панorama на фоне природы всех монастырских построек. А дальше и уж вовсе запретное в советской школе — солидное собрание старинных икон, бережно сохраненных жителями окрестных сел после разгрома и закрытия обители в начале 30-х годов. Все это были подарки музею — церковные книги в переплетах из телячей кожи, в витринах — медные складни, ладанки, старинные нательные кресты, монашеское облачение, в каком уходили «в затвор». Были тут и старинные фотографии монастыря, кажется, даже дагерротип, гравюры, документы, связанные с основанием обители.

Запомнился крохотный макет монашеской кельи, склеенного из папье-маше чьими-то умелыми руками, и большая групповая фотография монашествующих начала 20 века. Благоговейную тишину нарушил голос директора Атлашкинской восьмилетки Ф. Габдрахманова: «Молодцы! Чувствуется, что историки у вас на высоте. Но есть замечание и существенное. А где у вас классовая борьба? Смотрю я вот все и вижу только любование проклятым прошлым, а ведь монастырь — эксплуататор, хуже помещика. Крестьяне его ненавидели, восставали. А вот я, как историк, этого и не вижу. Удивляюсь, что инструкторы горкома партии недоглядели. Непорядок. Примите замечание к сведению».

И Ф. Габдрахманов в знак миролюбия заулыбался своей характерной улыбкой. А раифский директор, что-то бурчал в свое оправдание, ссылаясь на нехватку времени и средств. Я более других задавал вопросы хозяину школы. Видя мой неподдельный интерес, он спросил меня: «Вы сильно торопитесь?». Мне особо торопиться в тот день было некуда, и я понял, что меня ждет нечто интересное. Едва директоры разъехались, я услышал рассказ, который следовало бы записать на магнитофон, но, к сожалению, его у меня не было.

Реинкарнация офицера Сердобольского

Раифский директор провел меня в свой кабинет, усадил за стол и положил на него книгу: «Обелиск в Раифе». «Вы ведь читали эту книгу?» — спросил он. «Да, — ответил я, — и не только ее, но и материалы следственного дела Казанской ВЧК в 1918 году по факту гибели в Раифе казанских чекистов».

«Как Вы помните: виновником гибели считается царский офицер Сердобольский, организатор белогвардейского заговора в Казани, заговора офицеров, желавших свергнуть Советскую власть. Так вот: является как-то в наш музей солидный, преклонных лет мужчина с фотоаппаратом на шее. Сказал, что очень ему интересен монастырь, те события 1918 года. В Казани он проездом. Узнав, что в Раифе есть заповедник, а монастырь еще стоит, пусть как и тюрьма, решил все осмотреть, что это связано все с его молодостью. Я предположил, что это, быть может, ветеран еще гражданской войны. С радостью я ему рассказал обо всем, показал музей. Таинственный гость поблагодарил меня за внимание к нему, а затем рассказал следующее:

- Нынешняя моя фамилия Вам ничего не скажет, а вот прежняя (тут он взял и, полистав вот эту книгу «Обелиск в Раифе», поднес ее к моим глазам) — Сердобольский.

От волнения я потерял дар речи. Переспрашивал без конца: «Вы тот белый офицер? Тот, которого ловили чекисты?»

- Да, да, — отвечал мой гость, — только не белый, а царский офицер, за кем и ехали чекисты в Раифу. Не волнуйтесь. До недавнего времени я занимал довольно большой пост в Советской Армии, ветеран наших Вооруженных Сил. Сейчас в отставке, участвовал в Великой Отечественной, имею правительственные награды. (Действительно. Тогда в 1918 году казанская ЧК «нащупала» тайное собрание офицеров царской армии — ав.) Мы собирались в доме казанского дворянинаНиколая фон-Агте. Все вернулись по домам, кто уцелел на фронтах Первой Отечественной 1914/17 годов. Фронт развалили большевики. Мы видели — страна наша гибнет. Верные присяге «Царю и Отечеству» собирались узким кругом, но не с целью поднять восстание. Это было бы глупо, а с целью понять: куда идет Россия, поклявшись вызволить из заключения на Урале царскую семью. Кто-то на нас донес, начались аресты. Я, имевший на руках списки наших друзей в Казани, вовремя был предупрежден дворником, что за мной уже приходили и готовят засаду.

Спешно я все сжёг и через вишнёвый сад при доме, бежал в Раифу, где моя семья не раз отдыхала в мирные времена. Переночевав в гостинице при монастыре, я ранним утром уже ехал в какой-то товарной теплушке далеко от этих мест. Чекисты опоздали. Вступил в Красную Армию под фамилией моего друга, убитого в Галиции, да так и прослужил в ней до отставки по возрасту. Вот такой поворот судьбы, такая вот история с географией. Ну, мне пора, ждёт машина, — пожав на прощанье руку, он вышел.

Я же стоял, судорожно обмысливая все услышанное. Хотел что-то спросить, спешно вышел на крыльце школы, но увидел лишь хвост машины, скрывшейся за поворотом».

БЫЛ ШЕСТЬЯ. ОТЕЦ ВСЕВОЛОД

Утренний телефонный звонок от Георгия Фролова — фотографа, историка-археолога, краеведа, извещал меня, что завтра он едет в Раифу на встречу с только что назначенным игуменом — отцом Всеволодом, в монастырь. «Ты знаешь, этому парню удалось-таки пробить упрямство зеленодольских «держиморд», монастырь возвращен Церкви. Колония же ушла за стены монастыря. Приезжай! Присоединяйся! Всеволоду очень интересны твои сведения о музее монастыря», — кричал он в трубку. И вот мы в Раифе. У входа нас встречает молодой священнослужитель с доброй улыбкой на лице: «Будем знакомы, отец Всеволод. А Вы мне крайне нужны, начинаем поднимать монастырь, пришло время собирать камни». Простота и непрятязательность в обращении с нами, мирянами, подкупала в этом человеке, которого я видел в первый раз. В потертой камилавке и видавшем виды подряснике со следами побелки, он напоминал доброго сельского батюшку, каким, собственно, он и был еще недавно в пригородном селе Гари.

Ржавая калитка в монастырский двор со скрипом отворилась, и мы вошли на территорию еще вчера бывшей тюрьмы. Я вступал сюда во второй раз. В первый раз, за два десятка лет до этого, это была строгая тюремная зона, я шел по этой земле как учитель, идущий на урок к малолетним преступ-

никам в тюремную школу. На это раз картина была иной: огромные мотки колючки и спиралей Бруно, свернутые и смотанные на деревянные катушки, готовились к вывозу. Но тлен и разорение царили вокруг. Горы битого кирпича, строительный мусор и драные кошки, копошащиеся на нем, навевали безрадостные мысли. Память, невольно, воскресла лермонтовскими строками из его «Боярина Орши»:

*«...Он въехал на широкий двор
Все пусто... будто глад и мор
Недавно пировали в нем...»*

Георгий Фролов не переставал щелкать затвором своего «Зенита»: «Снимайте! Снимайте!» — ободрял его отец Всеволод. — Нам нужна фотолетопись возрождения. Скоро все здесь переменится».

Мы бродили по заброшенным храмам, превращенным в производственные мастерские. Кое-где еще стояли станки, из пробитых храмовых стен торчали вентиляционные вытяжки. А отец Всеволод все рассказывал и рассказывал про одиссею войны с зеленодольскими чинушами из райисполкома: «Ах, сколько сил душевных и физических потерял я, отстаивая обитель, и знаете, что читал в их глазах? Страх! Страх, что их времена уходят. Теперь вот пытаюсь привлечь к этому святому и поруганному месту общественность, беспокою предпрятия Казани, Зеленодольска. Есть уже реальные благотворители. И ведь вот еще что: скверна греха, преступлений, что творились здесь за семь десятков лет; взять хоть смерть мучеников за веру здесь. За всех будем молиться».

Отец Всеволод ведет нас к оскверненному монастырскому кладбищу: «Вот — пир Сатаны, — кивает он на надгробье со сбитым крестом. — Перевернули лицевой стороной и положили порогом для входа в токарные мастерские, а ведь это с могилы купца Атлашкина, главного, как теперь модно называть, спонсора Раифской обители. Первейшая задача сейчас — разобрать завалы, убрать весь хлам, тогда и приступим к восстановлению!»

В тот первый день нашего знакомства отца Всеволода спешно вызвали в Зеленодольск на встречу с руководством завода им. Серго. Поэтому договорились, что увидимся через неделю. В назначенный день мы приехали не одни, а с только что созданным отрядом ребят-скаутов казанского центра «Заречье». Этот дружный десант помогал с расчисткой территории. После трудов праведных отец Всеволод повел нас в полуподвал Братского корпуса. Здесь бережно сохранялись святыни обители, те остатки, что чудом уцелели или были спасены и сохранены в семьях окрестных монастырь деревень в годы безвременья. Узнав, что монастырь возрождается, они приносили спасенное.

Таинственный полумрак пятака вновь рождаемого монастыря напоминает катакомбы времен первых христиан. Вот на полу громоздятся ветхие богослужебные книги, какие-то документы, наскоро набитые в прозрачные папки, стеклянный ящик, полный позеленевших от времени нательных крестов, среди них выделяются два наперстных, предметы или фрагменты церковной утвари. На сбитых из неструганых досок стеллажах стоят иконы разных размеров и степени сохранности. Перед некоторыми горят свечи. Из глубины полумрака на насглядит строго и проницательно величавый образ Спаса «Ярое Око». Я невольно вздрогнул, и вновь в памяти всплыли лермонтовские строчки:

«Стоят над ложем образа,
Их ризы блещут, их глаза
Вдруг оживляются, глядят, –
Но с чем сравнить подобный взгляд?
Он непонятней и страшней
Всех мертвых и живых очей!»

Осторожно взял меня за руку, отец Всеволод по деревянным сходням вывел нас с Фроловым к свету: «Я проведу вас сам по всей территории. Мы выходим на уже расчищенную от мусора тропу и движемся вслед за наместником. «Смотри-ка!» — воскликнул вдруг Фролов. Мы все останавливаемся перед полуразрушенной башней, на которой еще угадываются следы побелки вековой давности. Из навершия башни, сильно накренившись, торчала ржавая сварная конструкция, готовая в любой миг свалиться нам на голову.

Заметив наш интерес, отец Всеволод оживился: «А этот символ я храню для истории. Вопреки планам реставрации. Обратите внимание, вот эта ржавая загогулина — ничто иное, как серп и молот. В 1929 году здесь сбили крест и воткнули вот эту печать сатаны. Понимаю, что это кощунственно терпеть всякому, но вот храню, как предупреждение всем живущим. Не уверен, смогу ли это все удержать от реставраторов. И добавил:

*«Давно не смотрит Спас с божницы,
И свет лампад давно погас:
Пред изначальным лицом жницы
Он в темноте оставил нас!
И вот теперь в привычном месте
Висит не Спасов образок,
А серп воздания и мести
И сердца мирный молоток!»*

«Откуда эти строчки?» — встрепенулся я. «Это наш русский поэт Сергей Клычков, — ответил отец Всеволод. — Смерть-жница, ведомая властью бесов, и его скосила в 1937 году. И заметьте: серп у него не символ труда, а символ смерти, мщенья, как впрочем, и молот. Не созидающий, а разрушающий, тот, что вгоняет гвозди в гроб. Спаситель разрушил смерть, как говорил апостол Павел. Большевики же растоптали Раифскую святыню, сбили все кресты и образы Спасителя. Крест — христианский символ воскресения и вечной жизни, заменили языческим символом смерти, забвения и пустоты. И об этом надо помнить все времена».

В тот день, уже за чашкой чая, в создаваемой трапезной отец Всеволод вновь вернулся к мысли, что все мы смертны, век наш скоротечен, и надо стремиться творить добро, где бы ты ни находился. Помнится, при прощании, благословляя нас на добрые дела помощи воссоздаваемому монастырю, он сказал: «Смысл моей последующей жизни в том, чтобы по мере сил и возможности возродить обитель, в меру тех сил, что отпустит мне Господь».

И это ему удалось.

Наместник Раифского монастыря архимандрит Всеволод.

Он всегда был жизнерадостным и открытым для всех. Этот снимок - на память всем, кто его знал в земной жизни и поминает в молитвах...

фото иеромонаха Иоанна (Сидоренко)

ежегодное православное издание

**Издание представляет интерес
для широкого круга читателей**

**Формат 170x240
Бумага
оффсет и мелованная 90 г/м**

**Печать оффсетная
Тираж 1000 экз.**

**Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии ООО «Вертола»:
г. Йошкар-Ола, ул. Толстого, 45**

**Заказ № 6655
от 30.12.2016**

© Раифский Богородицкий мужской монастырь.

Все права защищены.

Копирование, тиражирование и использование в любой форме посредством любых систем воспроизведения содержания Альманаха без письменного разрешения редакции не допускается.